

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

№ 4 (59)

Октябрь — декабрь 2018

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор
М. Л. Белоношко

Редакционная коллегия
Алексеев А. Н., Барбаков О. М., Гаврилюк В. В., Генин В., Голенкова З. Т., Данилов А. Н.,
Докторов Б. З., Егоршин А. П., Енгоян А. П., Зборовский Г. Е., Звонников В. И., Ильиных С. А.,
Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М.,
Силин А. Н., Тараданов А. А., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Редактор — А. С. Коленникова
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции: 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, офис 314
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhkoma@tyuiu.ru

Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий

ISSN 1993–1824

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2018

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

№ 4 (59)

October — December 2018

NEWS FROM HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002

Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by «Cabell», the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

**Editor-in-Chief
M. L. Belonozhko**

Editorial Board
Aleksyenko A. N., Barbakov O. M., Gavriluk V. V., Genin V., Golenkova Z. T., Danilov A. N.,
Doctorov B. Z., Egorshin A. P., Engoyan A. P., Zborovsky G. E., Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A.,
Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M.,
Silin A. N., Taradanov A. A., Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Editor — A. S. Kolennikova
Computer design, editor — N. V. Shuvaeva
Address: 625000, Russia, Tyumen, Kievskaya St., 52, office 314
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications

ISSN 1993–1824

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
«Industrial University of Tyumen», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ

Беспалова Ю. М., Кондаков В. А.

**Социальное всеединство в концепции Л. П. Карсавина
(общество будущего и роль в нем России)**

7

Тамбиянц Ю. Г., Шалин В. В.

**К вопросу о принципах формирования социальной иерархии:
историко-социологическое рассмотрение**

15

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

**Барбаков О. М., Белоножко М. Л., Гюрджинян А. С., Силин А. Н.,
Ситева С. С., Белоножко Л. Н.**

**Этносоциологический мониторинг в рамках
стратегического проекта по Арктике**

23

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Гаджигасанова Н. С.

**Особенности адаптации мигрантов
разных поколений: практики молодежи**

35

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Ильиных С. А.

Деятельность адвоката в контексте социологии

41

Колтунов А. Л., Ребышева Л. В., Савицкая Ю. П.

Проблемы политической активности молодежи: социологический аспект

46

Коршунов М. Н., Шестаков С. А. Формирование электоральных процессов в условиях трансформации избирательной системы постсоветской России (на материалах Тюменской области)	55
--	-----------

Скифская А. Л., Скифская К. Н. Социальная защита как фактор социальной безопасности и снижения социальных рисков	64
---	-----------

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Асадуллина Г. Р., Коровкина Н. В., Садретдинова Э. В., Шайхисламов Р. Б., Хайруллина Н. Г. Толерантность молодежи и интернет-коммуникации	69
--	-----------

Каманджаев Н. А., Намруева Л. В. Калмыцкая и западно-монгольская молодежь: выбор этнической идентичности	81
---	-----------

Тумакова С. Ю. Государственная и общественная поддержка посттрудоустройной адаптации российских пенсионеров	91
--	-----------

Фомичев И. Ю., Кибенко В. А. К новой социальности: «равенство различий» в межкультурном диалоге в освоении Арктики	96
---	-----------

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Легостаева И. В. Корпоративная культура университета в контексте профессорско-преподавательской оценки ее элементов и направлений развития	101
---	------------

Филатова М. Н., Майер В. В. Социокультурные аспекты медиасреды современного вуза	110
---	------------

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIAL PROCESSES

- Bespalova Yu. M., Kondakov V. A.**
Social unity in L. P. Karsavin's concept
(society of the future and Russia's role in it) 7
- Tambiyants Yu. G., Shalin V. V.**
On the principles of social selection:
historical and sociological review 15

MANAGEMENT PROCESSES

- Barbakov O. M., Belonozhko M. L., Gyurdzhinyan A. S.,**
Silin A. N., Siteva S. S., Belonozhko L. N.
Ethno-sociological monitoring within the
framework of strategic project across the Arctic 23

ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC PROCESSES

- Gadzhigasanova N. S.**
Features of adaptation of migrants
of different generations: practices of youth 35

POLITICAL AND LEGAL PROCESSES

- Ilynykh S. A.**
Attorney's activities in the context of sociology 41
- Koltunov A. L., Rebysheva L. V., Savickaya Yu. P.**
Issues of political activity of youth: sociological aspect 46

Korshunov M. N., Shestakov S. A. Electoral processes in post-Soviet Russia (a study of Tyumen region)	55
--	-----------

Skifskaya A. L., Skifskaya K. N. Social protection as factor of social safety of the personality	64
---	-----------

CULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS

Asadullina G. R., Korovkina N. V., Sadretdinova E. V., Shaykhislamov R. B., Khairullina N.G. Youth tolerance and Internet communication	69
--	-----------

Kamandzhaev N. A., Namrueva L. V. Kalmyk and West Mongolian youth: the choice of ethnic identity	81
---	-----------

Tumakova S. Yu. State and public support for post-labor adaptation of Russian pensioners	91
---	-----------

Fomichev I. Yu., Kibenko V. A. New sociality: «equality of differences» in intercultural dialogue in the development of the Arctic	96
---	-----------

PROBLEMS AND PROSPECTS OF SCIENCE AND EDUCATION DEVELOPMENT

Legostaeva I. V. Corporate culture of the university in the context of the evaluation of its elements and directions of development by the teaching staff	101
--	------------

Filatova M. N., Mayer V. V. Socio-cultural aspects of the media environment of modern university	110
---	------------

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIAL PROCESSES

УДК 378.1

СОЦИАЛЬНОЕ ВСЕЕДИНСТВО В КОНЦЕПЦИИ Л. П. КАРСАВИНА (ОБЩЕСТВО БУДУЩЕГО И РОЛЬ В НЕМ РОССИИ)

Ю. М. Беспалова¹, В. А. Кондаков²

¹*Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия*

²*Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия*

Аннотация. Статья посвящена ключевому вопросу нашего времени: обществу будущего в концепции социального всеединства Л. П. Карсавина. Авторы рассматривают суть сложного переходного периода, который переживают в настоящее время наша страна и все человечество. Дают ответ, каким, возможно, будут общество и личность нового типа. В статье показаны роль России в обществе будущего, а также те стороны гениального предвидения Л. П. Карсавина об обществе будущего, которые уже наступили в настоящем.

Ключевые слова: общество будущего; всеединство; социальная личность; симфоническая личность; социальные эфемериды

SOCIAL UNITY IN L. P. KARSAVIN'S CONCEPT (SOCIETY OF THE FUTURE AND RUSSIA'S ROLE IN IT)

Yu. M. Besspalova¹, V. A. Kondakov²

¹*Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov, Tyumen, Russia*

²*Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia*

Abstract. The article is devoted to the key issue of our time: society of the future in L. P. Karsavin's concept of social unity. We examine the nature of the complex transition that our country and all of humanity are currently undergoing. Also we give the answer, what might be the personality and society of a new type. The article shows Russia's role in society of the future, as well as those aspects of L. P. Karsavin's brilliant foresight about the society of the future that have already come in the present.

Key words: society of the future; unity; social personality; symphonic personality; social ephemeris

Современная Россия сталкивается со сложными плодами своей деятельности. В стране, как и в мире в целом, прилагается множество усилий в плане общественного реформирования, чтобы упорядочить современную социальную действительность, однако нередко они не достигают цели. Вторжение в природу, общество, социальную среду не

только не приносит пользы, но порождает эффекты, похожие на эффект бумеранга. Человечество нередко попадает в сферу нестабильности социальной жизни, когда у людей исчезают нормальная жизнь, устойчивая семья, перемешиваются социальные группы, неуклонно меняются сферы занятости, растет число мигрантов. Нестабильность социальных институтов подтачивает неопределенность будущего и порождает resentment в общественном сознании.

Все мы понимаем или чувствуем интуитивно, что прежняя жизнь с ее ценностями, нормами, знаниями подходит к концу. Наступает переломный момент в истории мира, предвестником которого стал тотальный кризис, охвативший все сферы жизни общества.

Почему же это происходит? Ответ предлагает немецкий социолог У. Бек в книге «Общество риска. На пути к другому модерну», когда он рассматривает современный ему мир Запада. Ученый отмечает, что «общество риска» есть глубокий разлом общества постмодерна. В основе модерна был порядок, опирающийся на науку, государства, достижение четко поставленных целей. В настоящее же время в западном мире победила глобализация, вылившаяся в глобальные риски: чрезмерную индивидуализацию, гендерную революцию, неполную занятость и др. По мнению ученого, западное общество стало проблемой для самого себя: капитализм, подорвав свои собственные основы, спровоцировал ряд экологических, экономических, политических и социально-культурных кризисов. Данные опасности являются социально сконструированными, а большинство природных катастроф произошли из-за деятельности человечества. Основания общества модерна сегодня рухнули, превратив общественную жизнь в место неопределенности [1].

Российский исследователь А. Фурсов пишет о наступлении в мире периода «новых Темных веков» [2].

Справиться с неопределенностью будущего не могут ни государства, ни человек. Принятые решения оказываются неэффективными, опаздывают или вызывают последствия, противоположные ожиданиям. В экономике, политике, общественной жизни и культуре создаются новые технологии, однако вместе с ними растет неуправляемость, выходит из-под контроля социальная жизнь, обостряются глобальные и локальные проблемы.

Объяснение данным процессам дает теория нелинейных сложных систем. С ее точки зрения, особенность любой сложной системы (природной и социальной) заключается в том, что она является системой с динамическим хаосом, в которой любая флуктуация, любое изменение влекут за собой другие, а затем возникает лавина изменений, которые полностью изменяют всю систему или разрушают ее. Общество и человек имеют пока очень слабые представления о сверхсложной системе природных, экономических, политических и социально-культурных взаимодействий, куда постоянно и неуклонно вторгаются. Они предполагают, что система, к которой прикладываются открытия науки и технологии, будет изменяться так, как они хотят. Однако в реальности оказывается, что это ошибка. На высоких уровнях системной организации результаты общественных и человеческих усилий могут оказаться бессмысленными или вредными, а могут привести к незапланированным парадоксальным последствиям, порождая «эффект бабочки» (Э. Лоренц).

Тем не менее наивная вера в возможности управления, прогнозирования, моделирования, контроля и манипулирования продолжает сохраняться, хотя действительность наглядно показывает ошибочность подобных представлений.

Наиболее яркие примеры дает современная евгеника, рождающая благодаря развитию достижений науки и созданию новых технологий множество социальных утопий. Развитие шестого экономического уклада, ядром которого являются нано-биотехнологии, генетическая модификация организмов, геновая инженерия, искусственный интеллект,

вера в создание «постчеловеческой цивилизации», позволило до предела довести идею доминирования человека над миром, природой и обществом, в том числе за счет полного разрыва с человеческой сущностью, что угрожает человечеству эволюционным сбоем, а обществу — полным уничтожением или новым рабством.

Для реализации целей технологического прогресса естественный человек становится неэффективным, а поэтому будет замещен человеком искусственным. С информационной цивилизацией связывается появление псевдосубъекта, превращающегося со временем в «нечто лучистое» (К. Циолковский) или в некий «плазмод» (В. Казначеев).

Тем не менее в последнее время формируется и противоположная тенденция, в развитие которой большой вклад вносит теория нелинейных сложных систем, разрабатывающая новые подходы к конструированию будущего, среди которых значительное место отводится социальным подходам. Ставка делается на ограничение антигуманной деятельности человека и его творческое развитие. Ее представители считают, что человек подчинен социальной системе, но одновременно способен оказывать на нее обратное воздействие. Сила влияния человека увеличивается, когда общество оказывается в состоянии неустойчивости, хаоса, предельной точкой которого является бифуркация — разветвление путей развития.

В наш век, век бифуркации (Э. Ласло) или перехода к обществу будущего, актуальным является возвращение человечества к утраченной первоначальной целостности, к состоянию единого. Эта идея красной нитью проходит через всю русскую философию (Н. Н. Страхов, В. С. Соловьев, Н. О. Лосский, С. Л. Франк, П. А. Флоренский, А. Ф. Лосев и др.). Идея всеединства существует и в русской социологии (П. Л. Лавров, Н. К. Михайловский и др.).

Одним из альтернативных вариантов является всесторонний анализ категории всеединства, который был проведен русским религиозным мыслителем, философом В. С. Соловьевым. Все существующее в мире и в человеке существует, по его мнению, не само по себе, не обособлено друг от друга, но в той всеобщей связи, которая делает мир и человека целостными, то есть через отношение к всеединству. В этом мире есть две формы существования: абсолютная, вечная и неизменная, где целостность уже есть, и относительная, преходящая, изменяющаяся, где целостность еще становится. Первая форма относится к Богу, вторая — к реальному миру. Постепенная реализация всеединства, в том числе и в социальной жизни, составляет смысл и цель мирового процесса.

Концепцию всеединства В. С. Соловьева продолжает Л. П. Карсавин. С нашей точки зрения, особого внимания заслуживают взгляды этого русского философа, историка и социолога о будущем человечества, в первую очередь в плане становления и развития социального всеединства. Ценным вкладом Л. П. Карсавина в общественную науку XXI в. является его концепция социальной личности. Социальных личностей множество, они представлены личностями разного иерархического порядка или разной степени «общности»: от первичной социальной группы до человечества — высшего олицетворения мира. Как социально-исторические феномены, личности образуют следующую иерархическую систему, к элементам которой он относил индивида, семью, род, класс, группу, народ, нацию, культуру. Позже Л. П. Карсавин добавил к этой иерархии еще государство и элиту.

Особое значение в творчестве мыслителя имеет понятие «симфоническая личность» — это социальный субъект в единстве всех других личностных форм. Симфоническая личность, с точки зрения ученого, представляет собой не сборное, а соборное единство индивидуумов. К последним он относил отдельных индивидуумов; социальные

общности различных уровней (классы, нации и т. д.); культурно-исторические типы (Н. Я. Данилевский), развитые культуры (О. Шпенглер), цивилизации (А. Тойнби); человечество.

При этом, полагал Л. П. Карсавин, эти индивидуумы выделены вовсе не потому, что отделимы от других и целого и замкнуты в себе, «но потому что они по-своему, по-особенному, специфически выражают целое» [3].

В плане уточнения понятия «симфоническая личность», какой являются каждая из вышеперечисленных социальных групп и человечество, отметим, что, по Л. П. Карсавину, она есть абсолютное единство множества входящих в нее низших соборных личностей, которые по отдельности не обладают ни полнотой своего единства, ни полнотой своего множества. Каждая из низших соборных личностей, по мысли ученого, актуализирует в себе высшие личности. При этом, выражая вышестоящие соборные личности, индивидуум жертвует собой во имя их блага.

Социальные личности различаются по своему личному специфическому качеству, по своей «идее», а также по степени совершенства. Более совершенный индивид является моментом в «вертикальном» ряду более совершенных социальных личностей, которые в этом ряду иерархически соотносятся между собой. Совершенный человек должен принадлежать к совершенной семье, социальной группе, народу, культуре.

Л. П. Карсавин пишет о взаимодополняемости, взаимокачествовании личностей, их необходимой сопряженности как с вышестоящими, так и с нижестоящими формами. Тем не менее философ говорит и о сохранении индивидуальности личности: «Однако, идя по этому пути, пожалуй, придешь к отрицанию индивидуальности, ибо всякая личность — момент высшей. Я полагаю, что такой опасности нам не грозит. Признавая свою личность всеединством, я признаю всякий момент ее единственным и неповторимым. Если же моя личность раскрывается в них, она не становится чем-то отвлеченным и формально-общим: каждый из них вся она» [4]. И далее: «Конкретная личность всегда — стяженное всеединство в индивидуализации, всегда индивидуализированная стяженность всеединой личности. Она индивидуальна не только в том, что можно назвать собственно или ограничено индивидуальным. В ней индивидуализированы и высшие личности. Она индивидуальна “насквозь”, всецело; вовсе не совокупность личности, но их, хотя и несовершенное, но вполне выраженное всеединство. Поэтому, познавая ее как целое, мы стяженно, смутно познаем в ней единство высших индивидуальностей...» [4].

Развивая учение о симфонических личностях, Л. П. Карсавин основывался на идее взаимного общения или коммуникации. Всякое взаимное общение двух или более индивидуумов, например, беседа, уже, по его мнению, предполагает некоторую социальную личность, их двуединство, триединство, многоединство, без чего нет ни взаимопонимания, ни какой-то бы ни было взаимосвязи. Особое значение ученый придавал вопросу о функциях социальных личностей. У каждой из них, по его мнению, есть основное задание или основная функция. От полноты и многообразия этой функции зависит и полнота самой социальной жизни. Так, народ и семья определяются очень обширными, почти всеобъемлющими заданиями. Они должны воплощать в себе все существование. Сословия уже функционально ограничены, отрицают многие «качествования» других сословий. Еще более ограничен общественный класс. Чем ограниченной функция, тем менее проявляется личное бытие в социальной группе и тем менее индивид эту социальную группу выражает. В итоге мыслитель выделяет два типа социальных личностей: самодовлеющие (полные) и функциональные.

Л. П. Карсавин пишет о вечном движении социального бытия, о непрерывном возникновении, расцвете и гибели в нем множества социальных личностей. Причем умирание личности в индивиде еще не означает полной его гибели: он может, умирая в качестве момента данной социальной личности, жить или рождаться в качестве момента другой. Гибель социальной личности является условием «индивидуации» высшей личности в других, которые подобны погибающей, то есть условием реального единства социально-личного бытия, которое представляется мыслителю таким же многообразным миром, как и бытие природно-органическое.

Наиболее развитые и устойчивые среди множества социальных личностей, полагал Л. П. Карсавин, слагаются в конкретный социальный организм, в определенный аспект великой социальной личности — человечество.

К сожалению, приводя суждение Л. П. Карсавина о том, что каждая симфоническая (соборная) личность, начиная от семьи и заканчивая человечеством, имеет своих носителей целостности и единства, нужно отметить, что применительно к человечеству сегодня такими носителями являются МВФ, Всемирный банк, ВТО, которые действуют в настоящее время не в интересах человечества, а в целях укрепления мирового господства стран «золотого миллиарда». А. Зиновьев и А. Дугин справедливо считали это формой «нового колониализма» [5, 6].

Что же касается субъекта современного этапа глобализации, каковым в идеале должно быть человечество, то он даже отдаленно не соответствует карсавинской концепции симфонической личности. Всякая коллективная, в том числе и высшая симфоническая личность, реальна только в индивидуациях ее конкретных индивидуумов. Но «золотой миллиард», претендующий на статус человечества, индивидуализирован лишь в развитых капиталистических странах и не включает в себя большинство стран незападного мира. Кроме того, человечество должно представлять собой «стяженное единство» и «цветущую сложность» (К. Н. Леонтьев), а не ущербное всеединство и унылое однообразие народов и цивилизаций, ориентированных на систему либеральных ценностей.

Л. П. Карсавин говорил об актуализации низших соборных личностей в высшей. Однако он предполагал и индивидуацию высших личностей в низших. Заметим, что индивидуация «высшей» симфонической личности (субъекта глобализации) в низших стала причиной разрушительных реформ во многих странах мира, а также и глобального экономического кризиса.

Полнота всеединства достигаема из любой точки. Она присутствует в стяженном виде в каждом отдельном моменте. Сцепление многочисленных «Я» достигнет наивысшего уровня, и уйти от этого будет невозможно. Ни один элемент общества не сможет существовать сам по себе, но только внутри целого и для него. Между людьми формируется особая связь, благодаря которой они, не теряя своих индивидуальных черт, приобретают новые, дополняющие суть каждой отдельной личности.

Всеединое человечество — это всевременное и всепространственное единство всех моментов времени, а также и пространственных индивидуализаций. Человечество должно выйти за пределы времени к вечности, когда будущее станет таким же реальным, как и настоящее. Взаимоотношения, основанные на всеединстве человечества, позволят свести к минимуму факторы конфликтности, создадут реальные механизмы устойчивого развития, а также механизмы равновесия, которые в современном обществе почти перестали существовать.

Что же в современном обществе произошло уже сегодня из того, о чем писал Л. П. Карсавин?

Незаметно и постепенно возникают новые общественные реалии. По Л. П. Карсавину, личность осуществляет себя несколькими способами. Случайное и недолгое общение незнакомых людей, митинг, собрание — все это «социальные эфемериды», то есть краткосрочно существующие личности. «Социальные эфемериды» — это следствие краткого, временного общения незнакомых людей. Контакты людей носят эпизодический характер. Социальные личности с более продолжительным сроком существования, но проявляющиеся время от времени, — это «периодические социальные личности». Однако существуют и «постоянные личности», такие как народ, правящий слой, человечество.

Сегодня можно отметить продолжающийся процесс дробления общества на множество социальных групп. О появлении ряда социальных групп, подобных «социальным эфемеридам» Л. П. Карсавина, пишет американский социолог, политолог и философ И. Валлерстайн в работе «После либерализма». По его словам, движения за права женщин, автомобилистов, животных, обманутых вкладчиков и других стали важной общественной силой. «Наш выбор как субъектов может состоять лишь в формировании групп, достаточно больших, чтобы отбить уголки силы и убежища. Поэтому не случайно тема “групповой идентичности” выдвинулась на передний план в масштабах не известных прежде современной миросистеме», — пишет он [7].

Тенденция появления социальных групп, которые, как правило, выдвигают альтернативу современному обществу и ряду аспектов глобализации, в настоящее время очень заметна и заслуживает серьезного отношения. Социальная группа понимается как организм, некоторое целое, состоящее из конкретных индивидуумов, объединенных «специфическим социальным общением». Что же станет условием такого общения, нам предстоит это выяснить.

Единство, по Л. П. Карсавину, должно осуществиться через воссоединение культур. При этом задачу русской культуры ученый видит в следующем: «Задача православной культуры и универсальна, и индивидуально-национальна. Эта культура должна раскрыть, актуализировать хранимые ею с VIII века потенции, но раскрыть их путем принятия актуализированного в западной культуре (в этом смысл «европеизации») и восполнения этого принятого через свое. “Восполнение” — это как раз национальная задача, без которой не бывает вселенской» [8].

Идея всеединства слабо осознается современным обществом, однако она продолжает свою эволюцию и на сегодняшнем этапе развития, что делает данную тему особенно актуальной. Процесс формирования мирового сообщества неумолим и необратим. Для каждой страны этот процесс будет происходить особым образом. От множества автономных независимых обществ и культур мир движется к их единству и взаимозависимости. Подобно тому как отдельные личности, вступая в новый для них коллектив, должны научиться играть новую роль, так и отдельные страны должны учиться тому же, что-то в себе менять, добавлять или развивать. «Сегодня трудно обозначить “пафос”, “этос” и “логос” будущей мировой цивилизации, то есть ее основную страсть, нравственный климат и направление умственных исканий, — пишет российский философ, социолог и культуролог Э. В. Соколов, — но можно перечислить некоторые формальные принципы будущего мирового порядка, с которыми нельзя будет не считаться: отказ всех стран от части своего суверенитета в пользу общемировых законотворческих и исполнительных органов; образование единого в своих основах экономического и информационного пространства; широкое распространение наднациональной массовой культуры; ответственность всех политических единиц за соблюдение принципов, установленных мировым сообществом; ответственность всех экономических единиц за соблюдение экологических и медицин-

ских норм; достаточно жесткая дисциплина, режим рациональности и экономии во всех видах деятельности, требующих ресурсов и территории. Вместе с тем ввиду усиления тенденций к централизации можно предположить возрастание обратных тенденций — децентрализации власти, экономики, культуры в форме, например, транснациональных корпораций, конфессиональных сообществ и культурных автономий, а также местных органов самоуправления. Таким образом, будут усиливаться автономии, которые не будут ограничены национальными, территориальными, конфессиональными и политическими рамками. А это значит, что эре национальных суверенных государств придет конец, хотя не обязательно это должно влечь за собой распад мощных этнокультурных общностей, какой является, например, Россия. Напротив, большие многонациональные общности, возникшие в результате многовекового развития, смогут укрепляться и еще более сплачиваться к обоюдной выгоде своих членов — отдельных наций» [9].

И эту новую реальность, а также чрезвычайно быстрыми темпами складывающуюся новую общественную систему нужно исследовать, понять порождаемые ей новые проблемы, до сих пор неизвестные нам. Какой ценой будет достигнуто всеединство человечества? Не повторится ли ошибка пренебрежения к индивидуальному человеку? Не делается ли попытка превратить человека в винтик нового гигантского механизма? На эти и другие подобные вопросы предстоит ответить общественной науке.

Говоря о будущем, Л. П. Карсавин писал об усовершенном человечестве, являющемся, по его мнению, абсолютным заданием для несовершенного человечества. В усовершенном человечестве «всякий момент его есть все оно, возникает из ничто, становится им и погибает, в котором и каждый из нас является им самим, будучи и единым с прочими моментами, и отличным от них... Оно предстоит нам как задание, как бесконечно удаленный идеал и полнота его раскрытия в каждом из нас. Каждый из нас есть всеединое человечество в его несовершенстве, становлении, в его стяженности» [4].

С нашей точки зрения, оригинальность концепции Л. П. Карсавина заключается и в том, что он рассматривает общество не с механистической точки зрения, как соединение социальных атомов, а с органистической, как некий целостный организм, используя категории индивидуации и индивидуализации.

Иной точки зрения придерживался в свое время Н. А. Бердяев, называя идеи Л. П. Карсавина философским оправданием рабства. Однако данная критика не учитывает того обстоятельства, что русские философы изначально исходили из противоположных точек зрения (Л. П. Карсавин стоял на позициях симфонической личности, а Н. А. Бердяев — на позициях персоналистического иерархизма, в соответствии с которым «личность не есть часть... хотя бы к огромному целому, всему миру»).

Хотелось бы, чтобы повод вернуться к проблеме всеединства в постановке Н. А. Карсавина был связан не с внезапно произошедшими мощными социальными катаклизмами, а, наоборот, с поиском реальных идей, «общего дела», которые объединят человечество и приостановят деструктивные процессы его дробления, а также с поиском путей лучшего будущего для России и ее народа.

Библиографический список

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника, Н. Федоровой. — М.: Прогресс-традиция, 2000. — 384 с.

2. Фурсов А. Наступают новые Темные века [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://view-w.ru/2017/09/09/andrej-fursov-nastupayut-novye-tyomnye-veka/> (дата обращения: 05.05.2018).
3. Карсавин Л. П. О личности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.libfox.ru/453672-9-lev-karsavin-o-lichnosti.html#book> (дата обращения: 20.05.2018).
4. Карсавин Л. П. Философия истории. – СПб., 1993. – 350 с.
5. Зиновьев А. О колониальной демократии – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kunalab.ru/stati/zolotaja-biblioteka/aleksandr-zinovev-o-kolonialnoi-demokrat.html> (дата обращения: 5.05.2018).
6. Дугин А. Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века. – СПб.: Амфора. – 2007. – 382 с.
7. Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ.; под ред. Б. Ю. Кагарлицкого. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.
8. Янковская Н. В. Взгляд Л. П. Карсавина на Россию и его участие в евразийском движении // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2013. – № 5 (177). – С. 35–39.
9. Соколов Э. В. О возрождении России. К философско-социологической постановке вопроса // Русская культура: традиции и современность. – СПб.: СПбГИК, 1993. – С. 21–35.

Сведения об авторах

Беспалова Юлия Михайловна, д. филос. н., профессор кафедры гуманитарных и общенаучных дисциплин, Тюменское высшее военное-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А. И. Прошлякова, г. Тюмень, e-mail: bespalova2@yandex.ru

Кондаков Вадим Авенгирович, д. филос. н., профессор кафедры гуманитарных наук, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, e-mail: kondakovva@tyuiu.ru

Information about the authors

Bespalova Yu. M., Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Humanities and General Sciences, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A. I. Proshlyakov, e-mail: bespalova2@yandex.ru

Kondakov V. A., Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Humanities, Industrial University of Tyumen, e-mail: kondakovva@tyuiu.ru

УДК 378

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ: ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ

Ю. Г. Тамбиянц, В. В. Шалин

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, Россия

Аннотация. Статья посвящена выявлению наиболее устойчивых принципов социального распределения индивидов, для чего привлекаются как известные социально-философские теории, так и исторический материал. Авторы стремятся синтезировать подходы, делающие ставку на ведущую роль исторической личности (Т. Карлейль, О. Шпенглер), предпочитающие объективистское рассмотрение (Г. Плеханов, К. Маркс), а также теорию пассионарности Л. Гумилева. На основании этого синтеза формулируются выводы о том, что принципы социального отбора в целом сводятся к формированию общественным организмом своего рода социального заказа на тот или иной тип личности.

Ключевые слова: принципы социального распределения; иерархический порядок; пассионарность

ON THE PRINCIPLES OF SOCIAL SELECTION: HISTORICAL AND SOCIOLOGICAL REVIEW

Yu. G. Tambiyants, V. V. Shalin

Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

Abstract. The article is devoted to the identification of the most stable principles of social selection, which involves both well-known socio-philosophical theories and historical material. We seek to synthesize approaches that focus on the leading role of the historical personality (T. Carlyle, O. Spengler), preferring objectivistic consideration (G. Plekhanov, K. Marx), as well as L. Gumilev's theory of passionarity. On the basis of this synthesis, there were made conclusions that the principles of social selection come to the formation by the social organism of a kind of social order for a particular type of personality.

Key words: principles of social selection; hierarchical order; passionarity

В условиях стремительно набирающей ход социальной динамики актуализируется проблема «вызовов» внутреннего и внешнего плана. Для того чтобы национальная общественная система смогла своевременно сформулировать адекватный «ответ», очень важным, если не решающим обстоятельством становится иерархическая структура, органичным образом вытекающая из общественной проблематики и нацеленная на ее решение. Проблематика неравенства красной нитью проходит почти через всю социальную историю человечества. Но вполне естественно, что степень ее актуализации прямо пропорциональна усложнению общества, его разрастанию в пространственных и количественных масштабах. Социальная дифференциация в вертикальном и горизонтальном разрезах предполагала разнообразие общественных функций, их иерархию. Свою концепцию стратификации американские социологи К. Дэвис и У. Мур опирают на значимость об-

щественных задач, что обуславливает неравномерное распределение людей. То есть занимающие более ответственные и важные для общества позиции индивиды закономерно наделяются большими материальными благами, престижем, властью [1].

Однако в свободном обществе, декларирующем принцип «равных возможностей», претендентов на вышестоящие позиции вполне хватает. Вопрос в том, как сделать эффективный отбор из многочисленного, но не всегда качественного людского материала. Очевидно, что подобный выбор несет судьбоносный характер для любого общества. Общественно-ведческая мысль демонстрирует здесь разнообразные мнения. Сторонники либеральной теории «открытого общества» (К. Поппер, Ф. Хайек) в целом опускают проблематику социального отбора, полагаясь на естественный ход свободных взаимодействий между индивидами. Куда более внимательны в этом плане сторонники консервативного подхода, полагающие эффективным механизм формирования иерархии, делающий ставку на высшее сословие, представители которого заняты реализацией наиболее важных общественных задач. Это оказывается под силу только им, аристократам, что формирует соответствующий социокультурный этос последних, где в качестве стержня выступают категории чести и долга.

Сильной стороной консервативного подхода (Ю. Эвола, О. Шпенглер, И. Ильин и др.) выступает признание качественного различия между людьми, что отражается на их социальных способностях и возможностях. Однако недооцененной оказывается динамическая составляющая, что обращает на себя внимание с позиции масштабной исторической панорамы социальных процессов. Групповому сознанию элиты всегда были присущи тенденции к кастовой замкнутости, что обуславливало систему воспитания с ориентиром на элитные функции, а также на формирование соответствующих культурных стандартов. Однако история полна случаев, когда представители аристократии оказывались значительно менее способными, чем выходцы из непривилегированных слоев, именно к деятельности в социетальных масштабах, что шло только на пользу обществу. Например, основатель династии Хань, выходец из зажиточного крестьянства Лю Бан сумел взять верх над потомственным военным аристократом Сян Юем; простой конюх Василий Македонянин показал себя намного сильнее на византийском троне, чем наследовавший его Михаил III; рядовой священник Сверрир по всем параметрам обошел прямого потомка норвежских королей Магнуса Эрлингссона.

Но каким же тогда образом решается проблема отбора людей для выполнения важных социальных функций? Определение принципов такого отбора и будет являться предметом исследования данной статьи. Здесь имеет смысл обратить внимание на продолжающийся дискурс о роли личности в истории, в рамках которого применяются в той или иной степени подходы героического и социального детерминизмов. Согласно первому, двигателем социально-исторической динамики являются выдающиеся способности конкретных индивидов. Сторонник этого подхода Т. Карлейль уверен, что мировая история представляет собой лишь биографию великих людей [2].

Признаки выдающейся личности, с точки зрения Т. Карлейля, это прежде всего «мужество, геройство ...доблесть, отвага и способность делать» [2]. Мыслитель не отбрасывает социальные факторы, соглашаясь, что появление героя возможно только в соответствующих условиях. Однако, по его мнению, выдающиеся личности есть носители неких универсальных качеств, перерабатываемых социумом в необходимую форму [2]. Отсюда следуют шесть типов карлейлевских героев: герой-пророк (Магомет), герой-божество (Один), герой-пастырь (Лютер, Нокс), герой-вождь (Оливер Кромвель, Наполе-

он Бонапарт), герой-поэт (Уильям Шекспир), герой-писатель (Жан-Жак Руссо, Роберт Бернс).

Т. Карлейль считает главной причиной неудач разного рода войн, восстаний или радикальных преобразований именно отсутствие подлинного вождя — во главе подобных дел оказываются слишком неспособные люди. Но если личность, наделенная необходимыми качествами, все же появится, в этом случае проблемы общества будут решены как должно. «Отыщите человека самого способного в данной стране, поставьте его так высоко, как только можете, неизменно чтите его, и вы получите вполне совершенное правительство, и никакая избирательная урна, парламентское красноречие, голосование, конституционное учреждение, никакая вообще механика не может уже улучшить положение такой страны ни на йоту. Она находится в совершенном состоянии; она представляет собой идеальную страну» [2].

Подобные рассуждения не лишены основания, однако в них явственно прослеживается недооценка факторов социального смысла. Речь идет об объективных обстоятельствах, которые далеко не всегда возможно преодолеть даже выдающейся личности. В человеческой истории имеется немало случаев, когда именно объективные факторы оказывались решающими, сводя на нет индивидуальный гений. Например, возглавлявшие противодействие римской экспансии вождь бриттов Каратак и царь Дакии Децебал, вождь восставших рабов Спартак или боровшийся с самодержавием русский казак Емельян Пугачев обладали в достаточной степени харизмой и весьма немалыми способностями. Однако их личные способности не могли скомпенсировать недостатка ресурсов, организационной структуры, поддержки населения и т. п.

Мы считаем, что личностный фактор следует принимать в расчет, однако его вовсе не стоит абсолютизировать. Даже выдающиеся конкретные способности не всегда применимы в той или иной социальной обстановке. Например, успешные полководцы впоследствии могли проявить себя бездарными администраторами (У. Грант) или оказаться слабыми дипломатами (король Ричард Львиное Сердце). Отсюда следует, что выдающиеся личности оказываются востребованными по ситуации, которая, в свою очередь, формируется, исходя из общественных проблем и запросов.

Социально ориентированным следует определять подход Г. Гегеля, который, как и Т. Карлейль, считает необходимым и неизбежным появление на арене истории великих людей. В определенный момент прогрессивный вектор социального движения может оказаться под сомнением. Тут и появляется великая личность, творящая необходимые для общества поступки. Решительные шаги редко обходятся без определенных социальных издержек, что вполне оправдано с точки зрения Г. Гегеля и того же Т. Карлейля, однако встречает осуждение со стороны таких мыслителей, как К. Ясперс, Н. Чернышевский [3].

Ценные соображения относительно роли личности в истории предлагает российский мыслитель-марксист Г. Плеханов. Он видит главную роль в общественных условиях, делающих запрос на определенную фигуру. Например, в постреволюционной Франции обозначилась потребность в энергичном военном предводителе, что делало как нельзя более уместными таланты Наполеона Бонапарта. То есть последний со своими способностями оказался в нужное время и в нужном месте. «Тот же Наполеон умер бы мало известным генералом или полковником Буонапарте, если бы старый режим просуществовал во Франции лишних семьдесят пять лет» [4]. То есть, согласно рассуждениям Г. Плеханова, великие времена создают великих личностей.

Итак, очевидно, что подходы социального и героического детерминизмов вполне между собой согласуются. Индивидуальные характеристики погружаются в социальные

условия, не только получая от них импульс действия, но и оказывая на них обратное воздействие, что было отмечено теоретиками структуризации (Э. Гидденс, П. Бергер, Т. Лукман, П. Бурдьё). Индивидуальные действия большинства людей, взятые по отдельности, мало что меняют в окружающей реальности. Разумеется, речь идет о поступках в масштабах целого общества, которые по силам очень немногим. Подобные индивиды обозначаются как выдающиеся личности или герои.

Социологический ракурс рассмотрения подобного типа личностей предполагает некоторые уточнения. Последователи консерватизма предпочитают отличать подлинных лидеров от псевдολидеров, действия которых выражаются феноменом «бонапартизм». Суть последнего заключается в апеллировании к низким чувствам толпы, за счет чего происходит набор политического веса. Как считает Ю. Эвола, настоящий лидер вовсе не нуждается в признании масс, но, наоборот, массы испытывают нужду в нем [5]. То есть бонапартизм характеризует отношения толпы и ее вожака, тогда как о подлинном герое в подобной ситуации речь идти не может.

Стоит признать определенную правоту сторонников консерватизма в том, что вождь толпы (например, лидер футбольных фанатов) вовсе не обязательно выдающаяся личность. Так и последняя воспринимается толпами в роли вождя отнюдь не во всех случаях. Однако апеллирование к самым примитивным аспектам массового сознания действительно есть неотъемлемая черта современных демократий, что в целом не способствует общественной пользе. Современный исследователь Л. Гринин констатирует применительно к нынешнему обществу тип «людей известности», которые в подавляющем большинстве представляют собой нечто вроде карикатуры подлинно великих личностей. Тем не менее последних — единицы, тогда как первых — многие тысячи [6].

Но если вожди футбольных фанатов или подавляющее большинство успешных деятелей шоу-бизнеса справедливо не признаются в качестве выдающихся личностей, то сложнее обстоят дела, когда речь идет о Гае Марии или братьях Гракхах. О. Шпенглер полностью отрицает за ними право национальных лидеров, так как они выражали интересы низов, но признает данный статус за ставленником родовой аристократии Луцием Корнелием Суллой [7]. В таком видении представляется уже идеологическая ангажированность сторонников консерватизма, считающих, что подлинные герои могут быть только выходцами из аристократии. Выше уже доказывалась явная неоднозначность подобного вывода.

В отношении бонапартизма, условия которого предполагают зависимость лидера от массы, история показывает, что фактически любая политическая фигура не может обойтись без социальной базы. Игнорирование ею подобной проблемы означает для нее фактическую смерть как политика. Герой-лидер нуждается в массах приблизительно так же, как и они в нем. И народные вожди становятся таковыми потому, что выражают коллективные чаяния. С этой целью происходят воззвания, обращения к множеству людей в доступной и лаконичной форме. Таким образом, народному лидеру трудно обойтись без элементов популизма, критерии которого весьма расплывчаты. Тем не менее в современной действительности политические оппоненты охотно применяют ярлык популиста, навешивая его друг на друга в ходе пропагандистской идеологической борьбы, хотя в популизме можно упрекнуть едва ли не любое политическое движение или партию.

Справедливости ради не следует сбрасывать со счетов марксистский подход, смещающий социальные акценты в противоположную консерваторам сторону. Его сторонники, опираясь на концепцию классового сознания, утверждают происхождение героев-революционеров из аутсайдерских групп, обычно заинтересованных в радикальной смене

общественного порядка. Но и из этого утверждения имеется достаточно исключений, чтобы задаться вопросом: а исключения ли это? И самый яркий пример — социальное происхождение самих классиков марксизма-ленинизма. То есть, исходя из исторической практики, уместно предположить, что феномен выдающихся личностей зачастую не связан с их социальным происхождением.

В рамках макросоциальной проблематики, касающейся поиска адекватных общественных «ответов» на поступающие непрерывно «вызовы», следует задаться вопросом об определении расширенной базы социального отбора. В этом плане интересна позиция известного польского ученого П. Штомпки, разделяющего общую массу индивидов на три типа.

Как утверждает названный мыслитель, первый тип состоит из индивидов, занятых обычной, повседневной деятельностью. Второй тип являют собой исключительные люди, которые благодаря своим особым личным дарованиям «действуют во имя или в интересах других, либо манипулируют другими, подавляют их». Здесь речь идет о пророках, разного рода лидерах, государственных деятелях и т. д. Наконец, третий тип включает людей, отнюдь не всегда наделенных исключительными личными качествами, но занимающих статусы, обеспечивающие особые полномочия достаточные, чтобы определять судьбу других. Это политики, законодатели, менеджеры, администраторы, полицейские и т. д. [8].

Несомненно, что для общественной системы необходимы все три типа. Но каково оптимальное их распределение? Во всех ли случаях дает нужный результат лидерство второго типа? Не стоит забывать, что количественно представители этого типа существенно уступают всем остальным. Некоторые моменты помогает уточнить теория пассионарного напряжения историософа Л. Гумилева, очень своеобразного отечественного мыслителя, при всем при том, что ряд слабостей его учения справедливо подчеркивается.

Из концепции пассионарности мы склонны вывести ряд важных для нашей темы моментов.

1) Ведущими социальными субъектами, обеспечивающими выработку адекватных «ответов» на «вызовы», являются индивиды, наделенные особыми внутриличностными чертами. Последние представляют собой своего рода импульсы, укорененные психологически и в основном имеющие биологическое происхождение. Подобные импульсы Л. Гумилевым определяются как пассионарность, «являясь чертой конституции человека, она не имеет отношения к этическим нормам, одинаково легко порождает подвиги и преступления, творчество и разрушение, благо и зло, исключая только равнодушие» [9].

Реализация этого импульса на практике выражена в форме стремления к конкретной целенаправленной деятельности, определяемой свойством общественных проблем. Здесь могут иметь место, например, борьба за независимость (Ян Жижка, Александр Невский), завоевания (Александр Македонский, Наполеон Бонапарт), борьба за чистоту религии (Джон Уиклиф, Джироламо Савонарола, Мартин Лютер) и др. Но универсальной пассионарной чертой выступают одержимость и страсть в достижении избранной цели.

2) Реальные поступки, воздействующие на общественный порядок, возможны лишь при совместных действиях достаточного числа пассионариев, но никак ни при разрозненных действиях одного-двух индивидов. Так, вожди известных социальных движений, будучи пассионариями, никак не смогли бы добиться поставленных целей без «внутренних помощников» в необходимом количестве. По словам Л. Гумилева, обычно пассионарии находятся внутри «толпы», во многом предопределяя ее потенциальную степень активности в определенный момент времени [9]. Отсюда судьбоносные для общества поступки представляют собой сумму усилий необходимого числа индивидов со-

ответствующего склада. При этом данное число предопределяет уровень пассионарного социального напряжения, составляя важный компонент потенциала к самовоспроизводству.

3) Востребованность пассионариев определяется главным образом характером социальных проблем. Как следует полагать, уровень пассионарного напряжения есть своеобразный внутренний социальный резерв, который активизируется в ситуации системного кризиса и масштабного общественного катаклизма.

4) Считая пассионарность природным феноменом, Л. Гумилев подчеркивает его «блуждающий» характер, отсутствие привязки к конкретному слою или классу. В различные исторические эпохи процент пассионариев изменяется, как применительно к обществу, так и в отношении определенной социальной группы. Тем самым пассионарные личности могут реализовывать свой потенциал также в направлении групповых (классовых) интересов, чем можно объяснить те же ожесточенные гражданские войны.

Некоторые другие авторы рассуждают в близком Л. Гумилеву духе. Так, В. Зомбарт в своем анализе предпосылок генезиса капитализма говорит об авантюристическом психическом складе многих искателей приключений, добившихся богатства и в результате организовывающих собственное дело [10]. М. Вебер пишет о том, что составляющие предпринимательский дух аскетизм, бережливость, накопительство настолько овладевали людьми, что степень одержимости этим свидетельствует о пассионарном напряжении. Однако этих мыслителей отличает от автора концепции пассионарности то, что первые предпочитают социологическое объяснение, тогда как Л. Гумилев — биологическое. Однако утверждение последнего по поводу отсутствия социальной привязки пассионарности бьет по консервативным теориям, которые настаивают на соответствующем социальном происхождении выдающихся личностей.

При всей оригинальности подхода Л. Гумилева он действительно существенно недооценивает значение социальных процессов. Мы считаем, что последние как призывают, так и где-то участвуют в формировании пассионарного склада. Например, идеологические процессы, по поводу которых Г. Ле Бон утверждал, что «дать человеку идею значит удесятить его силы» [11], а О. Кошен даже ввел концепт «*Homo ideologicus*» («человек идеологический»). Одержимые некоей идеей герои способны на мобилизацию значительных социальных сил, во многом за счет передачи им собственной духовной одержимости (пророк Мухаммед). История являет немало примеров того, как идея преобразовывает общество, если находит достаточное число сторонников. В этом плане можно вспомнить возникновение ислама, когда безобидные и гедонистично ориентированные торговцы вдруг преобразовались в суровых воинов, завоевавших часть Византии, часть Индии и всю Сасанидскую империю [12].

В зависимости от определенной общественной ситуации реализация пассионарных (героических) импульсов может иметь неоднозначный результат. Так, в первые дни войны советское общество не имело недостатка в носителях пассионарности, однако долгое время не могло использовать его наиболее эффективным образом. В этом плане показательна судьба летчика Козырева, описанного в романе К. Симонова «Живые и мертвые». Будучи прекрасным асом, Козырев оказался никуда не годным командиром. Отсюда стоит предположить, что пассионарный импульс социально эффективен обычно в тех случаях, когда ему заданы конкретный вектор и рамки. Поступки, расцениваемые как героические в одних обстоятельствах, могут приобретать противоположный характер в другой обстановке.

Таким образом, по ходу меняющихся социальных проблем в зависимости от различного рода процессов и обстоятельств, не может не меняться характер социального отбора или общественного «заказа». Прав П. Штомпка, утверждая, что в ситуации, когда общество подходит к точке бифуркации (то есть в переходный период), возрастают шансы людей с героическим или авантюристическим складом натуры [8]. По-другому обстоят дела в относительно спокойном социальном контексте, когда «ко двору» приходится более уравновешенные личности. Распространенной проблемой стагнирующих и деградирующих общественных систем оказывается доминирование человеческого материала весьма низкого качества.

Видимо, личности, носители подлинных пассионарных черт, никак не могут игнорировать социальные условия, либо преобразуя их под себя, либо адаптируясь к ним. Зачастую могут иметь место оба процесса в различных сочетаниях, что происходит на основе правильной оценки ситуации. То есть в появлении настоящего лидера, необходимого обществу, играют роль как антропологические, так и социальные источники. Некую универсальную черту являют качества, удачно охарактеризованные американцем У. Липпманом, по словам которого, величие национального лидера предполагает внутриличностное доминирование его «второй натуры», подавляющей первую натуру, примитивную. Суть здесь сводится к тому, что «ради интересов своего царства, государственного устройства, своего отряда, своего корабля, своего дела» происходит обуздание собственных слабостей и низменных страстей. Дальше У. Липпман предлагает тезис, согласующийся с нашими рассуждениями. «И хотя подобное поведение обычно приписывают аристократам, оно не связано с благородным происхождением и любыми прерогативами. Аристократы являли данные добродетели не потому, что они являются врожденными аристократическими качествами, а потому, что именно аристократы осуществляли управление» [13]. То есть здесь весьма точно определено культурно-психологическое понимание аристократии, в отличие от социальной интерпретации, предлагаемой сторонниками консерватизма.

Подытожить вышеизложенный материал мы считаем возможным следующими выводами.

- Принципы социального отбора, в результате которого образуются иерархические структуры, в общем плане сводятся к формированию социального заказа на определенный тип личностей, исходя из насущных потребностей и целей общества. Характер «заказа» (в качественном и количественном плане) во многом предопределен исторически и социально.

- В кризисной ситуации наиболее востребованными оказываются индивиды, носители определенного личностного склада, в котором основными чертами выступают понимание общественных интересов и решительная готовность несмотря ни на что реализовывать эти интересы. Такой психический склад является необходимым для общественной системы, но никак не предопределяется социальным происхождением, как склонны считать консервативные мыслители.

- Большое значение имеет организационный фактор в плане эффективного использования индивидов, обладателей соответствующего склада. Бесконтрольный подход здесь может привести не к решению, но усугублению внешних и внутренних проблем – те же носители пассионарности способны как содействовать общественному величию, так и привести общество к гибели (нацистская Германия). Поэтому для общества в соответствии с его политическими ориентирами целесообразно придать рамки и векторную направленность используемым психологическим ресурсам.

Библиографический список

1. Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации // Социология. Хрестоматия / Под ред. А. И. Кравченко. – М.: Академия, 1997. – С. 235–244.
2. Карлейль Т. Герои. Культ героев и героическое в истории // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2003. – 800 с.
3. Тамбиянц Ю. Г. «Открытое общество»: идеология и реальность. – Краснодар: КубГАУ, 2014. – 600 с.
4. Плеханов Г. В. К вопросу о роли личности в истории // Избранные философские произведения в 5 т. Т. 2. – М.: Политиздат, 1956. – С. 300–334.
5. Эвола Ю. Люди и руины. – М.: Профиздат, 2002. – 288 с.
6. Гринин Л. Е. Звезды без грима. О кумирах шоу-бизнеса, кино и спорта. – М.: АСТ Харвест, 2007. – 384 с.
7. Шпенглер О. Годы решений. – М.: Скимень, 2006. – 240 с.
8. Штомпка П. Социология социальных изменений. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
9. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-reading.co.uk/book.php?book=17542> (дата обращения: 12.03.2018).
10. Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. – М., 2004. – 624 с.
11. Ле Бон Г. Психология толпы // Психология толпы: социальные и политические механизмы воздействия на массы. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2003. – 800 с.
12. Жизнеспособность Российского государства как философско-политическая проблема / Отв. ред. В. Н. Шевченко. – М.: ИФРАН, 2006. – 152 с.
13. Липпман У. Публичная философия. – М.: Идея-Пресс, 2004. – 160 с.

Сведения об авторах

Тамбиянц Юлиан Григорьевич, д. филос. н., доцент, профессор кафедры социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, e-mail: 09081969jylian@rambler.ru

Шалин Виктор Викторович, д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой социологии и культурологии, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, e-mail: viktor_filosof@mail.ru

Information about the authors

Tambiyants Yu. G., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor at the Department of Social and Cultural Sciences, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, e-mail: 09081969jylian@rambler.ru

Shalin V. V., Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Social and Cultural Sciences, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, e-mail: viktor_filosof@mail.ru

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ MANAGEMENT PROCESSES

УДК 316.4.051.2

ЭТНОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ В РАМКАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРОЕКТА ПО АРКТИКЕ

**О. М. Барбаков, М. Л. Белоножко, А. С. Гюрджинян,
А. Н. Силин, С. С. Ситева, Л. Н. Белоножко**
Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия

Аннотация. Разработка и реализация стратегического проекта «Повышение эффективности освоения Арктической зоны РФ» потребовали создания системы перманентного отслеживания изменений социально-экономической ситуации в арктическом регионе, качества жизни и социального самочувствия проживающих здесь людей, как участников неоиндустриального освоения, так и коренных малочисленных северных этносов. В качестве такой системы авторами предложена концепция формирования и функционирования этносоциологического мониторинга и, в частности, интеллектуальной информационно-аналитической системы.

В рамках предложенной методологии представлены некоторые результаты обработки и интерпретации эмпирической информации, полученной в ходе последних экспедиций 2017–2018 годов в Ямальском, Пуровском, Тазовском и Красноселькупском районах Ямало-Ненецкого автономного округа.

Ключевые слова: арктический регион; этносоциологический мониторинг; информационно-аналитическая система; аборигенные этносы; социальное самочувствие

ETHNO-SOCIOLOGICAL MONITORING WITHIN THE FRAMEWORK OF STRATEGIC PROJECT ACROSS THE ARCTIC

**O. M. Barbakov, M. L. Belonozhko, A. S. Gyurdzhinyan,
A. N. Silin, S. S. Siteva, L. N. Belonozhko**
Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The development and implementation of the «Increase in Efficiency of Development the Arctic zone of the Russian Federation» strategic project demanded the creation of a system of permanent tracking of changes in the social and economic situation in the Arctic region, the quality of life and social well-being of people, both participants of neo-industrial development, and indigenous small northern ethnic groups living here. We offer the concept of formation and functioning of ethno-sociological monitoring as such a system and, in particular, the intellectual information and analytical system.

Within the framework of the offered methodology, we present some results of processing and interpretation of the empirical information obtained during the last expeditions of 2017–2018 in Yamal, Purovsky, Tazovsky and Krasnoselkupsky areas of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug.

Key words: the Arctic region; ethno-sociological monitoring; information and analytical system; indigenous ethnic groups; social well-being

Методология и методы

Социологами Тюменского индустриального университета в течение последних лет ежегодно проводятся научные экспедиции на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО). Их цель — диагностика современной и предстоящей при разных сценариях развития социально-экономической ситуации и разработка на этой основе инновационных механизмов и технологий регулирования социальных процессов для достижения приемлемого качества жизни людей в арктических регионах. При этом выявляются факторы, определяющие уровень человеческого (качество жизни, получение образования и сохранение здоровья) и социального потенциала (консолидация регионального и местных сообществ, доверие к властным структурам и социальному окружению, уровень развития гражданского общества, межэтнической и межконфессиональной конфликтности и др.).

Принятая методология базируется на концептуальном подходе, предложенном П. Бурдые и развитом отечественными социологами [1–3].

Исследования ориентированы на комплексную оценку пространственной организации и трансформации территории холодных регионов в процессе нового индустриального освоения, поиск эффективных траекторий социально-экономического развития арктических территорий, малопригодных для постоянного проживания пришлого населения и являющихся основой традиционной хозяйственной деятельности, в первую очередь оленеводства, малочисленных северных этносов. В ЯНАО, где в основном проводятся наши исследования, это ненцы, ханты и селькупы. В процессе исследования нами использовался качественный и количественный социологический инструментарий для получения необходимой эмпирической информации (массовые анкетные опросы разных социальных групп северян, включая постоянно проживающий и вахтовый персонал дислоцированных в циркумполярные регионы компаний, представителей разного типа поселений и разных этнических групп половозрастных категорий, по авторским анкетам и репрезентативной выборке; углубленные экспертные опросы и неформализованные интервью чиновников разного уровня, топ-менеджеров северных компаний, представителей СМИ и структур гражданского общества; фокус-группы; контент-анализ документов, изданий СМИ, интернет-порталов и сайтов северных организаций и др.) [4, 5].

Интеграция накопленной нами информации реализуется в рамках разрабатываемой в Тюменском индустриальном университете интеллектуальной информационно-аналитической системы.

Предлагаемая платформа для реализации системы представляет собой комплекс программных средств, включающий SQL Server, SAP ERP ECC (GBI) для организации хранилища данных структурированной и неструктурированной информации, SAP Business Objects Enterprise XI, облачные технологии Goggle Analytics, Goggle и другие инструменты Goggle, Microsoft Azure, IBM, библиотеки Python и R для создания модулей аналитики, платформу больших данных на основе HADOOP.

Внедряемая информационно-аналитическая интеллектуальная система (ИИАС) должна качественно повысить эффективность комплексного этносоциологического мониторинга неоиндустриального освоения арктического региона. Можно выделить позитивные моменты предлагаемого в проекте решения.

1) Информация будет интегрирована в одну платформу, все данные, которые были аккумулированы в разных источниках, исторических архивах, оперативных тран-

закционных системах, во внешних источниках, в автоматизированных рабочих местах, преобразовываются в единый формат в рамках единого хранилища данных¹.

2) В такой системе разделяются два набора данных, используемые в двух различных процессах: оперативная обработка в учетных системах и решение задач в системах поддержки принятия решений, что позволяет разделять оперативный анализ и стратегическое планирование.

3) Предлагаемая ИИАС обеспечивает точность, достоверность, актуальность, полноту управленческой информации, что способствует повышению качества постановки и принятия управленческих решений.

4) Единый формат собранной в хранилище данных информации обеспечивает эффективное управление, мониторинг и контроль.

5) Хранимые данные структурируются, если они неструктурированные, унифицируются, что существенно облегчает доступ к ним, проведение аналитики, прогнозирование и разработку сценариев развития территорий.

6) Предлагаемая интеллектуальная информационно-аналитическая система арктической зоны РФ обеспечивает оперативную доступность данных.

7) В хранилище данных ИИАС достигается персонализация доступа к информации, что позволяет обеспечить конфиденциальность информации.

8) В рамках создаваемого хранилища данных системы формируется единый комплекс управленческой отчетности.

9) Механизмы интеграции данных из различных источников, четкая структурированность преобразованной информации при проведении анализа и прогнозов значительно сокращают временные затраты на обработку исходного массива данных.

10) Аналитическая отчетность формируется при минимальном количестве аналитических модулей, входящих в ИИАС. При этом упрощаются процедуры внутреннего контроля аналитических процессов.

11) Предлагаемая интеллектуальная информационно-аналитическая система арктической зоны РФ обеспечивает гибкую настройку и огромное количество отчетных форм и рассчитываемых показателей, что наглядно представляется в рамках механизмов визуализации информации.

12) Система хранения данных в хранилище предоставляет надежные механизмы и организацию защищенности информации от несанкционированного доступа.

ИИАС является основным инструментарием создаваемой на ее базе системы этносоциологического мониторинга неиндустриального освоения арктического региона для моделирования всех его процессов, в том числе социально-экономических и социокультурных, что даст возможность:

- составить принципиальную схему исследуемого объекта (территорий арктического региона), которая будет реализовывать целевые параметры своей деятельности;
- на базе принципиальной схемы имитировать различные сценарии прогнозов неиндустриального развития арктической зоны РФ без необходимости вложения средств в физическую инфраструктуру;
- на базе результатов сценариев решать задачу оптимизации исходных и целевых параметров деятельности на территориях.

¹ Корпоративные хранилища данных. Интеграция систем. Проектная документация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prj-txp.ru>.

Создаваемая система мониторинга будет представлять собой электронный симулятор постановки и принятия управленческих решений для менеджмента нефтегазовых компаний, органов власти разных уровней, который сможет обеспечить информационно-аналитическую поддержку процедур и процессов для оперативного анализа, моделирования, прогнозирования сценариев развития арктических территорий, мониторинга всех процессов и анализа всех влияющих на них факторов, постановки и принятия эффективных управленческих решений.

Система этносоциологического мониторинга представляет собой организационно-программно-технический комплекс, созданный на платформе технического, информационного и программного обеспечения поддержки управленческих решений для повышения эффективности всех процессов жизнедеятельности арктической зоны РФ. Основной аналитический инструментарий системы включает в себя программное решение комплексного мониторинга факторов влияния на развитие всех процессов жизнедеятельности арктических территорий, прогнозирование и разработку их альтернативных сценариев повышения эффективности управления ими.

Рисунок. *Хранилище данных в системе комплексного этносоциологического мониторинга неиндустриального освоения арктической зоны РФ*

Базисом виртуального симулятора управленческой деятельности в системе мониторинга будет являться виртуальный информационный полигон, на котором будут проводиться эксперименты по решению проблем в управлении любыми объектами, и интеллектуальная информационно-аналитическая система комплексного этносоциологического мониторинга неиндустриального освоения арктического региона (на примере ЯНАО).

Предлагаемая функциональная архитектура информационно-аналитической системы представлена на рисунке.

Первый блок в функциональной архитектуре хранилища данных как базиса интеллектуальной информационно-аналитической системы арктической зоны РФ представляет собой модель, которая включает в себя основные компоненты, обеспечивающие гибкую и масштабируемую инфраструктуру самого хранилища данных [6].

Во-первых, это словарь понятий, который обеспечивает настройку типов, классификаторов бизнес-понятий, которые взаимодействуют с системами оперативного анализа и бизнес-аналитики. Во-вторых, в блоке «Модель данных» формируется структура хранилища данных, то есть фактически создается логическая модель информации. В-третьих, здесь присутствуют витрины данных, организуется их структура, включающая в себя комплекс шаблонов витрин, показателей и измерений, которые используются для аналитики ключевых показателей эффективности.

Следующая подсистема сбора, анализа и загрузки информации (Extract Transform Load — ETL) содержит модули, которые извлекают данные из различных внешних источников информации по регламенту информационного взаимодействия. Эти модули анализируют, преобразуют и загружают данные в хранилище, при этом в автоматизированном режиме создаются и дополняются модули нормативно-справочной информации.

Первый и основной модель подсистемы — модуль сбора, анализа и загрузки данных, в рамках которого данные из внешних источников, в частности из баз данных, приложений, систем обмена сообщениями, преобразуются, объединяются и могут быть доставлены потребителю (приложение, бизнес-процесс, конечный пользователь) по его индивидуальному запросу, причем это касается и больших объемов информации.

Второй модуль подсистемы сбора, анализа и загрузки информации отвечает за хранение, обновление и согласование нормативно-справочной информации.

Все данные, архивные и текущие, хранятся и публикуются в подсистеме хранилища данных. Сам модуль хранилища данных объединяет и хранит все данные, которые отображают все процессы мониторинга неоиндустриального основания арктической зоны РФ в виде системы показателей. Пользователи получают доступ к любым данным через витрины данных посредством интерактивных средств доступа. Используется технология OLAP [7] — оперативного анализа данных, в рамках которой разноплановые данные преобразуются в необходимую информацию и знания. Чтобы найти, выделить необходимый блок данных, используются метаданные, представляющие собой схемы хранения данных, их индексацию, что обеспечивает доступ к любой информации в хранилище данных.

Подсистема поддержки хранилища данных содержит модули, которые организуют структуры информации, моделирование, обеспечивает функционирование блока нормативно-справочной информации, администрирует систему. Модуль этой подсистемы осуществляет разработку моделей, их реализацию, имеет специфический интерфейс и набор специализированных функций.

Объекты хранилища и витрин данных создаются и поддерживаются в следующем блоке подсистемы — модуле структуры хранилища данных. Набор программных продуктов, обеспечивающих создание и поддержку объектов хранилища и витрин данных.

Отдельный модуль обеспечивает поддержку взаимодействия хранилища данных с системой нормативно-справочной информации и ее актуальность.

Кроме выше обозначенных модулей в подсистеме поддержки имеется модуль средств администрирования.

Следующая имеющаяся в хранилище данных подсистема предоставления отчетности и анализа содержит модули, которые обеспечивают формирование отчетности для пользователей в соответствии с назначенными им правами доступа. Функции этой подсистемы заключаются в разработке и публикации отчетности, разграничении прав доступа, что позволяет войти в хранилище данных через единую точку доступа в рамках единого web-интерфейса. При этом осуществляется персонализация доступа к информации, что позволяет пользователю или группе пользователей выбрать информацию по своим запросам.

Подсистема предоставления отчетности и анализа обеспечивает проведение многомерного анализа, получение произвольных отчетов, формирование нерегламентированных запросов и анализ выбранных данных.

Отдельно необходимо отметить особую важность процессов обеспечения информационной безопасности создаваемого хранилища данных как базиса комплексного этносоциологического мониторинга неоиндустриального освоения арктического региона (на примере ЯНАО), механизмы которых должны обеспечить целостность, доступность и конфиденциальность хранимой и обрабатываемой информации. Средства информационной безопасности должны решать ряд задач, таких как аутентификация пользователей, обеспечение политики доступа к информации и к ее обработке; использование справочников и отчетов в соответствии с наделенными правами доступа пользователей; доступность данных с использованием механизмов автоматического резервного копирования хранилища данных и приложений.

В рамках предлагаемого разрабатываемого хранилища данных создается библиотека проектной документации при ограничении по времени, ресурсам и затратам с группировкой задач в единые процессы по общему результату.

Первый этап — предпроектное обследование объекта комплексного этносоциологического мониторинга неоиндустриального освоения арктического региона (на примере ЯНАО), когда проводится анализ существующих нормативных документов, регламентирующих процессы формирования отчетности, изучаются существующее программно-информационное и аппаратное обеспечение, разрабатываются детальные функциональные требования для создания информационной системы.

На этом этапе решаются следующие задачи:

- выявляется организационно-функциональная и территориальная структура объекта комплексного этносоциологического мониторинга неоиндустриального освоения арктического региона (на примере ЯНАО);
- формируются функциональные требования к информационной системе и хранилищу данных;
- обосновывается перечень показателей, характеризующий объект мониторинга, формируются их иерархия, функциональная схема;
- определяется реестр форм стратегической и оперативной отчетности;
- формируются бизнес-процессы создания отчетности;
- оценивается соответствие существующей информационной инфраструктуры и системы информационной безопасности требованиям новой разрабатываемой информационной системы;
- определяются приоритеты разработки и внедрения информационной системы;
- формулируются требования к доработке и расширению функциональности системы;
- описывается стратегия переноса данных.

Следующий этап — проектирование информационной системы, в рамках которого создается проект модели в информационной системе. На этом этапе производится следующее:

- формируется логическая схема потоков данных;
- описываются структуры хранилища данных со своими правилами и перечнем объектов;

- проектируется стратегия извлечения, преобразования и загрузки данных в хранилище из внешних источников;
- формируется проект архитектуры системы комплексного этносоциологического мониторинга неиндустриального освоения арктического региона (на примере ЯНАО);
- определяются права доступа к информации и к объектам информационной системы.

Следующий этап проекта представляет собой настройку и разработку системы комплексного этносоциологического мониторинга неиндустриального освоения арктического региона (на примере ЯНАО), в рамках которого необходимо настроить и разработать модель в системе, включая настройку необходимых объектов хранилища данных; разработку необходимых отчетных форм, форм ввода, моделей вычислений, подсистемы извлечения, обработки и загрузки информации, стратегии тестирования и т. д.

При передаче системы комплексного этносоциологического мониторинга неиндустриального освоения арктического региона (на примере ЯНАО) в эксплуатацию следует выполнить тестирование и отладку системы, выявить ошибки и выполнить необходимые корректировки, согласовать оптимизацию информационной модели.

Результаты

Дополнение ИИАС актуальной и недостающей информацией осуществлялось в 2018 году в рамках научных экспедиций, проведенных в соответствии со стратегическим проектом «Повышение эффективности освоения Арктической зоны РФ» в трех районах ЯНАО. В частности, были проведены массовые опросы представителей аборигенных этносов в Красноселькупском ($n = 821$) и Пуровским ($n = 519$) районах компактного проживания малочисленных народов Севера в ЯНАО.

Выбор этих двух районов был обусловлен нашим интересом к проблеме взаимодействия аборигенов с нефтегазовыми компаниями, участвующими в новом этапе освоения углеводородных ресурсов Ямала. В первом из них накоплен достаточно большой опыт такого взаимодействия, во втором оно лишь начинается.

Массовые опросы представителей аборигенных этносов проводились нами по репрезентативным выборкам с участием работников отделов коренных малочисленных народов Севера (КМНС) местных органов власти и активистов общественной организации «Ямал — потомкам». Учитывая особенности кочевого образа жизни респондентов, выборку приходилось неоднократно ремонтировать.

Первый блок вопросов анкеты был направлен на выявление изменений в актуальности проблем, волнующих аборигенные сообщества.

Сам перечень этих проблем в основном был известен нам из предыдущих исследований. Поэтому на этот раз требовалось проранжировать их значимость для разных территорий, проследить динамику изменения актуальности для изучения влияющих на нее факторов, а также своевременно узнать о новых проблемах в случае их появления [8, 9].

Выяснилось, что наиболее актуальной и первоочередной проблемой большинство респондентов считают здоровье, чуть меньше — недостаток доходов семьи. Далее по значимости идут проблемы утраты языка и культуры этноса, сохранения природы для традиционной деятельности. Лишь после этого значимыми оказались рост расходов (повышение цен и тарифов) и образование детей. Замыкают этот список обеспечение жильем, возможность трудоустройства в крупных компаниях, криминальная ситуация и, наконец, бытовые проблемы. По районам проблемная ситуация меняется не очень значимо.

Так, в Пуровском районе с наиболее развитой в настоящее время нефтегазодобычей на 1-е место респонденты поставили сохранение природы, а в Красноселькупском, куда нефтегазовые компании еще собираются заходить, — недостаток финансов (табл. 1).

Таблица 1

Актуальность проблем, волнующих северян, % опрошенных

Проблемы	Район ЯНАО				В целом по выборке ЯНАО	
	Пуровский		Красноселькупский		В 1-ю очередь	Во 2-ю очередь
	В 1-ю очередь	Во 2-ю очередь	В 1-ю очередь	Во 2-ю очередь		
Недостаток финансовых средств, доходов семьи	83,5	16,5	91,0	9,0	88,1	11,9
Рост расходов (повышение цен и тарифов)	88,5	11,5	84,3	15,7	84,3	15,7
Возможность трудоустройства в крупные компании	60,5	39,5	57,0	43,0	60,5	39,5
Обеспечение жильем	82,5	17,5	79,5	20,3	80,9	19,1
Бытовые проблемы	40,7	59,3	54,5	45,5	49,2	50,8
Здоровье	85,7	14,3	89,8	10,2	88,7	11,3
Образование и воспитание детей	82,1	17,9	86,1	13,9	83,3	15,7
Безопасность, криминальная ситуация	53,6	46,4	64,4	35,6	59,6	40,4
Сохранение природы для традиционного хозяйствования	92,0	8,0	81,7	18,3	85,2	14,8
Сохранение языка и культуры КМНС	88,6	11,4	87,4	12,6	87,9	12,1

Как видно, проблема сохранения здоровья северян является для них приоритетной и требует проведения дополнительных междисциплинарных исследований.

Нами эта проблема изучается уже длительное время, что позволяет анализировать ее в динамике [10] (табл. 2).

Таблица 2

Динамика самооценки здоровья жителями ЯНАО, % опрошенных

Оценка своего здоровья	Год		
	2006	2010	2015
Чувствую себя хорошо	37	40	38
Иногда болею	40	36	35
Часто болею	8	10	12
Хронический больной	8	8	8
Инвалид	1	3	2
Затрудняюсь ответить определенно	5	3	5

К сожалению, властными структурами ей уделяется явно недостаточное внимание. При этом, судя по данным медико-демографической статистики, продолжительность

жизни представителей аборигенных этносов в Арктике на 10–11 лет меньше общероссийских показателей (составляющих, как известно, в настоящее время ≈ 67 лет для мужчин и ≈ 77 лет для женщин).

Респонденты отмечают недоступность медицинской помощи. При этом в рамках проводимой оптимизации число лечебных учреждений и расходы на них ежегодно сокращаются. Так, если в 2000 году на территории ЯНАО было 48 больничных и 78 амбулаторно-поликлинических организаций, то уже к 2015 году их число сократилось более чем вдвое (осталось, соответственно, 23 и 36). Руководство округа уповает на санавиацию, однако респонденты жалуются, что она работает плохо.

Респонденты отмечают невозможность питаться традиционной для северян пищей (строганиной северной рыбы, оленьей кровью и печенью и др.) как одну из главных причин ухудшения состояния своего здоровья. Сегодня такую возможность, как выяснилось, постоянно имеют лишь меньше половины опрошенных аборигенов, а больше четверти «очень редко» и «практически никогда».

Учитывая актуальность проблемы сохранения здоровья северян, планом проведения исследований в рамках стратегического проекта «Повышение эффективности освоения АЗ РФ» намечено в 2019 году основное внимание уделить именно этой проблеме, рассмотрев ее на междисциплинарной основе с привлечением экспертов по полярной медицине, организации здравоохранения, экологии, диетологии и др.

Важную роль в решении этой проблемы могли бы сыграть пришедшие в Арктику нефтегазовые компании. Это актуализирует в рамках этносоциологического мониторинга выявление динамики изменений во взаимодействии корпораций и местных аборигенных сообществ.

Между тем сооружение и эксплуатация нефтегазовых объектов и коммуникаций на Ямале в основном осуществляется вахтовым персоналом, доставляемым из центральных регионов России. Проведенные нами по репрезентативной выборке в мае 2018 года опросы представителей аборигенных этносов Красноселькупского и Пуровского районов ЯНАО показали, что лишь около 7 % респондентов заняты в этой сфере деятельности. При этом 27 % опрошенных (а по Пуровскому району около 40 %) хотели бы работать в нефтегазовых компаниях [11].

В проведенных нами углубленных интервью менеджеры этих компаний объяснили сложившуюся ситуацию особыми, по их мнению, личностными качествами аборигенов, не признающих нормы трудовой и производственной дисциплины, склонных к созерцательности и вольной жизни наедине с природой. Они также считают, что гораздо проще привезти работников самолетом из центральной России в базовый северный город и затем доставить их на производственный объект вертолетом, чем «собирать их по тундре».

Исследования показали, что отношения между приезжими вахтовиками и проживающими в Арктике малочисленными северными этносами вызывают необходимость внимательного изучения и создания этносоциологического мониторинга [12, 13].

В нашем опросе 2018 года как «беспроблемные» их оценили лишь около трети опрошенных северян. Большая часть отметила «определенную степень напряженности», а 13 % респондентов — «сильную напряженность и случаи конфликтов».

Основные причины напряженности, по их мнению, — «различия в размере заработков у коренных и приезжих», «борьба за рабочие места». Далее следуют «ущемление прав коренных малочисленных народов Севера» и «хищническое отношение приезжих к природе Севера» (табл. 3–5).

Таблица 3

**Оценка отношений между КМНС и приехавшими участниками
неоиндустриального освоения, % опрошенных**

Вид отношений	Район ЯНАО						
	Тазовский	Пуровский					
		Всего	Из них				Безработные
			Мужчины	Женщины	Заняты в традиционных отраслях	Заняты в нефтегазовой и других отраслях экономической и социальной сферы	
Без проблем	28,6	34,8	15,6	84,4	9,4	87,5	3,1
Существует определенная степень напряженности	60,7	44,6	65,9	34,1	21,9	65,9	12,2
Сильная напряженность, чреватая возможными конфликтами	7,1	6,5	–	100,0	–	100,0	–
Бывают конфликты	3,6	6,5	16,7	83,3	–	100,0	–
Затрудняюсь ответить	–	7,6	38,0	62,0	–	100,0	–

Таблица 4

Причины напряженности между КМНС и пришлым населением, % опрошенных

Вид отношений	Район ЯНАО						
	Тазовский	Пуровский					
		Всего	Из них				Безработные
			Мужчины	Женщины	Заняты в традиционных отраслях	Заняты в нефтегазовой и других отраслях экономической и социальной сферы	
Различия в размере заработков	24,2	39,1	38,2	61,8	14,7	79,4	5,9
Борьба за рабочие места	41,4	32,2	46,4	53,6	14,3	78,6	7,1
Ущемление прав КМНС	13,8	14,9	61,5	38,5	38,5	46,1	15,4
Хищническое отношение приезжих к природе Севера	10,3	9,2	–	100,0	–	100,0	–
Другие	10,3	4,6	25,0	75,0	–	100,0	–

Особую озабоченность активистов аборигенных организаций («Ямал — потомкам» и др.) вызывает то, что все больше территорий традиционного природопользования уходит нефтегазовым корпорациям, и северные этносы вынужденно переходят с кочевого образа жизни на оседлость. Бездействие рождает усиливающийся алкоголизм и другие пороки.

Таблица 5

Оценка изменений отношений КМНС и приезжих в последние годы, % опрошенных

Вид отношений	Район ЯНАО						
	Тазовский	Пуровский					
		Из них					
		Всего	Мужчины	Женщины	Занятые в традиционных отраслях	Занятые в нефтегазовой и других отраслях экономической и социальной сферы	Безработные
Улучшились	25,0	15,7	14,3	85,7	–	100,0	–
Несколько ухудшились	17,9	22,5	60,0	40,0	15,0	65,0	20,0
Значительно ухудшились	28,6	10,1	44,4	55,6	44,4	55,6	–
Не изменились	3,5	27,0	54,4	45,8	25,0	70,8	4,2
Не знаю	25,0	24,7	13,6	86,4	9,0	86,5	4,5

Мы проанализировали сложившиеся на Ямале практики взаимодействия нефтегазовых компаний и местных абортгенных сообществ и пришли к выводу как о недостаточном внимании к этой проблеме со стороны властных структур и гражданского общества, так и необходимости проведения серьезных научных междисциплинарных исследований. Необходимо не на словах, а на деле перейти от эпизодической благотворительной помощи нефтегазовых компаний к установлению партнерских отношений с местными абортгенными сообществами, проведению квалифицированных этнологических и экологических экспертиз принимаемых управленческих и технологических решений, социологическому сопровождению освоения и развития арктических регионов.

Материал подготовлен при поддержке гранта РФФИ-ЯНАО в рамках проекта № 18-411-890003 «Комплексный этносоциологический мониторинг неоиндустриального освоения арктического региона (на материалах исследований в Ямало-Ненецком автономном округе)».

Библиографический список

1. Бурдые П. Социология социального пространства. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 388 с.
2. Дрегалю А. А., Ульяновский В. И. Социокультурная динамика социального пространства Севера: моногр. – Архангельск: ИД им. В. Н. Булатова, 2017. – 253 с.
3. Маркин В. В., Силин А. Н. Человеческий и социальный потенциал неоиндустриального освоения Арктики: социологический анализ, моделирование, регулирование // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10, № 6. – С. 75–88.
4. Belonozhko M. L., Silin A. N., Gyurdzhinyan A. S. Scientific Accompaniment of Forming of Sustainable Human Potential in the Oil and Gas Arctic Region // International Journal of Ecology & Development. – 2018. – Vol. 33, Issue 1. – P. 138–144.

5. Belonozhko M. L., Silin A. N., Barbakov O. M. Social and human potential of the Arctic frontier (by the results of sociological research in the Jamal // International journal of ecological economics and statistics. – 2018. – Vol. 39, Issue 1. – P. 132–142.
6. Барбаков О. М., Киселев В. Г. Методология проведения социального эксперимента на виртуальном пространстве // Вестник Тюменского государственного университета. Социология. – 2012. – № 8. – С. 61–67.
7. Технологии анализа данных. Data Mining, Visual Mining, Text Mining, OLAP // А. А. Барсегян [и др.]. – 2-е изд., перераб. и дополн. – СПб.: БХВ-Петербург, 2007. – 384 с.
8. Человеческий потенциал освоения нефтегазовых ресурсов Арктики и Субарктики / Отв. ред. А. Н. Силин. – Тюмень: ТИУ, 2016. – 149 с.
9. Человек в Арктике: инновационные технологии решения социальных проблем / Отв. ред. А. Н. Силин. – Тюмень: ТИУ, 2017. – 157 с.
10. Силин А. Н. Общественное здоровье на Крайнем Севере // Проблемы Севера и Арктики Российской Федерации. – 2010. – Вып. 12. – С. 15–18.
11. Этносоциологический мониторинг неоиндустриального освоения Арктики / Отв. ред. А. Н. Силин. – Тюмень: ТИУ, 2018. – 159 с.
12. Социальные проблемы в самооценках населения арктической зоны России / М. Л. Белонозко [и др.] // Социологические исследования. – 2018. – № 4. – С. 112–117.
13. Markin V. V., Silin A. N. Circumpolar Region amid Socio-Spatial Transformation of a territory (case study of Yamal // Economic and Social Changes: facts, trends, forecast. – 2016. – № 6 (48). – P. 28–52.

Сведения об авторах

Барбаков Олег Михайлович, д. социол. н., профессор, заведующий кафедрой бизнес-информатики и математики, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, e-mail: omb@bk.ru

Белонозко Марина Львовна, д. социол. н., профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, e-mail: mlb@inbox.ru

Гюрджинян Александр Сергеевич, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, e-mail: tis72@list.ru

Силин Анатолий Николаевич, д. социол. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, e-mail: sm-2004@rambler.ru

Ситева Светлана Сергеевна, старший преподаватель кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, e-mail: siteva_svetlana@bk.ru

Белонозко Лидия Николаевна, к. социол. н., доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, e-mail: lnbelonozhko@gmail.com

Information about the authors

Barbakov O. M., Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen, e-mail: omb@bk.ru

Belonozhko M. L., Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, e-mail: mlb@inbox.ru

Gyurdzhinyan A. S., Postgraduate at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, e-mail: tis72@list.ru

Silin A. N., Doctor of Sociology, Professor, Chief Researcher at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, e-mail: sm-2004@rambler.ru

Siteva S. S., Senior Lecturer at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, e-mail: siteva_svetlana@bk.ru

Belonozhko L. N., Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, e-mail: lnbelonozhko@gmail.com

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ ECONOMIC AND DEMOGRAPHIC PROCESSES

УДК 316.472

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ МИГРАНТОВ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ: ПРАКТИКИ МОЛОДЕЖИ

Н. С. Гаджигасанова

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
г. Ярославль, Россия*

Аннотация. Социокультурная адаптация мигрантов во втором либо третьем поколении — сложный процесс, требующий тщательного научного анализа представителями различных научных направлений. В работе отражены результаты авторского эмпирического исследования, фиксирующие как общие, так и отличительные социальные практики во взаимодействии мигрантов разных поколений с новой социальной средой. Также обнаружено, что поведенческие стратегии представителей инокультурной среды характеризуются амбивалентным влиянием культуры принимающего общества на адаптацию мигрантов разных поколений. Предлагаются конструктивные меры, необходимые для усовершенствования миграционной составляющей как в рамках государственной политики, так и в реализации повседневных социальных практик.

Ключевые слова: мигрант; взаимодействие; адаптация; инокультурная среда; первое поколение респондентов

FEATURES OF ADAPTATION OF MIGRANTS OF DIFFERENT GENERATIONS: PRACTICES OF YOUTH

N. S. Gadzhigasanova

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia

Abstract. The sociocultural adaptation of migrants in the second or the third generation is a complex process that requires careful scientific analysis by representatives of various scientific fields. The article reflects the results of author's empirical research that captures both general and distinctive social practices in the interaction of migrants of different generations with the new social environment. It was also found that the behavioral strategies of representatives of the foreign cultural environment are characterized by the ambivalent influence of the culture of the host society on the adaptation of migrants of different generations. The author of the article proposes constructive measures, which are necessary to improve the migration component within the framework of both state policy and the implementation of everyday social practices.

Key words: migrant; interaction; adaptation; foreign culture; the first generation of respondents

Введение

На социально-демографическое развитие общества в условиях российской действительности существенное влияние оказывают миграционные процессы, так как в течение последних десятилетий XX в., а также в начале XXI в. миграционный прирост в значительной степени компенсировал естественную убыль населения в ряде регионов страны. Согласно статистическим данным, миграционный прирост населения России в 2017 году составил 211,9 тыс. чел., что стало самым незначительным показателем при сравнительном анализе с данными 2010 года. Въехали в РФ за прошедший год 589,1 тыс. чел., а выехали — 377,2 тыс. человек. Выходцы из стран СНГ составляют основную часть долговременной миграции — 203,4 из 211,9 тыс. чел., что составляет 96,0 % . Среди стран по миграционному приросту первое место занимает Украина — 47,7 тыс. чел., второе — Казахстан (32,7 тыс.), третье — Узбекистан (22,2 тыс.)¹. Вместе с тем стержневым положением Концепции государственной миграционной политики РФ до 2025 года можно считать утверждение, что «привлечение иностранных работников ... в соответствии с потребностями российской экономики является необходимостью для ее дальнейшего поступательного развития»². Пожалуй, это первая Концепция в сфере миграции, где непосредственно декларируется не только экономический рост, но и увеличение населения страны.

Переселенцы и принимающие их социумы находятся в сложном взаимодействии, отражающем противоречивость интересов сторон. Формирующиеся вследствие миграционных процессов социальные взаимодействия в местах вселения мигрантов в большинстве случаев носят проблемный характер в силу того, что сопровождаются ростом социальной напряженности и конфликтами. На фоне обозначенных тенденций важными элементами государственной миграционной политики России согласно одноименной Концепции РФ на период до 2025 года позиционируются создание условий для адаптации и интеграции мигрантов, защита их прав и свобод, обеспечение социальной защищенности. Очевидным результатом отсутствия государственных программ адаптации и интеграции являются изоляция мигрантов от принимающего социума и нарастание негативного отношения к мигрантам. В силу этого одним из основных направлений государственной миграционной политики Российской Федерации в рамках обеспечения конструктивного взаимодействия между сторонами должно выступить поощрение формирования у мигрантов и принимающего сообщества навыков межкультурного общения, противодействия ксенофобии, национальной и расовой нетерпимости.

В большинстве научных интерпретаций адаптация рассматривается как необходимость выполнения мигрантом требований общества, в то время как, на наш взгляд, конструктивный потенциал адаптации должен подразумевать «встречное, взаимно ориентированное» взаимодействие с принимающим социумом, которое будет направлено на установление оптимального соотношения сторон для их совместного эффективного функционирования (в таком контексте адаптационный потенциал может быть соотнесен с понятием социальной коадаптации, предложенной в работе Л. В. Корель) [1].

¹ Миграционный прирост России обеспечивается мигрантами с Украины, Казахстана и Узбекистана [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2018/0767/rossia01.php#17> (дата обращения: 18.04.2018).

² Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/> (дата обращения: 15.04.2018).

Понимая важность выработки рекомендаций для усовершенствования технологий, социальных практик конструктивной и взаимной адаптации представителей иммигрантского сообщества с коренными жителями региона (старожилами, то есть принимающей стороной), мы осуществили эмпирическое исследование в одном из регионов Центрального федерального округа (Ярославская область).

Ярославская область по интенсивности притока внешних мигрантов на протяжении длительного времени занимала лидирующие позиции после Москвы и Московской области. В 2015–2017 гг. число прибывших в регион мигрантов было на уровне 39,6 тыс. чел. в среднем. При этом показатель миграционного сальдо за период с 2013 по 2017 гг. существенно снизился — с 4,8 тыс. чел. в 2013 г. до 906 чел. в 2017 г. соответственно³. В целом же в период с конца XX века по настоящее время наблюдается тенденция увеличения численности мигрантов (из числа иностранных граждан), прибывающих на территорию области, из которых примерно 30,0 % остаются на территории области с целью осуществления трудовой деятельности⁴. Этнический состав населения области за последние десятилетия претерпел существенные изменения, возросла доля некоренных народов. Кроме того, на территории Ярославской области, как одного из наиболее ярких представителей моноэтничного региона активно разрабатываются и реализуются программы, направленные на гармонизацию и развитие межнациональных отношений. В этой связи Ярославская область в современных условиях остается привлекательной для мигрантов.

Методика

Цель социологического исследования заключалась в выявлении особенностей формирования адаптационного потенциала двух поколений мигрантов, что может способствовать улучшению понимания механизма социальной адаптации, а также повышению миграционной привлекательности не только отдельного региона, но и страны в целом. В рамках эмпирического исследования социальная адаптация мигрантов операционализирована как процесс взаимодействия личности либо социальной группы с социальной средой, включающей усвоение норм, ценностей среды в процессе социализации, а также изменение, преобразование среды в соответствии с новыми условиями и целями деятельности. Понятие социальной дистанции интерпретировано как характеризующее размещение социальных групп и индивидов в социальном пространстве и устанавливающее степень близости или отчужденности их между собой — в качестве задаваемого как институционально, так и ощущаемого самими агентами социальных взаимодействий.

Основная гипотеза

Мигранты первого и второго поколения имеют значимые различия в уровне адаптированности при взаимодействии с принимающим обществом.

³ Общие итоги миграции населения Ярославской области за 2015–2017 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://yar.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/yar/ru/statistics/population/ (дата обращения: 10.09.2018).

⁴ Постановление Правительства Ярославской области от 29.05.2014 № 509-п (с изм. на 07.09.2018) о региональной программе «Оказание содействия добровольному переселению в Ярославскую область соотечественников, проживающих за рубежом» на 2014–2020 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/422400472>.

В качестве метода сбора эмпирической информации применялся метод опосредованного опроса (анкетирование). Отбор единиц был осуществлен по методу «снежного кома». Разработанная для исследования анкета состояла из 4 блоков. Первый блок вопросов предоставил возможность получить информацию об особенностях этнической самоидентификации респондентов и основных ее компонентах: когнитивном и аффективном. Второй блок вопросов был направлен на выявление структуры идентичностей и уровня доверия к государственным и общественным институтам. Третий блок посвящался вопросам межэтнического взаимодействия и обнаружения установок на социальную дистанцию, что представило возможность проанализировать изменения индивидуальных и социальных характеристик в поведении каждого из поколений мигрантов. Четвертый блок содержал вопросы, которые характеризуют социально-демографические характеристики респондента.

Эмпирическим объектом исследования являлись мигранты региона в возрасте от 14 лет и старше ($n = 225$), гендерное распределение которых составило 46,7 % мужчин и 53,3 % женщин соответственно. Предметом исследования выступили социальные установки мигрантов первого и второго поколений. Средний возраст мигрантов составил 26 лет. В соответствии с задачами исследования респонденты были распределены на 2 возрастные группы: группа мигрантов в возрасте до 30 лет составила 2/3 участников опроса — 71,3 %, взрослое поколение инокультурных респондентов — 28,7 %.

Результаты и обсуждение

Значимость гражданской самоидентификации на первом месте для каждого второго мигранта (58,7 % ответов), тогда как для каждого шестого респондента на первой позиции этническая самоидентификация — *«ощущая себя представителем своей национальности»* (17,3 %). Локальная (*житель своего региона*) и религиозная идентичности имеют первоочередное значение в равной степени для каждого десятого представителя инокультурной среды (10,7 % и 9,3 % соответственно). При этом стоит учитывать, что есть различия в ответах мигрантов на вопрос *«Кем Вы чувствуете себя в первую очередь?»* в зависимости от возраста респондента (таблица).

Распределение ответов на вопрос «Кем Вы чувствуете себя в первую очередь?»

Чувствую себя в первую очередь...	Возраст респондентов, %	
	До 30 лет	Старше 30 лет
гражданином России	62,3	42,9
жителем своего региона/населенного пункта	6,6	28,6
представителем своей национальности	16,4	21,4
представителем своей религии	9,8	7,1
гражданином мира	4,9	0,0

Согласно данным, представленным в таблице, обнаружилось, что если для большей половины представителей инокультурной среды из числа молодежи важна идентификация *«я гражданин своей страны»* (62,3 %), то для мигрантов старшего возраста наряду с ответами о значимости гражданской идентичности (42,9 %), не меньшую распространенность имеют позиции *«житель своего региона/населенного пункта»* (28,6 %) и *«представитель своей национальности»* (21,4 %).

Также в исследование был включен вопрос об индивидуально-личностной самоидентификации, позволивший обнаружить 3 группы респондентов по критерию выраженности этнической самоидентификации, интерпретация которого основана на методике З. В. Сикевич [2]. Так, демонстрируют устойчивую этническую самоидентификацию более половины опрошенных респондентов вне зависимости от того, являются ли они мигрантами первого либо второго поколения (60,0 %). Фиксация противоречия, связанного с пересекающимся наличием гражданской и национальной самоидентификации почти у одной и той же доли респондентов, может быть обусловлена, с одной стороны, амбивалентным характером самой природы идентификации, с другой — объясняться попыткой респондентов «застраховать себя» лояльностью к гражданской самоидентификации из-за мифологизированного опасения нежелательных последствий для себя со стороны исследователя либо в целом вследствие недоверия к исследованию.

Наряду с такой тенденцией каждый шестой представитель второго поколения (то есть молодежи) при ответе на вопрос «Ощущаете ли Вы свою принадлежность к какой-либо национальности со своим языком, обычаями и традициями?» высказался, что *«чувствует принадлежность к нескольким национальностям»* (16,4 %), то есть у данной группы мигрантов присутствует немалая доля респондентов с неустойчивой этнической самоидентификацией. В рамках исследования зафиксировано, что долю респондентов, отметивших, что не относят себя ни к одной национальности, составила незначительная часть участников опроса (4,0 %).

Проведенное исследование позволило нам зафиксировать, что имеет место повышение уровня гражданственности у мигрантов второго поколения. Эта положительная тенденция свидетельствует о том, что основная причина межэтнических конфликтов, а именно неуважение и пренебрежительное отношение к истории и культуре принимающей страны, постепенно отходит на задний план. Однако проявляемое чувство гражданственности нисколько не мешает мигрантам чтить традиции, отмечать праздники исторической родины, разговаривать на родном языке и стремиться к общению, как со своими старшими соотечественниками, так и с представителями инокультурной среды.

Для понимания наличия/отсутствия социальной дистанцированности у мигрантов разных поколений участникам опроса был предложен ряд вопросов. При анализе ответов на вопрос «Если бы Ваш близкий родственник (брат/сестра/сын/дочь) вступил в брак с представителем другой национальности, как бы Вы к этому отнеслись?» выяснилось, что подавляющее большинство респондентов собственное отношение к межэтническому браку обуславливают национальной принадлежностью возможного брачного партнера (70,7 %). При этом положительное отношение к межнациональному союзу чаще позиционирует каждый седьмой представитель первого поколения мигрантов, то есть люди в возрасте старше 30 лет (14,3 %), тогда как среди молодежи доля позитивно относящихся не превышает 8,0 %. Религиозная принадлежность партнера по браку больше беспокоит также представителей старшего поколения (14,3 %). Вместе с тем безразличие к выбору партнера по браку в ситуации, если речь идет о том, что данное событие касается кого-то из близких родственников, демонстрируют только мигранты второго поколения (то есть моложе 30 лет) — 9,8 %.

По данным исследования обнаружилось, что у мигрантов первого поколения уровень социальной дистанцированности в действительности по отдельным поведенческим установкам может быть не выше, чем у второго поколения представителей инокультурной среды. Однако при этом интересным фактом является то обстоятельство, что соблюдают свои национальные традиции 86,5 % представителей старшего поколения мигрантов и 72,0 % младшего поколения.

Заключение

Социальная дистанция между поколениями имеет очень слабую связь с поведенческими стратегиями в межэтническом взаимодействии. Мигранты второго поколения действительно практикуют более гибкие стратегии в межэтническом взаимодействии, нежели старшее поколение, однако первое поколение не выражает яркого сепаративного поведения. Если молодежь настроена ко всему позитивно, то старшие имеют более спокойный, нейтральный настрой. И все же в некоторых вопросах молодежь проявляет обеспокоенность и настороженность в плане национальной дискриминации в сфере трудоустройства.

С увеличением дистанции между поколениями мигрантов возрастает уровень влияния культуры принимающего общества на мигрантов второго поколения, однако этот факт не мешает тому, что мигранты второго поколения интересуются и собственной исторической родиной. Данный процесс можно назвать «родиной на две страны». Молодые люди пытаются реализоваться в принимающем обществе и при этом сохранить этническую идентичность.

С целью оценки успешности социальной адаптации мигрантов считаем необходимыми системные мониторинговые региональные исследования, направленные на изучение атмосферы и характера межэтнического взаимодействия приезжих и принимающего российского населения. Это вызвано тем, что миграционные процессы не только влекут за собой изменения в социально-демографической структуре российского общества, но и оказывают существенное влияние на уровень социальной напряженности в регионах с длительным и интенсивным притоком людей [3].

В целом в контексте выявленных тенденций считаем, что механизм формирования социальной адаптации разных поколений мигрантов характеризуется неоднозначностью, многофакторностью и разнонаправленностью. Между тем для поддержания конструктивного взаимодействия между жителями страны приема и представителями инокультурной среды считаем необходимым использовать дифференцированный подход к внедрению адаптационных практик среди разных поколений мигрантов на основе учета как возрастных особенностей, так и наличия характера межэтнического опыта, а также принимая во внимание страну исхода иммигрантов. Поэтому считаем, что непрерывный мониторинг атмосферы межэтнического взаимодействия принимающей стороны с приезжими предоставит возможность оперативно оказывать влияние на степень вовлеченности как представителей российских народов, так и мигрантов в интеграционные/деинтеграционные процессы.

Библиографический список

1. Корель Л. В. Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии, методики. – Новосибирск, 2005. – С. 22–39.
2. Сикевич З. В. Социологическое исследование: практическое руководство. – СПб.: Питер, 2005. – 320 с.
3. Sadykova H. N., Ustinova O. V., Gadzhigasanova N. S., Tretyakova O. V. A study of ethnic, religious and socio-political relations in a provincial town // *European Journal of Science and Theology*. 2016. – Т. 12, № 4. – С. 97–110.

Сведения об авторе

Гаджигасанова Наиде Сефтеровна, к. социол. н., доцент кафедры социальной политики, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, e-mail: naide27@mail.ru

Information about the author

Gadzhigasanova N. S., Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Social Policy, P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, e-mail: naide27@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОЦЕССЫ POLITICAL AND LEGAL PROCESSES

УДК 316.454

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТА В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИИ

С. А. Ильиных

*Новосибирский государственный университет экономики и управления,
г. Новосибирск, Россия*

Аннотация. В работе обосновывается необходимость исследования адвокатского сообщества в рамках социологии. Главная причина недостаточной изученности деятельности адвокатов в социологии — закрытость этой группы. Изучение адвокатских сообществ важно проводить в рамках концепции профессионализма. Адвокаты не подчиняются ни логике рынка, ни логике бюрократии. Интерес к деятельности адвокатов в социологии продиктован тем, что они как никакая другая группа находятся между выбором личной выгоды и профессиональной этики или профессиональной ответственности. Традиционно в общественном мнении адвокаты рассматриваются, с одной стороны, как профессионалы своего дела, но, с другой стороны, как профессионалы, озабоченные исключительно получением финансовой выгоды. Эмпирическое исследование иллюстрирует неоднородность адвокатского сообщества и приверженность профессиональной этике. Также приводятся результаты качественного исследования.

Ключевые слова: адвокат; адвокатское сообщество; профессиональная этика; профессиональная ответственность

ATTORNEY'S ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF SOCIOLOGY

S. A. Ilynykh

*Novosibirsk State University of Economics and Management,
Novosibirsk, Russia*

Abstract. In the article the author justifies the need to study the legal community within the framework of sociology. It's shown that the main reason for the lack of knowledge of attorneys in sociology is the closure of this group. The research of legal communities is important to conduct within the framework of the concept of professionalism. Attorneys don't obey the logic of the market, nor the logic of bureaucracy. Interest in the activities of attorneys in sociology is dictated by the fact that they, like no other group, are between the choice of personal gain and professional ethics or professional responsibility. Traditionally, in public opinion attorneys are considered, on the one hand, as professionals in their field, but, on the other hand, as professionals who are solely concerned with obtaining financial gain. An empirical research illustrates the heterogeneity of the legal community and commitment to professional ethics. The article contains the results of a qualitative research.

Key words: attorney; legal community; professional ethics; professional responsibility

Деятельность представителей юридической сферы достаточно редко исследуется социологами. Исключение составляет социологическое исследование российских судей [1]. Преимущественно адвокатское сообщество анализируется в рамках юридических наук, что вполне закономерно. Главной причиной недостаточной изученности деятельности адвокатов в социологии является то, что это в определенной степени закрытая профессиональная группа. Доступ к ней для проведения исследования в значительной мере ограничен. Это определяется привилегированным статусом адвокатов в юридическом сообществе. Кроме того, адвокатские сообщества не относятся ни к государственным органам власти, ни к правоохранительным органам. Но тем не менее особенности деятельности адвоката, а также портрет профессионала, включая личностные особенности, вызывают живой интерес для социологии.

Адвокатские сообщества, как и любые другие юридические сообщества, исследуются в рамках концепции профессионализма [2]. Здесь во главу угла ставится не логика рынка (как в бизнес-организациях), не логика бюрократии (как в государственных организациях), а так называемая «третья логика». Такой идеи придерживается Е. Фрайдсон [3]. Назначение адвокатских сообществ состоит в поиске баланса между задачами рынка и бюрократии.

Как указывают А. П. Казун и А. А. Яковлев [2], в социологическом знании деятельность юристов трактуется в терминах «договора», который формируется между обществом и профессиональным сообществом. По этому «договору» общество наделяет высокими статусными регалиями, включая привилегированное положение, а профессиональное сообщество обязуется соблюдать профессиональную этику. Такой подход представлен в работе Дж. Иветс [4]. Как полагает М. Сакс, необходимость данного «договора» вызвана тем, что как общество, так и профессиональное сообщество не имеют возможности в полной мере контролировать качество работы профессионалов [5].

Интерес к деятельности адвокатов в социологии, с нашей точки зрения, продиктован тем, что они как никакая другая группа находятся между выбором личной выгоды и профессиональной этики или профессиональной ответственности. В работе А. В. Акопяна, посвященной управлению процессом формирования профессиональной идентичности адвокатов, представлена эта дихотомия. Автор указывает, что деятельность адвокатов находится на пересечении интересов, прав и свобод. Для получения своего выигрыша клиент нередко готов отказаться от морально-этических принципов. Адвокат может солидаризироваться с клиентом, защищая его. А. В. Акопян отмечает, что при отказе от этических оснований у адвоката появляется больше возможностей, чтобы показать истинную преданность интересам клиента [6].

Следует отметить, что традиционно в общественном мнении адвокаты рассматриваются, с одной стороны, как высокопрофессиональная социальная группа, с другой — как профессионалы, озабоченные исключительно получением финансовой выгоды. Однако эмпирические исследования демонстрируют иную картину. Российские адвокаты как профессиональное сообщество, безусловно, разнородны. Исследование Института анализа предприятий и рынков НИУ Высшей школы экономики и Института проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге подтверждает наш вывод. Авторы исследования типологизировали адвокатов-респондентов на несколько групп [7]: «идеалисты», «прагматики», «скептики», «индивидуалисты».

1) «Идеалисты» являются самой преданной профессии группой профессионалов, поскольку для них важен высокий репутационный капитал в профессиональном сообществе и высокий статус в системе правоохранения в целом. Именно это обстоятельство

во и служит тому, что «идеалисты» не будут выступать в качестве защитника для человека с репутацией преступника. Идеалистическая направленность ориентирует также на то, что для них труден уход из профессии для получения более выгодной работы.

2) «Прагматики». Для адвокатов этой группы в меньшей степени в качестве ориентира служит профессиональное сообщество. Показательно их мнение о том, что трудно оставаться честным, работая в существующей правозащитной системе. Эта группа адвокатов имеет готовность защищать преступников. Они склонны использовать «лазейки» в законах, могут ориентироваться на официальный документ, уходя от поиска истины.

3) «Скептики». Отличительной чертой этой группы адвокатов является критика состояния правоохранительной системы и состояния адвокатского сообщества. Для этой группы адвокатов характерна неготовность защиты людей с репутацией преступника. Показательно, что они также не ищут личную выгоду в профессии.

4) «Индивидуалисты». Данная группа адвокатов не имеет потребности в том, чтобы иметь высокую репутацию в профессиональном адвокатском сообществе. Лишь 6 % опрошенных обозначили, что им важно мнение коллег. Также особенностью этой группы является то, что они не выступают с критикой правозащитной системы.

На основе вопросов о профессиональной этике типология адвокатов получила следующее теоретическое обобщение (таблица).

Типология адвокатов в соответствии с исследованием отношения к профессиональной этике

Тип ориентации	Идеалисты	Прагматики	Скептики	Индивидуалисты
	Степень оценки			
Нацеленность на мнение профессионального сообщества (коллеги)	Высокая	Средняя	Низкая	Низкая
Оценка роли правоприменительной системы	Высокая	Низкая	Низкая	Высокая
Нацеленность на личную выгоду, достижение результата	Низкая	Высокая	Низкая	Средняя

Так, на вопрос «Профессиональный юрист должен в первую очередь думать о своем доходе, а уже потом о выгоде клиента» было получено следующее распределение ответов: «идеалисты» — 0 % , «прагматики» — 9 % , «скептики» — 0 % , «индивидуалисты» — 5 % .

Но тем не менее, как нам представляется, адвокаты в большей мере ориентированы на профессионализм, на профессиональную ответственность. Причина этого отчасти в том, что им приходится пройти достаточно длинный карьерный путь.

Подтверждение этому можно найти в исследовании указанных выше независимых научных центров. Исследование проведено с октября по декабрь 2014 года. В качестве основного метода использовался анкетный опрос. В выборочной совокупности, включающей 35 регионов России, опрошено 3 317 адвокатов [7]. Полученные данные позволяют увидеть, что путь в адвокатуру был заложен при работе в следствии (каждый пятый адвокат), в прокуратуре (каждого восьмой), в правоохранительных органах (11,8 % опрошенных), юрисконсульт в коммерческих фирмах (каждый пятый адвокат), юристом в государственных организациях (каждый восьмой опрошенный), в вузе или при занятии

наукой (4,1 % адвокатов), в Министерстве юстиции РФ (2,8 %), в нотариате (1,1 %), в судах (2,6 %), в аппаратах судов (8,4 %).

Эти цифры наглядно демонстрируют то, что адвокаты чаще всего уже имели опыт юридической деятельности, который позволил им заняться адвокатурой.

Но не только это обстоятельство позволяет говорить о приоритете профессиональной ответственности в деятельности адвокатов. Как нам представляется, немаловажным являются особенности российского менталитета, который в той или иной мере ориентирован на справедливость. О том, что российские адвокаты не всегда делают выбор в пользу своей выгоды, а в пользу профессиональной ответственности, свидетельствуют результаты качественного исследования. Приведем часть экспертного интервью, проведенного нами в сентябре 2018 года. В качестве экспертов выступили адвокаты, работающие в Новосибирске. В опросе приняли участие 3 эксперта, работающие в адвокатском бюро. Требования к экспертам: членство в адвокатской коллегии, опыт работы адвокатом не менее 5 лет.

На вопрос «Приведите наиболее запоминающиеся примеры из своей адвокатской практики» один из экспертов отметил следующее: *«Сфера деятельности адвоката сегодня гораздо шире формальных полномочий. Ты нередко ориентируешь своих клиентов на стратегию переговоров. Это бывает не всегда выгодно самому адвокату даже с финансовой точки зрения. Но тем не менее ты обосновываешь, что правильнее будет договориться и найти компромиссы, чем ориентироваться на судебные решения. Это правильное решение даже в самых напряженных отношениях с контрагентами. То есть адвокат выступает в качестве медиатора»* (А., опыт работы адвокатом 5 лет). Как видим, во главе угла не финансовая выгода, а ориентация клиента на выстраивание утраченных позитивных отношений. Это тоже защита интересов клиента, но уже с позиции этической целесообразности.

В данном случае адвокат в большей мере ориентирован на профессиональную этику и ответственность. С точки зрения социологии можно отметить, что этическое отношение адвоката к клиенту всегда выгодно для самого адвоката. Работа Э. Джонсона [8] позволяет сделать вывод о том, что адвокаты руководствуются таким неэкономическим мотивом, как профессиональная удовлетворенность. Последнюю, по мнению Р. Диновицер, Б. Гарт [9], можно трактовать с позиции максимизации выгоды.

Итак, в контексте социологии соблюдение профессиональной этики адвоката приносит ему профессиональную удовлетворенность, что можно рассматривать в терминах максимизации неэкономической выгоды.

Наконец, рассмотрим деятельность адвоката с позиции социальных ролей. Как и любой другой индивид, адвокат является одновременно носителем и исполнителем множества социальных ролей. Так, М. Уилкинсон указывает, что у юриста как профессионального деятеля происходит совмещение нескольких ролей — ученика, учителя и исследователя [10]. Специфика ролей адвоката в том, что, как мы уже указывали, он должен исполнить свои профессиональные роли по отношению к клиенту, которые могут идти вразрез с морально-этической составляющей его деятельности. Кроме того, моральные нормы и закон могут противоречить друг другу. Все это позволяет говорить о том, что, как носитель разных ролей, адвокат в большей мере, чем другие носители ролей, находится в ситуации конфликта ролей, ролевого напряжения. Выбор той или иной роли остается за адвокатом.

Таким образом, оценка деятельности адвоката в русле социологического подхода позволяет говорить о том, что адвокатское сообщество достаточно закрыто. Оно неодно-

родно. Адвокат чаще ориентирован на профессиональную этику и ответственность, чем на финансовую выгоду. С точки зрения социологии можно отметить, что этическое отношение адвоката к клиенту всегда выгодно для самого адвоката. Однако стоит отметить явно недостаточную изученность адвокатского сообщества. Пока за рамками социологических исследований остаются вопросы не только профессиональной идентификации, но и ценностно-нормативные.

Библиографический список

1. Российские судьи как профессиональная группа: социологическое исследование / В. В. Волков [и др.]; под ред. В. Волкова. – СПб.: Институт проблем правоприменения Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 60 с.
 2. Казун А. П., Яковлев А. А. Российские адвокаты: становление профессионального сообщества в несовершенной институциональной среде // *Общественные науки и современность*. – 2014. – № 6. – С. 44–47.
 3. Freidson E. Professionalism. The Third Logic. – Cambridge, 2001.
 4. Evetts J. The Sociological Analysis of Professionalism: Occupational Change in the Modern World // *International Sociology*. – 2003. – № 18 (2). – P. 395–415.
 5. Saks M. Professions and the Public Interest: Medical Power, Altruism and Alternative Medicine. – London, 1995. – P. 153–162.
 6. Акопян А. В. Управление процессом формирования профессиональной идентичности адвокатов как социально-профессиональной группы: социально-технологические аспекты: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – СПб., 2009. – 24 с.
 7. Казун А. Ходжаева Е. Яковлев А. Адвокатское сообщество России. Доклад ИАПР НИУ ВШЭ и ИПП ЕУ СПб [Электронный ресурс]. – М., 2015. – Режим доступа: https://pravo.ru/store/doc/doc/Doklad_advokats_all.pdf.
 8. Johnson E. Lawyers' Choice: A Theoretical Appraisal of Litigation Investment Decisions // *Law & Society Review*. – 1981. – № 15 (3/4). – P. 567–610.
 9. Dinovitzer R., Garth B. Lawyer Satisfaction in the Process of Structuring Legal Careers // *Law & Society Review*. – 2007. – № 41 (1). P. 1–50.
 10. Wilkinson M. Information Sources Used by Lawyers in Problem-Solving: An Empirical Exploration // *Library & Information Science Research*. – 2001. – №. 23. – P. 257–276.
-

Сведения об авторе

Ильиных Светлана Анатольевна,
д. социол. н., профессор, заведующий кафедрой
социологии, Новосибирский государственный
университет экономики и управления, г. Ново-
сибирск, e-mail: ili.sa@mail.ru

Information about the author

Ильиных С. А., Doctor of Sociology, Profes-
sor, Head of the Department of Sociology, Novosi-
birsk State University of Economics and Manage-
ment, e-mail: ili.sa@mail.ru

УДК 316.3

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. Л. Колтунов, Л. В. Ребышева, Ю. П. Савицкая

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия

Аннотация. На разных этапах развития общества значение молодежи для обновления социальной системы то возрастает, то становится слабее, что объясняется параметрами развития общества. Поэтому изучение вопросов вовлечения молодых людей в различные сферы общественной жизни (образовательную, трудовую, политическую) и особенностей их политического участия актуально.

Ключевые слова: молодежь; политика; политическая активность; политические установки

ISSUES OF POLITICAL ACTIVITY OF YOUTH: SOCIOLOGICAL ASPECT

A. L. Koltunov, L. V. Rebysheva, Yu. P. Savickaya

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. At different stages of the development of society, the importance of youth for the renewal of the social system either increases or becomes weaker, which is explained by the parameters of the development of society. Therefore, the study of the issues of involving of youth in various spheres of public life (educational, labor, and political) and the features of its political participation is relevant.

Key words: youth; politics; political activity; political attitudes

Становление и укрепление гражданского общества является важнейшим направлением демократического развития современной России. Реформы, происходящие в стране, в значительной степени зависят от участия молодежи, которая является особой социальной группой, генератором многих изменений и преобразований, так как от нее во многом зависело и зависит будущее страны. О. В. Орлова считает, что «...в гражданском обществе должен действовать человек, который обладает конкретными интересами и потребностями, для удовлетворения которых он нацелен способностью к сознательной деятельности, прагматическому решению совместно с другими людьми экономических, политических и иных проблем» [1]. Поэтому вопросы о воспитании молодежи, ее роли не только в социальной жизни, но и степени вовлечения молодых людей в различные сферы общественной жизни общества, в том числе и политическую, являются важным направлением в развитии государства и актуальны для исследователей.

И. С. Кон характеризует «...молодежь как социально-демографическую группу, на основе совокупности возрастных характеристик, особенностей социального положения и обусловленных тем и другим социально-психологических свойств» [2]. Молодежный возраст — особенная фаза жизненного цикла, имеющая конкретные возрастные рамки и социально-историческую природу, зависящую не только от общественного строя, но и

свойственных данному обществу закономерностей социализации. Таким образом, современная молодежь представляет собой самый прогрессивный и социальный слой общества, который вступает в жизнь в сложных условиях экономического и социального развития страны.

Политические ориентации молодежи, по мнению Ю. А. Зубок «...являются составной частью ценностных ориентаций, политических аттитюдов и предпочтений молодежи. Они тесно связаны с общим отношением молодых граждан к политике, политической элите, участию в работе демократических институтов современного общества» [3].

Таким образом, полноценное развитие личности в современном мире не может быть реализовано без политической составляющей. Политическая социализация должна происходить медленно, по мере социального развития личности как субъекта политики.

В политико-терминологическом словаре «...политическая активность понимается как деятельность социальных групп или индивидов, связанная со стремлением усовершенствовать или изменить социально-экономический и политический порядок, социально-экономические и политические институты» [4].

Формироваться и протекать наиболее активно этот процесс начинает в молодом возрасте, связанном с формированием политических установок и восприятием определенных идей и ценностей, которые затем должны реализоваться на практике посредством включения в реальную политическую жизнь. К сожалению, на сегодняшний день уровень участия молодежи в политической жизни страны довольно низок и характеризуется пассивным отношением молодых людей к общественной жизни, а также возможностью вовлечения ее специфических особенностей восприятия реальности в различного рода экстремистскую деятельность. Некоторые проблемы в молодежной сфере могут привести к дестабилизации общества и государственного устройства.

С точки зрения Ж. Т. Тощенко, молодежь взаимодействует с различными структурами власти, проявляя политическую активность в жизни общества «формально» и «реально», как «...особую форму консолидации ее групповых интересов, отражающих осознанные особенности собственного социального положения, роли и места в обществе и способ их реализации» [5].

Реальная политическая деятельность характеризуется «волеизъявлением» молодежи своих политических прав и свобод в различных формах, причем постоянно. В другом случае политическое участие и политическая активность рассматриваются как формальные.

Наиболее активной частью молодежи являются студенты, поэтому именно их идейно-политические предпочтения формируют политический портрет молодого поколения страны как наиболее «продвинутой» группы молодежи, которая в будущем пополнит ряды квалифицированных специалистов, от поведения которых сегодня зависит будущее экономическое развитие страны, социальной и политической сфер жизни общества.

С целью выявления факторов, влияющих на политическую активность молодежи, в апреле — мае 2018 года был проведен социологический опрос среди студентов Тюменского индустриального университета. Приняли участие 278 человек: 163 студента очной формы обучения и 115 — заочной. По гендерному признаку мужчины составили 46 % опрошенных (128 человек), женщины — 54 % (150 человек). Основным критерием отбора был возраст респондентов, поэтому возрастная группа молодых людей вошла в диапазон от 18 до 30 лет, что представлено на рисунке 1.

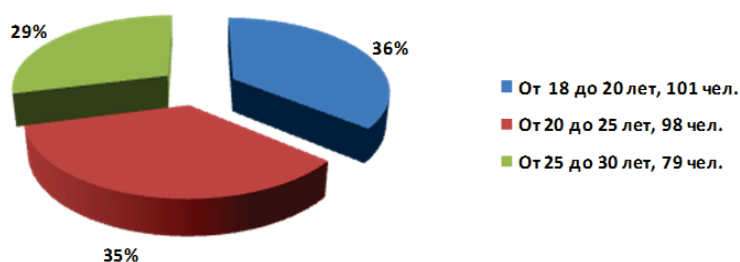

Рис. 1. *Распределение респондентов по возрасту, %*

Одним из выражений политического участия является интерес к политике. Для определения интереса к политике и позиции участия в политическом движении страны респондентам были заданы вопросы «Насколько в настоящее время Вы интересуетесь политикой?» и «Насколько Ваша жизнь зависит от политики?», ответы на которые представлены на рисунках 2, 3.

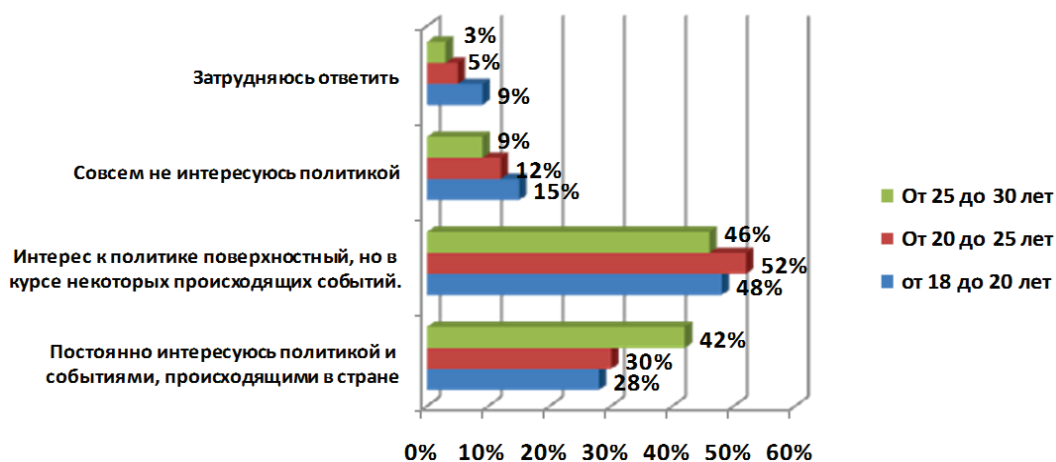

Рис. 2. *Оценка респондентами интереса к политике и происходящим политическим событиям*

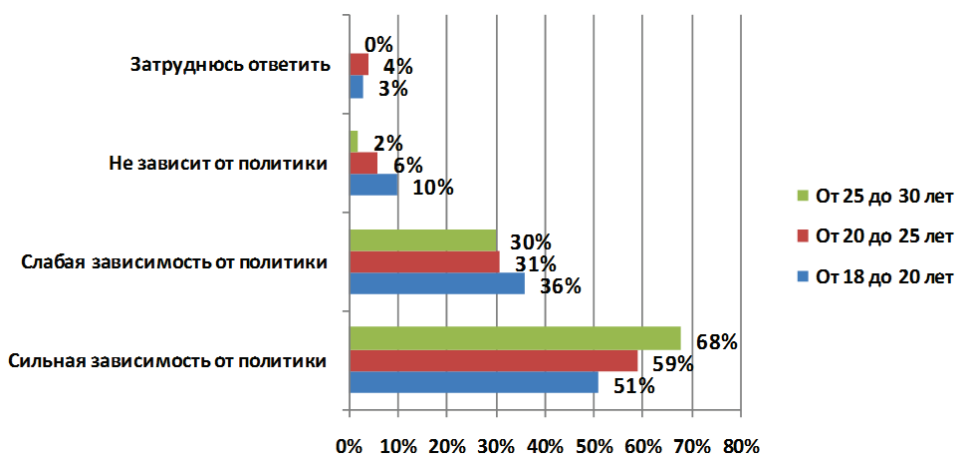

Рис. 3. *Распределение ответов респондентов на вопрос «Насколько Ваша жизнь зависит от политики?»*

Представленные на рисунке 2 ответы респондентов говорят о том, что молодые люди интересуются политикой и происходящим событиям в стране (средний процент составляет 42–48 % опрошенных), причем необходимо отметить, что политический интерес нарастает с «взрослением». Так, например, респонденты возрастной группы от 25 до 30 лет уверенно проявляют постоянный интерес к политике или в курсе происходящих политических событий.

Респонденты в возрасте от 18 до 20 лет политикой интересуются мало (28 % опрошенных) или имеют поверхностный интерес к политике (48 %). При этом данная возрастная группа «больше всех не интересуется политикой» (15 %).

Таким образом, молодые люди достаточно низко оценивают свою политическую активность (политикой интересуются 33 % респондентов). Однако, несмотря на происходящие в стране изменения, молодежь понимает и осознает необходимость политического участия в жизни общества и значимости всех происходящих политических преобразований.

Так, несмотря на отсутствующий интерес к политике, большинство представителей молодого поколения, что составило 60 % респондентов, уверены в том, что их жизнь сильно зависит от происходящих политических преобразований в стране. «Слабую зависимость от политики» отметили 30 % опрошенных, и только в среднем 8 % респондентов полагают, что их жизнь вообще не зависит от политических преобразований, трудным показался ответ для 6 % респондентов (см. рис. 3). При этом среди тех, кто считает свою жизнь сильно зависящей от политики (см. рис. 2), интересуются политикой меньше половины (28, 30 и 42 %).

Необходимо отметить, что происходящие в стране преобразования всех сфер жизни общества открывают новые возможности молодым людям для решения их социальных проблем, таких как активное выдвижение и продвижение молодых кадров и развитие различных форм трудовой деятельности, создание современной социальной инфраструктуры и, самое главное, включение молодежи в процесс демократизации за счет роста числа самостоятельных объединений и неформальных групп, что способствует повышению активности в решении собственных проблем.

Необходимо отметить в формировании политического самосознания молодежи участие в различных общественно-политических организациях и государственных структурах. Поэтому следующим важным вопросом исследования сферы молодежи и политики является оценка своего участия и роли в политической жизни общества (рис. 4).

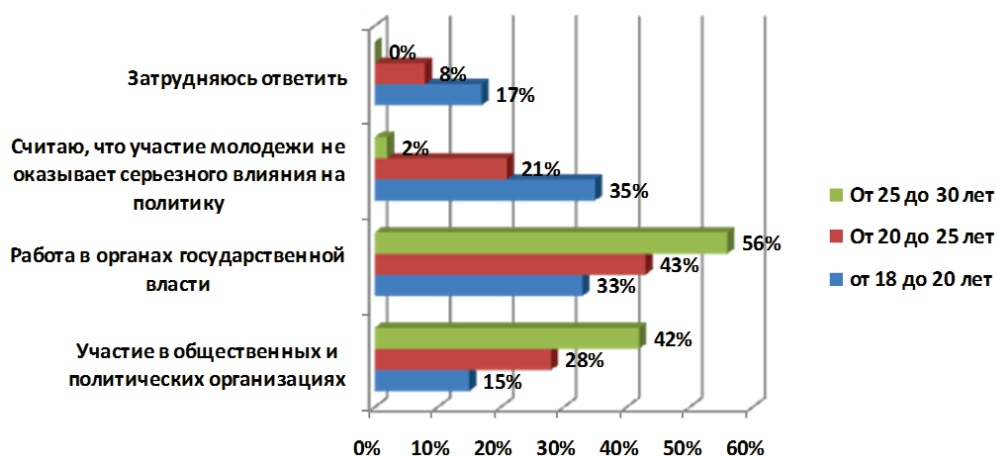

Рис. 4. Оценка респондентами участия в политической жизни общества

Оценивая участие респондентов в политической жизни общества (см. рис. 4), можно сделать вывод о том, что именно общественные организации помогают молодым людям осуществлять гражданскую самоидентификацию, воспитывать и укреплять гражданские чувства, решать не только социальные проблемы, но и осуществлять политическую самореализацию. Все представленные возрастные группы высоко оценили участие молодежи в общественных и политических организациях (от 35 %), а также работу в госструктурах и власти (от 45 %).

Однако достаточно большая часть молодых людей использует общественно-политические организации для решения собственных материальных проблем, вступая в них для того, чтобы получить высокооплачиваемую работу или открыть свой бизнес. Ответы на вопрос респондентов: «Какие причины побудили Вас вступить в общественно-политическую организацию или пойти в политику?» представлены на рисунке 5.

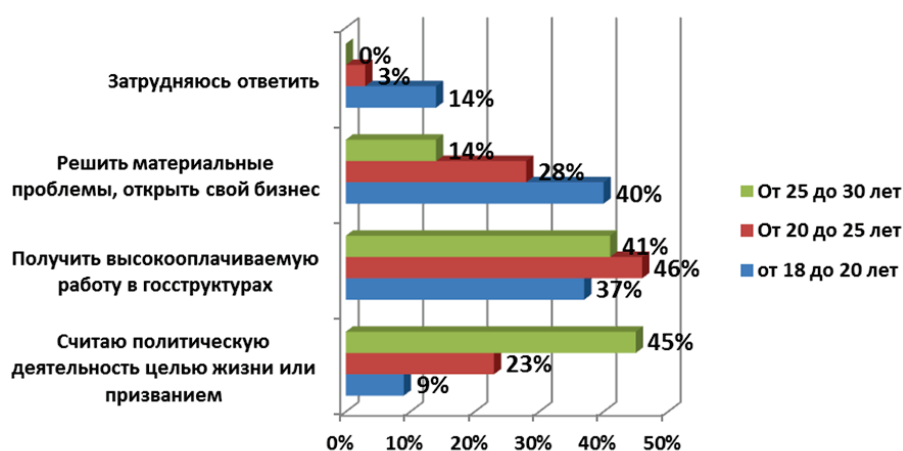

Рис. 5. *Причины, побуждающие вступление молодых людей в общественно-политические организации*

Исследуя причины и потребности участия молодежи в политике, необходимо подчеркнуть, что в ее ориентациях наблюдаются прагматические настроения, позволяющие изменить к лучшему, прежде всего, материальный и социальный статус, получить высокооплачиваемую работу, что отмечают все три возрастные группы (от 37 до 46 % опрошенных). Считаю политическую деятельность призванием и целью в жизни от 9 до 45 % респондентов. Таким образом, мотивацию политического участия молодых людей необходимо рассматривать с двух позиций: с одной стороны, понимание своей роли в происходящих общественно-политических процессах, с другой, практическая полезность — карьерный рост, высокий социальный статус, материальные возможности и т. д.

Косвенным фактором, провоцирующим молодежь на политическую активность, является внимание к политическим темам в СМИ, поэтому в формировании политической культуры важна существенная помощь демократических средств массовой информации. Целью следующего вопроса было желание выяснить, какие источники являются популярными среди молодежи. Ответы представлены на рисунке 6.

Оценивая ответы респондентов, можно сказать, что всплеск политической активности общества, в том числе и молодежи, связан с развитием глобальных сетей и Интернета, что значительно повлияло на формирование мировоззренческих установок и ценностной ориентации молодежи, а также стремительным ростом интернет-аудитории, что составило в среднем 72 % респондентов.

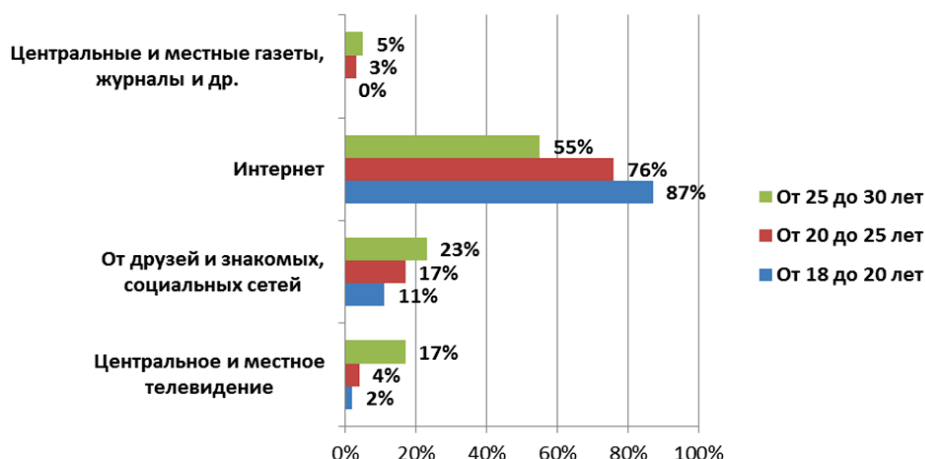

Рис. 6. Оценка респондентами новостных источников, характеризующих политическую обстановку в стране

Одновременно отметили получение информации о политических новостях от друзей, знакомых в среднем 28 % опрошенных, что связано со значительным ростом значения и использования в повседневной жизни молодежи социальных сетей.

Центральное и местное телевидение, отметили в среднем 8 % респондентов. Для них оказались важными личное присутствие при обсуждениях политических ситуаций и умение отстаивать собственную точку зрения, не боясь участвовать в дискуссиях на открытых площадках. Хотя многие воспринимают телевидение как фоновый режим получения политической информации, наряду с прочими новостями.

Самым непопулярным источником, по понятным причинам, являются газеты и журналы, из них получают информацию лишь в среднем 2,5 % респондентов, ссылаясь в основном на «желтую прессу».

Таким образом, информация — важнейший стратегический ресурс государства, который позволил определить основные источники получения политических новостей, что повлекло следующий вопрос, на который отвечали респонденты: «Какие интернет-блоги, которые ведет правительство, Вам известны?» (рис. 7).

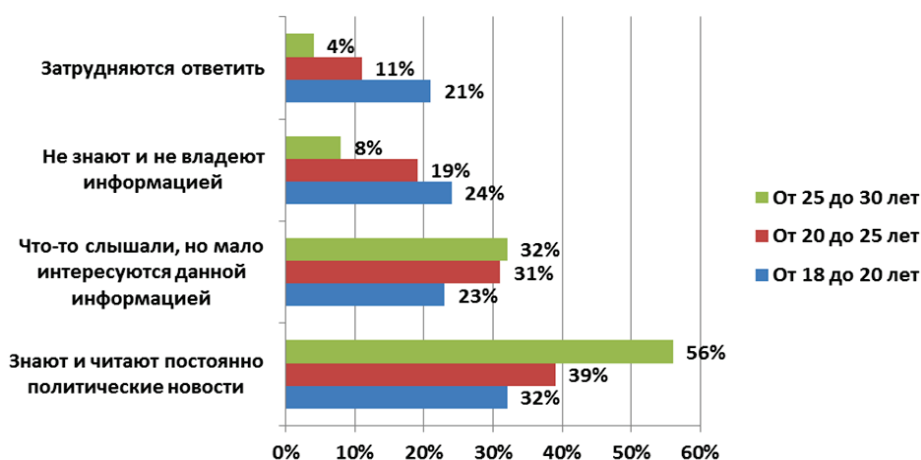

Рис. 7. Оценка правительственных интернет-блогов и интернет-рекламы

Ответы респондентов указывают на то, что сеть Интернет становится важнейшим информационным источником, который позволяет молодежи получать сведения о политических лидерах России, общественно-политических течениях и партиях, их предвыборных программах, приемах политической рекламы. Большая часть респондентов постоянно следит за политическими новостями (в среднем 43 % опрошенных), и только небольшая часть (в среднем 14 %) не владеет информацией.

Следовательно, можно говорить, что популярность правительственных интернет-блогов становится эффективной и привлекает внимание молодежи.

Ответы на вопрос: «Где Вы активно можете проявлять свою политическую активность?» вызвали неоднозначное мнение исследователей (рис. 8).

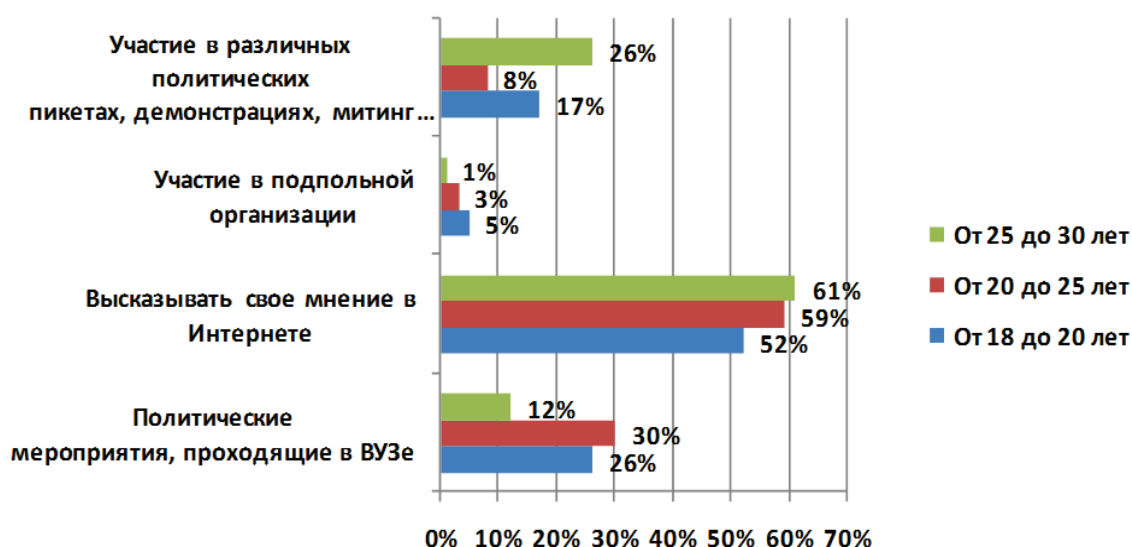

Рис. 8. Оценка респондентами проявления политической активности

Так, все возрастные группы отметили, что постоянно ведут дискуссии о политике, просматривают политические новостные ролики, проявляя свою политическую активность в Интернете, социальных сетях, что составляет в среднем 55 % респондентов. Посещают различные политические мероприятия, проходящие в вузе, причем неохотно в среднем 23 % опрошенных, так как этого требует учебная дисциплина, то есть почти по принуждению. Вызвало неоднозначную реакцию исследователей, что в среднем 3 % опрошенных отметили возможность своего участия в подпольных политических организациях. За участие в различных политических митингах, пикетах, демонстрациях высказались в среднем 17 % респондентов, причем большую часть составили старшие и выпускные курсы.

Таким образом, основным проявлением самоорганизации молодежи можно назвать ее объединение в социальных сетях и Интернете, которые сегодня можно отнести к серьезному ресурсу дальнейшего развития гражданской активности молодых людей.

Ответы респондентов на вопрос: «Повысился ли с возрастом Ваш интерес к политике?» представлены на рисунке 9.

Положительные ответы на данный вопрос прозвучали в среднем у 73 % опрошенных, что можно связать с определением условий и возможностями политического участия и сформировавшихся политических интересов, а также четкой гражданской позицией.

Следовательно, можно сказать, что с возрастом к молодым людям приходит интерес к политической жизни в их государстве.

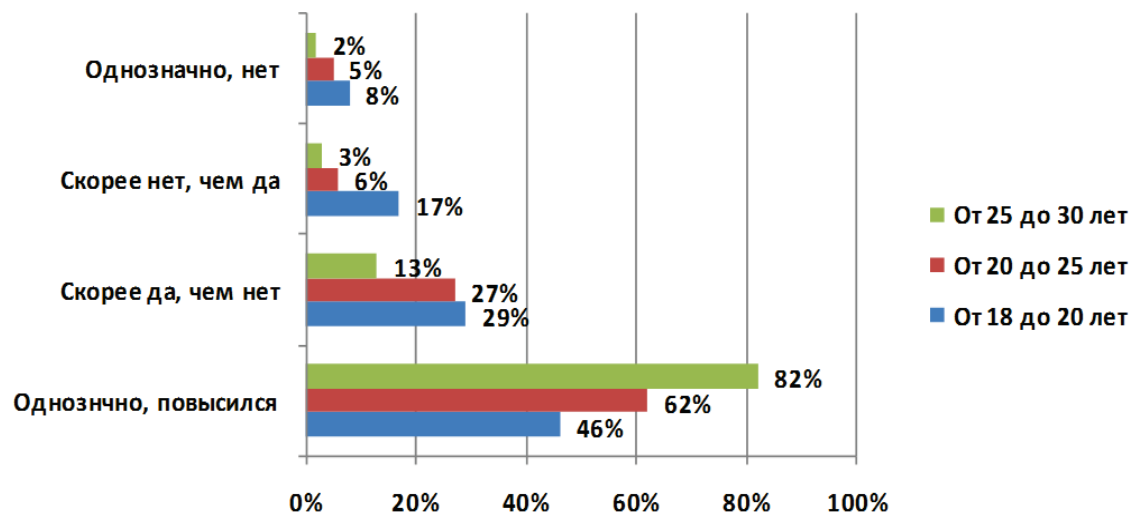

Рис. 9. Причины роста политических интересов респондентов

Таким образом, на основе представленных материалов исследования, можно сделать вывод, что высокий уровень политической активности молодежи находится в прямой зависимости от политической социализации, участие в которой должны принимать не только родители, образовательные учреждения, но и политические институты, государство. Поэтому молодежная политика должна стать одним из приоритетных направлений внутренней политики государства, привлекая молодежь к участию в политической жизни страны.

Чтобы повысить политическую активность молодежи, органам местного самоуправления необходимо внедрять различные структуры сотрудничества молодежи с органами местного самоуправления вроде молодежных парламентов, советов и закреплять соответствующими соглашениями.

Важным условием формирования высокого уровня политической активности является создание положительного образа политики в сфере молодежи. Молодые люди должны понимать, что при их участии в политической сфере страны может измениться многое, в том числе и их собственная жизнь. К сожалению, сейчас образ политика у большинства молодежи вызывает негативные чувства. Именно это и надо изменить.

Подводя итоги проведенного опроса, можно с уверенностью сказать, что у современной молодежи существуют понимание гражданской позиции, пусть не всегда четкой, а также важности политики и желание участвовать в различных политических мероприятиях.

Можно отметить, что доля «интересующейся» молодежи на данном этапе развития государства небольшая, но для общества она представляет серьезный «политический ресурс», который в дальнейшем необходимо использовать в решении государственных проблем и проблем регионального уровня.

Библиографический список

1. Орлова О. В. Гражданское общество и личность: политико-правовые аспекты. – М., 2005. – 118 с.
2. Кон И. С. Молодежь // Философский энциклопедический словарь / Под ред. С. С. Аверинцева и др. – 2-е изд. – М.: Современная энциклопедия, 2012. – 380 с.
3. Зубок Ю. А., Чупров И. М. Социология молодежи. – М., 2008. – 322 с.
4. Политико-терминологический словарь / Сост. А. Б. Абдрашев, А. К. Эшиев. – Жалал-Абад: Жалал-Абадский государственный университет, 2012. – 32 с.
5. Тощенко Ж. Т. Политическая социология: учеб. – М.: Юрайт, 2012. – С. 409–435. _____

Сведения об авторах

Колтунов Анатолий Львович,
к. социол. н., доцент кафедры маркетинга и
муниципального управления, Тюменский инду-
стриальный университет, г. Тюмень, e-mail:
koltunoval@tyuiu.ru

Ребышева Лидия Васильевна,
к. социол. н., доцент кафедры маркетинга и
муниципального управления, Тюменский инду-
стриальный университет, г. Тюмень, e-mail:
rebisheva_lida@mail.ru

Савицкая Юлия Петровна, старший
преподаватель кафедры маркетинга и муници-
пального управления, Тюменский индусти-
альный университет, e-mail: saviczka.y@mail.ru

Information about the authors

Koltunov A. L., Candidate of Sociology,
Associate Professor at the Department
of Marketing and Municipal Management, Indus-
trial University of Tyumen, e-mail: koltunov-
al@tyuiu.ru

Rebysheva L. V., Candidate of Sociology,
Associate Professor at the Department of Market-
ing and Municipal Management, Industrial Univer-
sity of Tyumen, e-mail: rebisheva_lida@mail.ru

Savickaya Yu. P., Senior Lecturer at the
Department of Marketing and Municipal Manage-
ment, Industrial University of Tyumen, e-mail: sa-
viczkaya.y@mail.ru

УДК 342.84

**ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОЙ
РОССИИ (НА МАТЕРИАЛАХ ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

М. Н. Коршунов, С. А. Шестаков

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия

Аннотация. В работе подробно описывается опыт трансформации российской избирательной системы в постсоветский период на примере Тюменской области. Проводится анализ региональной политической практики формирования и развития законодательства, регулирующего избирательные процессы. Большое внимание уделяется конфронтации политического истеблишмента субъектов РФ, входящих в состав сложносоставной Тюменской области. Рассматривается влияние этих факторов на региональные избирательные процессы на основе социологических исследований.

Ключевые слова: электоральные процессы; избирательное законодательство; электоральное поведение; политическая конкуренция; региональные конфликты

**ELECTORAL PROCESSES IN POST-SOVIET RUSSIA
(A STUDY OF TYUMEN REGION)**

M. N. Korshunov, S. A. Shestakov

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The article details the experience of changes in the Russian electoral system in the post-Soviet period: a case study of Tyumen region. We analyze the regional political practice of the formation and development of legislation regulating electoral processes. Much attention is given to confrontation of the political establishment of the constituent entities of the Russian Federation, which are parts of the complex Tyumen region. On the basis of sociological researches, we consider the influence of these factors on regional electoral processes.

Key words: electoral processes; electoral legislation; electoral behavior; political competition; regional conflicts

Становление и развитие современной избирательной системы Российской Федерации берет свое начало с 1993 года, который является годом принятия новой российской Конституции и серьезных испытаний российской государственности.

Электоральные процессы постсоветского периода в регионах России формировались в условиях фундаментальных политических и социально-экономических трансформаций. Как отмечает О. В. Гаман-Голутвина: «Исторической особенностью российских регионов была их низкая субъектность: составлявшие Советский Союз территории не обладали значимой политической самостоятельностью. Обретение принципиально новой степени региональной свободы в Российской Федерации 1990-х годов стало политической новацией, в ходе которой регионы обрели амбиции субъектов общенациональной политики» [1].

Слабое состояние федеральной власти новой России, характеризующееся высокой конкуренцией различных элитных групп, кризисным состоянием экономики страны и, как следствие, недостаточностью финансовых ресурсов привело к значительному укреплению роли правящих региональных элит в качестве акторов электоральных процессов. Их стремление максимально использовать свои возможности для поддержки лоббируемых ими кандидатов с целью решения различных политических и социально-экономических вопросов в свою пользу сводили к минимуму шансы на победу и просто участие неугодных конкурирующих акторов.

В рамках электоральных процессов любой демократической страны ключевое значение имеют выборы политических лидеров, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Очевидно, в демократических государствах на процессы формирования политической элиты в значительной мере влияют именно выборы. По мнению Г. К. Ашина, свободные выборы являются принципиально новым, причем мощным каналом рекрутирования элиты, где роль селектора выполняет не номенклатурное сито, а все население, точнее электорат [2].

В то же время нельзя недооценивать важность правового регулирования процессов проведения выборов политических деятелей для любого демократического государства. Как отмечает С. Д. Хайд: «Когда институты, которые управляют проведением выборов, не обладают достаточной степенью доверия электората, как это имеет место во многих развивающихся демократиях и “гибридных” режимах, проигравшие акторы могут правомерно подвергать сомнению достоверность официальных результатов выборов, тем самым подрывая весь демократический процесс» [3].

Детальное изучение региональной политической практики последнего десятилетия минувшего века имеет принципиальное значение в вопросах обеспечения высокого уровня реальной гарантированности избирательных прав граждан Российской Федерации, формирования политических и государственных структур, институтов гражданского общества, повышения легитимности и чистоты выборов, что, в свою очередь, окажет положительное влияние на формирование политической элиты государства.

Одним из примеров, в наибольшей степени наглядно иллюстрирующих процесс становления постсоветской избирательной системы в регионах нашей страны, является процедура первых выборов главы исполнительной власти Тюменской области — Губернатора (1996–1997 гг.).

Масштабное противостояние региональных элит в целях усиления своего влияния на формирование политической повестки области, экономической и функциональной независимости органов власти субъектов, входящих в ее состав, отсутствие единой позиции по толкованию Конституции и избирательного законодательства РФ вызвали необходимость вмешательства в процесс организации данных выборов Президента и Конституционного суда Российской Федерации.

В 1996 году руководством Тюменской области, на основании части 3 статьи 37 главы 5 Устава Тюменской области от 30.06.1995 № 6, которой установлено, что «Губернатор избирается гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими на территории области, включая территории автономных округов, на основе всеобщего равного прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на четыре года»¹, принято решение обратиться в органы государственной власти ХМАО — Югры и ЯНАО с це-

¹Устав Тюменской области от 30.06.1995 г. № 6: принят Тюменской областной Думой 15.06.1995: по сост. на 04.03.1995 г. // Вестник Тюменской областной Думы. — 1995. — № 7.

люю согласования процедуры и даты проведения выборов Губернатора Тюменской области на территории автономных округов.

В свою очередь, органы исполнительной власти ХМАО — Югры, ЯНАО, руководствуясь положениями части 4 статьи 66 главы 3 Конституции Российской Федерации, которой установлено, что «отношения автономных округов, входящих в состав области, могут регулироваться федеральным законом и договором между органами государственной власти автономного округа и, соответственно, органами государственной власти области»², а также Уставом (Основным законом) Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 26.04.1995 № 4-оз и Уставом (Основной закон) Ямало-Ненецкого автономного округа от 28.12.1998 № 56 ЗАО, сославшись на социально-экономическую и политическую самостоятельность субъектов Российской Федерации, которой обладают автономии, а также на отсутствие к настоящему моменту действующих федеральных законов и договора между органами государственной власти области и автономных округов, ответили отказом, посчитав процесс проведения выборов на своей территории главы исполнительной власти соседнего субъекта РФ, полномочия которого никак не распространяются на территории автономных округов, противоречащим действующему законодательству.

Политическое противодействие элит севера и юга Тюменской области, направленное на саботирование выборов тюменского Губернатора, было связано в первую очередь с нежеланием легитимизировать его полномочия на территории автономных округов, с борьбой за сохранение экономической, политической и функциональной независимости от области со стороны автономий и с желанием укрепить власть областного центра, восстановить свой контроль над автономными округами, в частности, над их бюджетами и недрами, богатыми полезными ископаемыми, со стороны областного истеблишмента.

Стараясь найти решение вопроса на федеральном уровне, органы государственной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов направили в адрес Президента Российской Федерации обращение о проведении выборов глав исполнительной власти, следствием которого явился Указ Президента РФ от 13.09.1996 № 1355 (далее — Указ № 1355), которым установлено: с момента издания настоящего Указа и до принятия Государственной Думой закона об общих принципах организации представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ, а также до урегулирования отношений Тюменской области и входящих в ее состав автономных округов органам власти Тюменской области, ХМАО — Югры и ЯНАО определить единую дату проведения выборов глав исполнительной власти Тюменской области и автономных округов. Обеспечить возможность участия в выборах главы исполнительной власти Тюменской области всех избирателей, включая население автономных округов³.

Также Указом № 1355 установлено разрешить одновременное проведение выборов глав исполнительной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов в октябре 1996 года. Датой выборов определено 27.10.1996 г. (пункт 4 Постановления Тюменской областной Думы от 17.09.1996 № 471)⁴.

²Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>.

³О выборах глав исполнительной власти Тюменской области, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов: Указ Президента РФ от 13.09.1996 № 1355 // Собрание законодательства РФ. — 16.09.1996. — № 38. — Ст. 4412.

⁴О Законе Тюменской области «О внесении изменений и дополнений в Закон Тюменской области «О выборах Губернатора Тюменской области»: Постановление Тюменской областной Думы от 17.09.1996 № 471 // Вестник Тюменской областной Думы. — 1996. — № 6.

В дальнейшем, руководствуясь положениями Закона Тюменской области от 20.02.1996 № 25, была произведена корректировка даты проведения выборов главы исполнительной власти Тюменской области на основании Указа Президента РФ от 15.10.1996 № 1438 (далее — Указ № 1438), пунктом 1 которого предусмотрено «разрешить проведение выборов главы исполнительной власти Тюменской области в декабре 1996 г.»⁵. Окончательное утверждение даты выборов Губернатора Тюменской области на 22.12.1996 г. установлено пунктом 2 Постановления Тюменской областной Думы от 17.10.1996 № 501⁶.

Позиция органов власти ЯНАО осталась неизменной, несмотря на Указы Президента Российской Федерации; в результате Государственной Думой ЯНАО было определено отсутствие возможности законодательного обеспечения проведения выборов главы исполнительной власти Тюменской области на территории Ямало-Ненецкого автономного округа, отсутствие юридической силы законодательства Тюменской области в автономном округе и принято считать невозможным обеспечить участие избирателей Ямало-Ненецкого автономного округа в выборах главы исполнительной власти Тюменской области⁷. Реакция руководства ХМАО — Югры была более лояльной по отношению к тюменским коллегам.

Так, статья 1 Закона ХМАО от 18.11.1996 № 38-оз предусматривала провести выборы Главы исполнительной власти Тюменской области на территории Ханты-Мансийского автономного округа 22 декабря 1996 года. Однако этот закон устанавливал, что данные выборы на территории ХМАО — Югры считаются состоявшимися, если в них приняло участие не менее 25 % избирателей, внесенных в списки избирателей ХМАО — Югры⁸.

Однако, несмотря на принятие положительного решения по вопросу организации выборов главы исполнительной власти Тюменской области на первом этапе, 16 декабря 1996 года Думой Ханты-Мансийского автономного округа было принято решение об отказе в проведении второго тура голосования по выборам Губернатора Тюменской области на территории автономного округа.

Таким образом, многочисленные попытки тюменского истеблишмента провести выборы на всей территории области, легитимизировав тем самым возможность вмешательства главы исполнительной власти области в юрисдикцию автономий, не привели к желаемому результату. Ямало-Ненецкий автономный округ не принимал участия в выборах, а Ханты-Мансийский автономный округ принял беспрецедентное решение принять участие в первом туре, но отказаться от участия во втором.

⁵ О выборах главы исполнительной власти Тюменской области: Указ Президента РФ от 15.10.1996 № 1438 // *Собрание законодательства РФ*. — 21.10.1996. — № 43. — Ст. 4880.

⁶ О дате проведения выборов Губернатора Тюменской области (вместе с «Соглашением о механизме реализации Указа Президента Российской Федерации «О выборах главы исполнительной власти Тюменской области»»: Постановление Тюменской областной Думы от 17.10.1996 № 501 // *Вестник Тюменской областной Думы*. — 1996. — № 6.

⁷ О выборах главы исполнительной власти Тюменской области на территории Ямало-Ненецкого автономного округа: Постановление Государственной Думы ЯНАО от 23.10.1996 № 57 // *Ведомости Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа*. — 1996. — № 9.

⁸ Об участии Ханты-Мансийского автономного округа в выборах Главы исполнительной власти Тюменской области: Закон ХМАО от 18.11.1996 N 38-оз // *Сборник законов и иных нормативных актов, принятых Думой автономного округа*. — 06.11.1996. — № 1.

Этот непростой период формирования базы избирательного законодательства, урегулирования отношений между регионами «тюменской матрешки» имел значительное влияние на формирование и развитие электоральных процессов и настроений населения всех регионов области.

В целях наиболее наглядной оценки регулирующего воздействия противостояния политических элит севера и юга области на формирование электоральных процессов представим данные социологического исследования, проведенного в виде социологического опроса населения, постоянно проживающего на территории Тюменской области, ХМАО — Югры или ЯНАО в период с 1990 по 1997 гг., а также обладавшего (по состоянию на 22.12.1996 г.) активным избирательным правом.

Для участия в опросе было отобрано 90 человек (по 30 респондентов от каждого субъекта РФ, входящего в состав Тюменской области). Перечень вопросов представлен в таблице 1.

Таблица 1

Перечень вопросов респондентам

Номер вопроса	Содержание вопроса	Вариант ответа
1	Принимали ли Вы участие в голосовании на выборах Губернатора Тюменской области 22 декабря 1996 года?	– Да – Нет
2	Принимали ли Вы участие в повторном голосовании на выборах Губернатора Тюменской области (второй тур) 12 января 1997 года?	– Да – Нет
3	Вы поддерживаете наделение автономных округов, входящих в состав Тюменской области, статусами равноправных субъектов РФ в 1993 году?	– Да – Нет – Не имеет значения
4	Вы поддерживали мнение высших должностных лиц автономных округов о незаконности проведения выборов на своей территории?	– Да – Нет
5	Кого из кандидатов на должность Губернатора Тюменской области Вы поддержали (в случае, если голосование не проводилось на территории вашего проживания, поддержали бы, имея возможность участвовать) 22 декабря 1996 года?	– С. П. Артошенко – В. А. Багин – В. М. Пантелеев – Г. И. Райков – Л. Ю. Рокецкий – А. К. Черепанов – В. С. Чертищев
6	Кого из кандидатов на должность Губернатора Тюменской области Вы поддержали (в случае, если голосование не проводилось на территории вашего проживания, поддержали бы, имея возможность участвовать) в повторном голосовании 12 января 1997 года?	– С. П. Артошенко – Л. Ю. Рокецкий

В целях наиболее наглядной оценки результаты проведенного исследования по вопросам 1–4 представлены графически (рисунок), по вопросу 5 — в таблице 2, по вопросу 6 — в таблице 3.

Анализ сводных результатов проведенного исследования (по вопросам 1–4) показывает, что в первом туре выборов Губернатора Тюменской области приняли участие 63 % респондентов, проживающих на территории Тюменской области, и 46 % респондентов, проживающих на территории ХМАО — Югры: в повторном голосовании (второй

тур) приняли участие 56 % респондентов, проживающих исключительно на территории Тюменской области (без автономных округов).

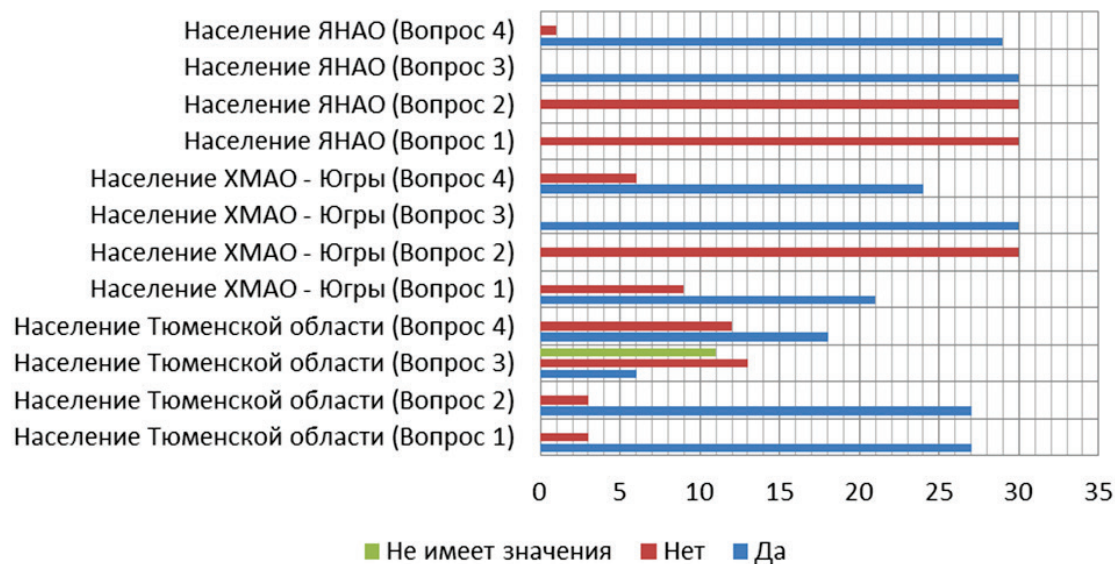

Рисунок. Сводные результаты проведенного социологического опроса (вопросы 1–4) населения Тюменской области, ХМАО — Югры, ЯНАО

Наделение автономных округов, входящих в состав Тюменской области, статусами равноправных субъектов РФ в 1993 году поддержали 20 % населения Тюменской области, 43 % имели к данному событию отрицательное отношение, 37 % не считают, что это каким-либо образом повлияло на их жизнь. В то время как 97 и 100 % жителей населения ХМАО — Югры и ЯНАО соответственно высказались в пользу поддержки данного решения. Также 60 % населения Тюменской области посчитали проведение выборов Губернатора на территории автономных округов противоречащим нормам законодательства; среди населения ХМАО — Югры и ЯНАО данный показатель составляет 97 и 93 % соответственно. Данные проведенного исследования позволяют нам сформировать эмоциональный фон электоральных процессов выборов Губернатора Тюменской области 1996–1997 гг.

Население автономных округов воспринимало положительно наделение их регионов статусами равноправных субъектов Российской Федерации негативно — возможность округов вновь потерять самостоятельность, а именно это, по мнению населения, являлось причинами всех конфликтов и разногласий по вопросам проведения выборов главы исполнительной власти Тюменской области на их территории.

Население Тюменской области не воспринимало настолько положительно факт наделения ХМАО — Югры и ЯНАО статусом субъектов РФ, так как это повлекло за собой потерю единого областного бюджета, нефтегазовых сверхдоходов и могло в ближайшей перспективе значительно повлиять на уровень жизни и развития южной части области.

В результате анализа таблицы 2 можно сделать выводы о том, что при условии участия в процедуре выборов Губернатора Тюменской области всех субъектов РФ, входящих в состав Тюменской области, максимальную поддержку имели бы С. П. Артошенко и Л. Ю. Рокецкий, при том поддержка первого кандидата обеспечена в основном за счет автономий, второго же — благодаря югу области.

Таблица 2

**Сводные результаты проведенного социологического опроса (вопрос 5)
населения Тюменской области, ХМАО — Югры, ЯНАО**

ФИО кандидата	Субъект РФ						Общее кол-во	
	Тюменская область		ХМАО — Югра		ЯНАО			
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Артошенко С. П.	9	30	18	60,0	15	50,0	42	46,6
Рокецкий Л. Ю.	17	56,8	8	26,6	8	26,6	33	36,8
Другие кандидаты	2	6,6	3	10,0	7	23,4	15	16,6

Принимая во внимание тот факт, что в первом туре выборов помимо Тюменской области принимало участие население ХМАО — Югры, можно сделать выводы о том, что прохождением во второй тур С. П. Артошенко обязан исключительно населению ХМАО — Югры, отдавшему свои голоса в его поддержку (в первом туре выборов он набрал 146 тысяч голосов на территории округа). Вероятнее всего если бы Ханты-Мансийск был солидарен с Салехардом в вопросе отказа от проведения на своей территории выборов губернатора, они завершились бы в первом туре победой Л. Ю. Рокецкого.

Таблица 3

**Сводные результаты проведенного социологического опроса (вопрос 6)
населения Тюменской области и ХМАО — Югры, ЯНАО**

ФИО кандидата	Субъект РФ						Общее кол-во	
	Тюменская область		ХМАО — Югра		ЯНАО			
	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%	Чел.	%
Артошенко С. П.	9	30	24	80	20	66,6	53	58
Рокецкий Л. Ю.	21	70	6	20	10	33.3	37	42

В результате анализа таблицы 3 можно сделать выводы о том, что при условии участия во втором этапе выборов Губернатора Тюменской области всех субъектов РФ, входящих в состав Тюменской области, максимальную поддержку имел бы С. П. Артошенко, в пользу которого высказались 58 % респондентов, что составляет 53 человека, против 42 % (37 человек), поддержавших Л. Ю. Рокецкого. При этом вновь поддержка С. П. Артошенко была обеспечена избирателями автономных округов. Причинами столь высокой поддержки населением автономий С. П. Артошенко является то, что он был единственным из кандидатов, декларировавшим самостоятельный статус округов и их выход в ближайшей перспективе из состава Тюменской области, в то время как Л. Ю. Рокецкого поддержала большая часть населения юга Тюменской области.

Однако второй тур выборов Губернатора Тюменской области был проведен без участия автономных округов. Проведем анализ результатов повторного голосования, прошедшего 12 января 1997 года, исключительно на территории Тюменской области (табл. 4) ⁹.

⁹ Выборы Губернатора Тюменской области (дата голосования — 22 декабря 1996 года, повторное голосование — 12 января 1997 года) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tyumen.izbirkom.ru/arkhiv-vyborov-i-referendumov/tyumenskie-regionalnye-izbiratelnye-kampanii-/index.php> (дата обращения: 25.10.2018).

Таблица 4

Выборы Губернатора Тюменской области (повторное голосование)

ФИО кандидата	Число голосов, чел.	Число голосов, %
Атрошенко С. П.	168 420	32,94
Рокецкий Л. Ю.	300 737	58,82
Число избирателей, внесенных в список		
Субъект РФ	Чел.	% от общего числа
Тюменская область	910 196	45
ХМАО — Югра	811 159	40
ЯНАО	305 662	15
Явка (второй тур)		
Кол-во чел.		%
502 146		55,1

На основе результатов проведенного социологического исследования можно сделать выводы о том, что попытки политической элиты Тюменской области вернуть в свои руки контроль над территориями автономных округов едва ли не привели к поражению на выборах их основного кандидата, возглавлявшего на тот момент администрацию Тюменской области, Л. Ю. Рокецкого.

Именно отказ Ханты-Мансийского автономного округа от участия во втором туре выборов, повлекший за собой потерю голосов избирателей, проживающих на его территории, в пользу С. П. Артошенко, а также отказ Ямало-Ненецкого автономного округа (достаточная часть населения которого также готова была поддержать С. П. Артошенко) принимать участие в выборах Губернатора Тюменской области оказали существенное влияние на результат выборов и позволили Л. Ю. Рокецкому продолжить руководить областью уже в статусе Губернатора.

Необходимо также отметить, что Л. Ю. Рокецкий вполне устраивал политические элиты автономных округов в качестве будущего Губернатора Тюменской области, что подтверждается отказом ХМАО — Югры и ЯНАО от выдвижения своих кандидатов на этот пост. В этой связи отказ Ханты-Мансийского автономного округа принимать участие во втором туре выборов вполне может быть обусловлен заинтересованностью самого Л. Ю. Рокецкого ввиду его крайне невысокого рейтинга на территории ХМАО — Югры.

Противостояние органов власти Тюменской области и двух входящих в ее состав автономных округов по вопросу организации электоральных процессов завершилось вполне цивилизованно — на основании судебного решения Конституционного суда Российской Федерации.

30.01.1997 года было принято Постановление Тюменской областной Думы № 583 «Об обращении в Конституционный суд Российской Федерации», по итогам рассмотрения которого вынесено Постановление Конституционного суда РФ от 14.07.1997 № 12-П, которым определено, что вхождение автономного округа в состав области означает признание населения округа частью населения области. В связи с чем население автономного округа также имеет право (как и население других районов (частей) области) участвовать в выборах органов законодательной (представительной) и исполнительной власти области. Следовательно, органы государственной власти автономного округа обязаны принять все предусмотренные законом меры для реализации этого права граждан. Воспрепятствование в какой-либо форме участию населения автономного округа в подобных вы-

борах нарушает принцип народовластия, а также избирательные права граждан и противоречит положениям Конституции РФ. При этом на основе Конституции, в рамках действующего законодательства, автономный округ и область могут урегулировать договором условия и порядок формирования органов государственной власти. Однако подобный договор не может содержать положений, направленных на ограничение избирательных прав населения автономного округа и области. При отсутствии договора следует руководствоваться федеральным законодательством и соответствующими законами области¹⁰.

Таким образом, выборы Губернатора Тюменской области 1996–1997 гг. имеют неоспоримую историческую значимость в процессе становления и развития современной избирательной системы Российской Федерации. В ходе урегулирования разногласий и противоречий между органами власти Тюменской области и входящих в ее состав автономных округов были заложены правовые основы формирования региональной политической практики, проведено уточнение и толкование норм законодательства Российской Федерации, регулирующих отношения субъектов РФ, а также избирательные процессы регионального уровня.

Библиографический список

1. Региональные политические процессы: насколько «субъектны» субъекты РФ (круглый стол журнала «Полис») / О. В. Гаман-Голутвина [и др.] // Полис. Политические исследования. – 2013. – № 5. – С. 59–76.
2. Ашин Г. К. Формы рекрутирования политических элит // Общественные науки и современность. – 1998. – № 3. – С. 85–96.
3. Hyde S. D. The Pseudo-Democrat's Dilemma: Why Election Monitoring Became an International Norm // Ithaca, New York: Cornell University Press, 2011.

Сведения об авторах

Коршунов Максим Николаевич, аспирант кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, e-mail: KorshunovMN@Bk.ru

Шестаков Сергей Александрович, д. полит. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, e-mail: shestakovprof@gmail.com

Information about the authors

Korshunov M. N., Postgraduate at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, e-mail: KorshunovMN@Bk.ru

Shestakov S. A., Doctor of Politics, Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, e-mail: shestakovprof@gmail.com

¹⁰ По делу о толковании содержащегося в части 4 статьи 66 Конституции Российской Федерации положения о вхождении автономного округа в состав края, области: Постановление Конституционного суда РФ от 14.07.1997 № 12-П // Собрание законодательства РФ. – 21.07.1997. – № 29. – Ст. 3581.

УДК 364.1

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И СНИЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ РИСКОВ

А. Л. Скифская¹, К. Н. Скифская²

¹Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия

²Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Аннотация. Проводится анализ различных подходов в исследованиях социальных рисков, социальной безопасности личности и социальной защиты населения. Рассматриваются виды и формы социальных рисков в современном обществе, особенности возникновения и проявления социальных рисков, условия и факторы социальной безопасности личности и социума. Раскрывается содержание базовых принципов концепции социальной защиты, социальной безопасности личности и социума, делается акцент на том, что в социальном государстве социальные цели должны быть приоритетными.

Ключевые слова: социальное управление; социальный риск; социальная безопасность; социальное государство; безопасность личности; социальная защита; социальная поддержка

SOCIAL PROTECTION AS FACTOR OF SOCIAL SAFETY OF THE PERSONALITY

A. L. Skifskaya¹, K. N. Skifskaya²

¹Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

²Tyumen State University, Tyumen, Russia

Abstract. The article analyzes various approaches of the study of social risks, social security of a person and social protection of population. We consider the types and forms of social risks in modern society, especially the emergence and manifestation of social risks, the conditions and factors of social security of the individual and society. Also we reveal the content of the basic principles of the concept of social protection, social security of an individual and society. The emphasis is placed on the fact that in social state social goals should be prioritized.

Key words: social management; social risk; social safety; social state; safety of the personality; social protection; social support

Социальная безопасность, независимо от уровня исследования, является фактором основной социальной устойчивости современного общества, детерминирует целостность и устойчивость функционирования и развития социума в целом, обеспечение профилактики и защиты от угроз жизненно важных интересов человека и общества, прежде всего, в социальной сфере. Актуализация проблем социальной безопасности связана с увеличивающимся распространением в обществе социальных угроз, связанных с ухудшением уровня и качества жизни населения, отсутствием или низкой эффективностью механизмов социальной защиты и поддержки граждан, сокращением продолжительности жизни и увеличением смертности, увеличением безработицы, расширением наркомании и алкоголизма.

Термин «безопасность» трактуется учеными по-разному, но наиболее используемым является понимание безопасности как состояния защищенности всего, что является важным для человека, общества, государства и всей цивилизации в целом (идеалы, цели, интересы) от всевозможных угроз и опасностей, которые могут их уничтожить или подставить под сомнение [1]. Применительно к нашей теме важна именно социальная безопасность, как возможность реализации конституционных и неотъемлемых прав человека (право на жизнь, личную неприкосновенность, на труд, свобода слова и т. д.) за счет обеспечения иных, основополагающих в демократическом государстве прав и свобод (право собственности) и предоставления человеку реальной возможности выбора, которая реализуется через свободное развитие интеллектуальных, творческих способностей, политику охраны здоровья, способствование долголетию и благополучию каждого.

Изменение подходов и глобализация проблем социальной защиты личности как фактора безопасности и снижения социальных рисков позволили исследовать научно-технические и социальные стороны заявленной проблемы на базовой экономической основе; оценивать и регулировать объемы и масштабы инвестирований государственного и негосударственного секторов в сферу социальной защиты; определять назначение и необходимость функционирования технических, медико-социальных, государственных и общественных структур, имеющих отношение к сфере безопасности жизнедеятельности личности [2].

Группа рисков, возникающих в процессе жизнедеятельности человека, связанных со случайностями, опасностями, угрозами, по причине особенностей социально-политического и исторического развития получила название «социальные». Их сущность заключается в опасности отклонения каких-либо специфических черт социального положения субъектов общественных отношений от социальных норм и стандартов. Причин для появления и реализации социальных рисков множество, и все они разные, но итог один — ухудшение социального положения людей и их объединений. Особенностью данной категории рисков, выделяющей их из массы других, является то, что они возникают в обычной, обыденной жизни, а не в условиях чрезвычайных ситуаций.

Одним из средств обеспечения социальной безопасности личности, предупреждения социальных рисков выступает социальная защита населения. Дефиниция «социальная защита (поддержка)» более корректна, чем официально принятая сегодня «социальная помощь»; последняя ориентирована на поддержание уровня жизни, то есть выживание без развития, в то время как первая рассматривается как система, то есть в виде упорядоченной совокупности элементов, обеспечивающих членов общества определенным минимумом социальных благ, гарантирующих создание условий для развития личности, актуализации ее потенциала и потенциала само- и взаимопомощи. Социальная защита (поддержка) реализуется в экономической, политической, правовой, трудовой, потребительской, бытовой сферах, а также рассматривается в контексте защиты труда и занятости, личной безопасности и морально-психологической защиты [3].

Анализ опыта и систем социальной защиты населения европейских стран говорит о том, что, во-первых, модели реализации функций социальной политики и инструментов социальной защиты населения определяются социально-экономической системой, которая складывалась на протяжении всей истории существования того или иного государства, она обуславливает социальные цели, специфику ориентации государства на благополучие народа во всех сферах. Во-вторых, стоит сказать, что для таких стран характерны вторжение государства в социальную и экономическую жизнь общества, развитие неоднородной системы социально-экономического поведения общества. В-третьих, отметим

стремление к сохранению семейных доходов, а также прозрачность всей системы, связанной с обществом и экономической деятельностью государства. Данные положения должны быть внедрены Россией как можно скорее, при этом под внедрением мы понимаем не копирование, а адаптацию к российским реалиям и менталитету.

Комплексная модель имеет свои принципы, которые являются необходимыми для ее успешного внедрения и эффективной работы в России:

- обеспечение защиты семейных доходов и их индексация в будущем;
- разграничение предметов ведения и функций между Российской Федерацией, субъектами и муниципальными образованиями в сфере финансового обеспечения;
- развитие института общественно-социальной экспертизы законопроектов и проектов иных нормативных актов;
- содействие деятельности общественных организаций в сфере социальной защиты населения;
- совершенствование методов исчисления подоходного налога (со среднедушевых семейных доходов, а не с доходов конкретного лица);
- закрепление на уровне федерального закона социальных обязательств государства [4].

Для того чтобы социальная защита населения действовала эффективно, необходимо реализовать системный подход к теории социальной защиты населения, разработать меры по ее совершенствованию и развитию. Данную точку зрения поддерживают такие ученые, как Е. А. Морозова и А. Ю. Добрынина, которые пишут о необходимости разработки методологической, методической и организационной концепции развития данного понятия [5]. Под системным подходом принято понимать методологию исследования объектов как сложной системы и как элемента более сложной системы; сущностными характеристиками системного подхода являются объективность, конкретность, полнота охвата исследуемых явлений. Системный анализ означает рассмотрение социальной защиты как целостного объекта, с многообразием элементов и типов связей во внутренней и внешней среде. В качестве внешней среды выступает государственная социальная политика.

В современных реалиях остро стоит необходимость создания новой модели социальной политики государства. Все это обусловлено нерешенностью соответствующих вопросов, которые является крайне важными. Такие проблемы государства, как противоречивость законодательства в социальной сфере, отсутствие должной реализации правительственных программ и стратегий, также играют большую роль в вопросе осуществления социальной политики. На основе данной политики строятся принципы, методы, средства, институциональная структура социальной защиты населения. Исходными положениями данной концепции, по мнению ученых, следует считать следующие:

- упорядочивание законодательства социальной сферы и, как итог, создание единого «Социального кодекса Российской Федерации» как систематизированного акта федерального уровня, являющегося первоосновой социальной политики государства;
- придание социальной политике государственно-общественного характера для большей эффективности взаимодействия в решении острых проблем населения;
- придание финансированию социальной сферы смысл инвестирования в человеческий капитал, существующий на благо страны;
- разграничение полномочий и функций в сфере социальной политики как горизонтально (между ветвями власти), так и вертикально (между федеральной, региональной и муниципальной властью);

- введение федеральных социальных стандартов в области доходов;
- внедрение практики социального партнерства в сфере социально-трудовых отношений, совершенствование защиты прав населения в данной области;
- приведение в соответствие модели социальной политики сущности социального государства на данном этапе его существования (относительно России);
- создание института независимой социальной экспертизы;
- разработка стратегии расширения фронта занятости;
- формирование единого информационного пространства социальной сферы, развитие технологий защиты прав населения в такой области, привлечение людей к использованию современными технологиями для эффективной деятельности всех социальных институтов;
- совершенствование институциональной структуры;
- введение системы почасовой оплаты труда с закреплением законодательно минимума выплачиваемой за этот промежуток времени заработной платы.

Указанные подходы являются основой концепции социальной защиты (поддержки). Ученые подчеркивают, что в государстве, которое считает себя социальным, приоритетными задачами должны являться именно социальные. Стоит сказать, что повышение доходов является именно предпосылкой, причиной экономического роста и развития, а не результатом, потому что ужесточаются требования работодателя к рабочей силе, также за счет доходов формируется платежеспособный спрос, который становится стимулом к дальнейшему развитию. Если идти от обратного, то низкий уровень заработной платы ограничивает покупательную способность населения, тем самым замедляя воспроизводство рабочей силы, что отрицательно влияет на процесс производства, отталкивает людей от участия в нем. Значительная часть бедных в Российской Федерации — трудоспособные работающие мужчины и женщины в возрасте от 31 до 54–59 лет. По словам Т. Голиковой, в первом полугодии 2017 году за чертой бедности жил 21,1 млн россиян — 14,4 % от численности населения, согласно официальным данным, в России проживают 20 миллионов бедных¹.

Второй, но не менее важной предпосылкой данной концепции являются стремление к сглаживанию социального неравенства между людьми в плане доступа к различным благам, гарантия достойной пенсии, дополнительных выплат, а значит и сокращение количества людей, которым нужна социальная помощь ввиду их нестабильного социального положения. Все это может быть достигнуто за счет увеличения заработной платы.

Еще одним важным посылом концепции социальной защиты является индексация доходов. Данный механизм предполагает оценку потребительной корзины не только Правительством Российской Федерации и иными органами государственной власти, но и профессиональными организациями, экспертами, которые смогут дать беспристрастную и действительно объективную оценку социально-экономического состояния общества и составить соответствующие рекомендации и обязательные требования. Величина индексации зависит от динамики социально-экономических процессов, реальных темпов инфляции. Следует акцентировать внимание на том, что индексация — не только мера по поддержанию доходов, но и способ обеспечения стандартов качества.

¹Власти пересчитали бедных россиян. Их стало меньше, уверяет Голикова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://newdaynews.ru/economy/645735.html>.

Библиографический список

1. Ручин В. А. Социальная безопасность российского общества в контексте социальной политики государства // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2011. – Т. 4, № 2 (60). – С. 322–326.
 2. Кузнецов В. Я. Социология безопасности: учеб. пособие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.twirpx.com/file/153636/>.
 3. Мурзина В. В., Скифская А. Л. Некоторые аспекты развития системы пенсионного обеспечения в Российской Федерации // Вузовская наука: теоретико-методологические проблемы подготовки специалистов в области экономики, менеджмента и права: материалы междунар. науч. семинара. Вып. 14. – Тюмень: ТИУ, 2016. – С. 216–219.
 4. Кабеева Н. В., Толмачева С. В. О направлениях государственной политики по противодействию гендерной дискриминации в России // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2017. – № 3. – С. 45–48.
 5. Морозова Е. А., Добрынина А. Ю. Механизмы социальной защиты населения региона // Экономика региона. – 2012. – № 1 (29). – С. 235–241.
-

Сведения об авторах

Скифская Анна Леонидовна, к. социол. н., доцент, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, e-mail: skifskaya@yandex.ru

Скифская Ксения Николаевна, студент, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, e-mail: swify@yandex.ru

Information about the authors

Skifskaya A. L., Candidate of Sociology, Associate Professor, Industrial University of Tyumen, e-mail: skifskaya@yandex.ru

Skifskaya K. N., Student, Tyumen State University, e-mail: swify@yandex.ru

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ CULTURAL TRADITIONS AND INNOVATIONS

УДК 316.77

ТОЛЕРАНТНОСТЬ МОЛОДЕЖИ И ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

Г. Р. Асадуллина¹, Н. В. Коровкина¹, Э. В. Садретдинова¹,
Р. Б. Шайхисламов¹, Н. Г. Хайруллина²

¹Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия

²Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия

Аннотация. Рассматриваются некоторые результаты социологических исследований, проведенных авторами в 2015–2018 гг. в Республике Башкортостан. В работе анализируются результаты измерения толерантности молодежи. Также приведены результаты контент-анализа отдельных интернет-мессенджеров с целью выявления используемых манипулятивных технологий, влияющих на формирование у молодежи негативного отношения к представителям разных этнических групп.

Ключевые слова: : молодежь; толерантность; интолерантность; социальные коммуникации; интернет-коммуникации; медийность

YOUTH TOLERANCE AND INTERNET COMMUNICATION

G. R. Asadullina¹, N. V. Korovkina¹, E. V. Sadretdinova¹,
R. B. Shaykhislamov¹, N. G. Khairullina²

¹Bashkir State University, Ufa, Russia

²Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The article discusses some of the results of our sociological research conducted in 2015–2018 in the Republic of Bashkortostan. We analyze the results of measuring the tolerance of young people. The results of the content analysis of individual Internet messengers are also presented in order to identify the manipulative technologies used that influence the formation of negative attitudes among young people in different ethnic groups.

Key words: youth; tolerance; intolerance; social communications; Internet communication; media coverage

Введение

Толерантность (терпимость) как способ социокультурной коммуникации может проявляться в самых различных формах — безразличия, признания, снисходительности, уважения и т. д. В. А. Лекторский рассматривал четыре модели толерантности: безразличие; невозможность взаимопонимания; снисхождение; расширение собственного опыта и критический диалог. Толерантность при первом ее понимании выступает, по существу, как безразличие к существованию различных взглядов и практик, так как последние рассматриваются в качестве неважных перед лицом основных проблем, с которыми имеет

дело общество. Согласно пониманию толерантности как невозможности взаимопонимания религиозные, метафизические взгляды, специфические ценности той или иной культуры не являются чем-то второстепенным для деятельности человека и для развития общества. Толерантность в данном случае выступает как уважение к другому, которого я вместе с тем не могу понимать и с которым не могу взаимодействовать. В третьем случае толерантность выступает как снисхождение к слабости других, сочетающееся с некоторой долей презрения к ним. Толерантность как расширение собственного опыта выступает как уважение к чужой позиции. Уважение при этом сочетается с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога [1].

Проблема толерантности (в первую очередь межэтнической) в молодежной среде активно изучается отечественными социологами, психологами, педагогами, политологами [2–6]. Особо следует отметить становление ориентации исследований толерантности в сфере коммуникаций, в том числе в массовой коммуникации [7–9]. В работе мы анализируем уровень толерантности молодежи в особом по своему этноконфессиональному составу и в то же время во многом типическом в социально-экономическом плане регионе России — Республике Башкортостан.

Объект исследования — молодежь Республики Башкортостан. Предмет исследования — уровни и особенности общей, социальной, этнической толерантности, толерантности как черты личности в молодежной среде; интернет-коммуникации как фактор формирования толерантности/интолерантности на примере отдельных мессенджеров.

Цель исследования — определение состояния и ресурсов толерантности в молодежной среде; посредством демонстрируемого вербального отношения респондентов к некоторым лозунгам мы анализируем такие формы проявления толерантности/интолерантности, как безразличие, понимание без принятия, понимание и принятие, неприятие.

Задачи исследования — обоснование идеи о диалоге как универсальной технологии формирования толерантности, об изменении медийной культуры и трансформации активности молодежи в сети Интернет как условия формирования толерантности.

Методы исследования

Проведено интервьюирование в Республике Башкортостан в 2016 году по теме «Особенности формирования гражданской идентичности россиян в полиэтническом регионе (на примере Республики Башкортостан)». Опрошено 1 000 респондентов по систематической выборке. В интервью был использован экспресс-опросник «Индекс толерантности» Г. У. Солдатовой, О. А. Кравцовой, О. Е. Хухлаева, Л. А. Шайгеровой [10]. Три субшкалы опросника направлены на диагностику таких аспектов толерантности, как этническая толерантность, социальная толерантность, толерантность как черта личности.

Авторы опросника выделяют следующие уровни толерантности. Низкий уровень толерантности характеризуется наличием выраженных интолерантных установок по отношению к окружающему миру и людям. Средний уровень представляет собой сочетание толерантных и интолерантных черт в различных социальных ситуациях. Высокий уровень толерантности отличает людей с выраженными чертами толерантной личности.

Субшкала «этническая толерантность» выявляет отношение человека к представителям других этнических групп и установки в сфере межкультурного взаимодействия. Субшкала «социальная толерантность» позволяет исследовать толерантные и интолерантные проявления в отношении различных социальных групп (меньшинств, преступников, психически больных людей), а также изучать установки личности по отношению к некоторым социальным процессам. Субшкала «толерантность как черта личности» вклю-

чает пункты, диагностирующие личностные черты, установки и убеждения, которые в значительной степени определяют отношение человека к окружающему миру. Толерантность как черта личности характеризует отношение к другой личности, иной точке зрения, иному стилю поведения [10].

Кроме указанного опросника, в интервью содержались вопросы, нацеленные на отношение респондентов к лозунгам, в которых открыто или скрытно выражается нетерпимое отношение к людям по их этническому признаку. Отношение к этим лозунгам является своеобразным маркером толерантности/интолерантности респондентов.

Проведен контент-анализ интернет-мессенджеров «YouTube», «Живой Журнал», «Уфимский журнал», «Twitter», «Facebook» в 2018 году. Целью контент-анализа было определение направленности и характера информационных сообщений в качественных и массовых интернет-мессенджерах, их роль в освещении социальных проблем межэтнических отношений, а также в формировании толерантного/интолерантного отношения молодежи. В отобранных для контент-анализа мессенджерах было проанализировано 500 публикаций, отражающих указанную проблематику.

Результаты

Полученные нами значения в виде индексов толерантности представителей различных возрастных групп населения РБ представлены в таблице 1.

Таблица 1

Среднее значение индексов толерантности по возрасту

Возраст, лет	Индекс			
	Общая толерантность	Этническая толерантность	Социальная толерантность	Толерантность как черта личности
18–24	88,06	26,17	27,11	27,22
25–30	85,66	25,94	25,57	27,18
31–40	86,06	25,22	25,20	27,24
41–50	88,03	26,33	26,36	28,33
51 и старше	86,66	25,47	26,16	28,04
Всего	87,09	25,90	26,28	27,52

Примечание. Градация индексов определяется таким образом. Уровни общей толерантности: 22–60 — низкий; 61–99 — средний; 100–132 — высокий. Уровни этнической, социальной толерантности и толерантности как черты личности: 7–19 — низкий; 20–31 — средний; 31–44 — высокий.

Среднее значение индекса общей толерантности респондентов составляет 87 баллов, что позволяет дать оценку как средний уровень. А так как средний уровень общей толерантности измеряется в пределах 61–99 баллов, и если средний уровень разделить на три подуровня, можно сделать еще одно уточнение: индекс общей толерантности населения находится на границе между средне-средним и средне-высоким подуровнями. Обращает на себя внимание то, что отклонение от среднего значения по признаку возраста респондентов не превышает 1,5 пунктов. Следовательно, мы не можем говорить о том, что одно поколение более толерантное, а другое — менее толерантное. Молодежь характеризуется таким же уровнем общей толерантности, как и у старших поколений.

Что касается толерантности как черты личности, как компонента ее ценностных ориентаций, она также находится на границе между средне-средним и средне-высоким подуровнями. Несколько ниже находятся уровни этнической и социальной толерантно-

сти. Индексы этнической и социальной толерантности среди молодых респондентов почти не отличаются от аналогичных показателей среди представителей старших поколений.

Однако надо понимать, что средние значения индекса толерантности не показывают всю картину (как и «средняя температура по больнице»). К тому же то, что толерантность населения, в том числе молодежи, может быть охарактеризована как «средне-высокая», не означает, что в реальности все обязательно обстоит благополучно. Во-первых, средний уровень толерантности в статике представляет собой сочетание толерантных и интолерантных ориентаций и установок человека. Следовательно, необходимо знать и то, в чем проявляется интолерантность как отдельных индивидов, так и общества в целом. Во-вторых, средний уровень толерантности в динамике может быть менее устойчивым, нежели высокий или низкий уровни. В зависимости от конкретных социальных изменений интолерантные черты могут вытеснять толерантные черты в сознании, чувствах и поведении «среднетолерантного» человека.

На рисунке 1 демонстрируется распределение индекса общей, этнической и социальной толерантности и толерантности как черты личности. Распределение индекса от самых низких к наиболее высоким показателям (шкалы баллов расположены по горизонтали) не является плавным. Среди респондентов со средним индексом толерантности наблюдается скачкообразная динамика. Это свидетельствует о недостаточной устойчивости среднего уровня толерантности, о разнообразном сочетании толерантных и интолерантных черт.

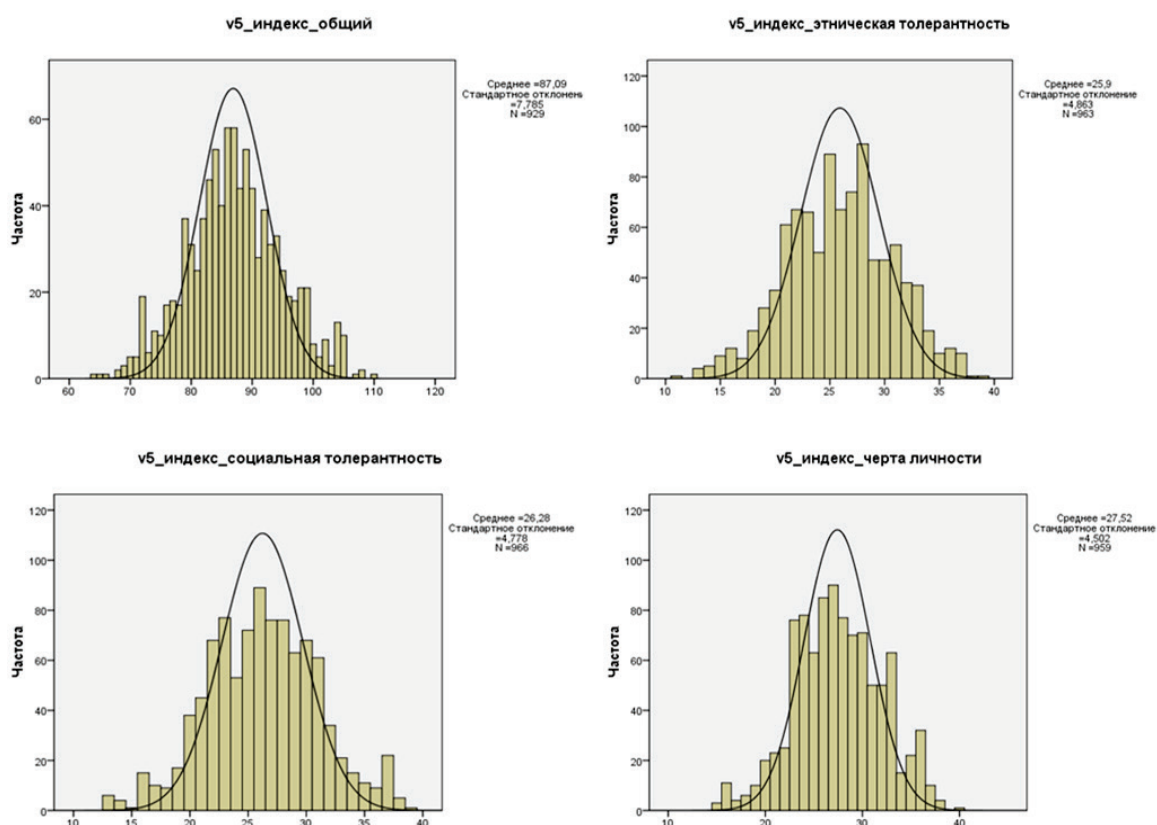

Рис. 1. Распределение индекса по уровням общей, этнической, социальной толерантности и толерантности как черты личности (по оси абсцисс — баллы, по оси ординат — %)

Рассмотрим картину толерантности населения в целом и молодежи (в нашем исследовании это поколение представлено людьми в возрасте от 18 до 30 лет) в частности. Начнем с показателей низкого уровня толерантности (или, что одно и то же, высокого уровня интолерантности). Как черта личности (установки, убеждения, определяющие отношение человека к окружающему миру) интолерантность присуща 3 % населения. Среди молодежи данный показатель составляет 3,4 % для 18–24-летних и 3,5 % для 25–30-летних. Таким образом, молодежь в целом не более и не менее интолерантна, чем старшие поколения. Поэтому говорить о том, что молодые люди по своей природе более нетерпимы, нет оснований. Обратим внимание на то, что доля интолерантных людей в отношении разных этнических и социальных групп (как правило, меньшинств), заметно больше, чем тех, кто по своим базовым, личностным качествам является интолерантным. Так, интолерантными к тем или иным этническим группам являются почти 26 % респондентов. При этом среди молодых людей в возрасте 25–30 лет этот показатель еще выше — 31 %.

Оценка уровня этнической толерантности во взаимосвязи с полом свидетельствует, что мужчины несколько чаще (29,3 %) показывают низкий уровень этнической толерантности, чем женщины (22,6 %), демонстрируя этноцентристские установки. Возможно, это связано с тем, что в условиях, когда этничность продолжает оставаться социальным и властным ресурсом, именно в сознании мужского населения актуализированы проблемы социальной справедливости/несправедливости, а ведущим критерием для поиска виновного становится «инаковость».

Определенные различия в уровне толерантных установок наблюдаются также в зависимости от типа поселения. Так, низкий уровень толерантных установок в большей степени отличает жителей крупного города (28,8 %) по сравнению с населением средних городов (25,1 %) и сел (23,8 %). Это обстоятельство, вероятно, объясняется большей этнической гомогенностью сельских поселений и средних городов и лучшим сохранением национальных традиций как оснований идентификации. Кроме того, коммуникативное пространство крупного города сегодня являет пример этнонеинтегрированной среды (здесь больше мигрантов, социокультурные отличия которых от местного населения более выражены, активнее проявляется конфликтный характер коммуникаций).

Доля тех, кто проявляет нетерпимость к различным социальным группам (нищим и бродягам, психически больным людям, беженцам, инакомыслящим, представителям нетрадиционных религий и т. п.), примерно такая же (24 %). Та же картина и в молодежной среде: среди респондентов 18–24 лет социально интолерантных несколько меньше, а среди респондентов в возрасте от 25 до 30 лет — несколько больше, чем в целом среди населения.

Высокий уровень личной толерантности демонстрируют 12 % населения. В этом отношении молодые люди от 18 до 30 лет отличаются даже более высокими показателями, 19,4 % — у 18–24-летних и 15,3 % у 25–30-летних соответственно. Однако по параметрам «этническая толерантность» и «социальная толерантность» доля лиц с высоким уровнем толерантности заметно уменьшается (1,2 и 2,9 % соответственно). Не стала исключением и молодежь: их доли не превышают 5 % от общего числа респондентов соответствующих возрастных групп (рис. 2).

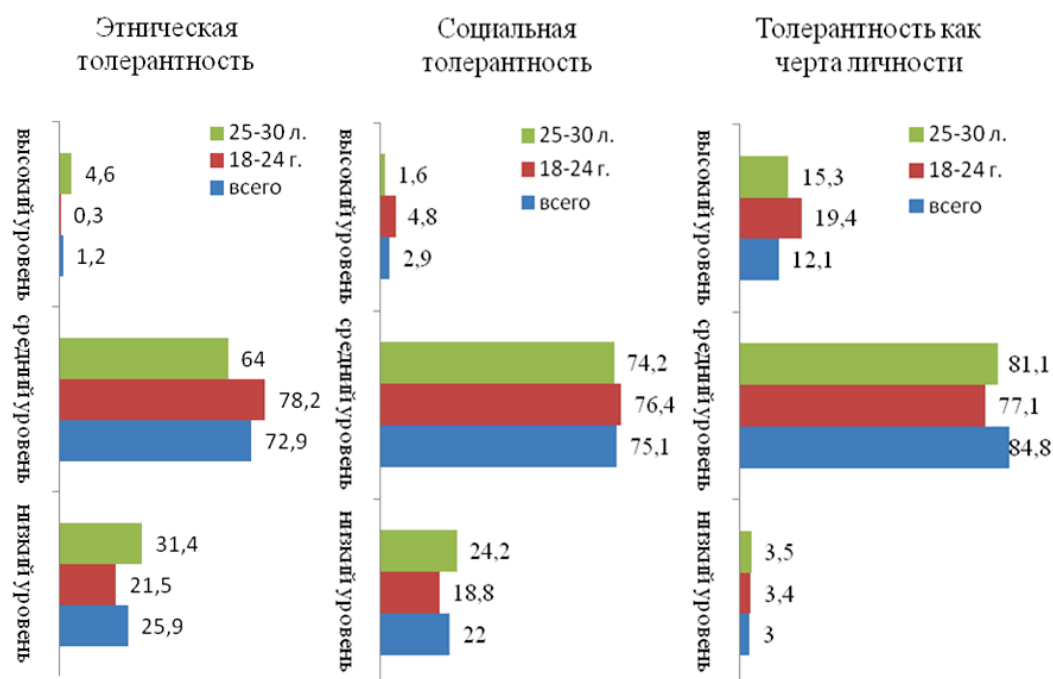

Рис. 2. Уровни толерантности молодежи, %

Рассмотрим уровень интолерантности на примере двух наиболее известных лозунгов, декларирувавшихся в недавнем прошлом отдельными маргинальными политическими силами — «Россия — для русских!» и «Закрывать границы от мигрантов!». Эти лозунги имплицитно направлены против мигрантов как из стран Средней Азии и Закавказья, так и из Северного Кавказа. В то же время первый лозунг может содержать антисемитскую интенцию. Мы рассматриваем отношение респондентов как маркер их социальной и этнической толерантности.

Отношение респондентов к лозунгу «Россия — для русских!» распределилось следующим образом. Каждый десятый респондент не только с пониманием относится к этому лозунгу, но и поддерживает его. Отметим при этом, что среди русских, башкир, татар и людей других национальностей принимающих (понимание и поддержка) такой лозунг примерно одинаковое количество (от 9,8 до 11,4%). Такая же картина по возрастным группам, в том числе среди молодежи. Почти каждый пятый (18,3%) респондент относится к этому лозунгу с пониманием, но воздерживается от его поддержки. При этом доля респондентов русской национальности, воздерживающихся от поддержки лозунга при понимающем отношении к нему, составляет 30%; среди респондентов других национальностей таковых — от 10 до 14%. Среди молодых людей в возрасте 18–24 года, относящихся с пониманием и в то же время воздерживающихся от поддержки лозунга, несколько больше — 23%.

Безразлично относящихся к лозунгу почти столько же (9%), сколько и относящихся с пониманием и поддерживающих лозунг. Среди молодежи безразличных к этому лозунгу чуть больше (11%). Собственное безразличие может восприниматься отдельными людьми как толерантное отношение к тому или иному явлению. Однако в кризисных, критических ситуациях оно может трансформироваться в сознании и поведении людей как в активную толерантность, так и пассивную или активную интолерантность.

Более половины респондентов (55 %) не поддерживают лозунг. Половина молодых респондентов также не поддерживает этот лозунг. Среди респондентов нерусской национальности их доля составляет от 58 до 62 %. Однако в условиях резкой социально-политической дестабилизации такой «запас» прочности толерантности может оказаться недостаточным.

Лозунг «Закрывать границы от мигрантов!» встречает понимание и поддержку у 20 % респондентов, в том числе у 11 % в возрасте от 18 до 24 лет и 22 % в возрасте от 25 до 30 лет. Почти столько же тех, кто, с пониманием относясь к этому требованию, тем не менее воздерживаются от его поддержки. Безразлично относящихся к этому требованию больше среди молодых респондентов в возрасте от 18 до 24 лет. Обращает на себя внимание то, что менее трети респондентов (29 %) не поддерживает это требование (в возрасте 18–24 года — 37 %, в возрасте 25–30 лет — 31 %). Это недостаточно высокий порог для формирования толерантности к мигрантам.

Для проверки данного предположения в ходе исследования респондентам было предложено оценить возможные направления миграционной политики. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2

***Отношение постоянно проживающего населения
к различным направлениям миграционной политики, в %***

Направление миграционной политики	Да	Нет
Запретить въезд мигрантов	32,3	60,5
Разрешить въезд только представителей народов, проживающих в Республике Башкортостан	41,3	50,8
Разрешить въезд тем, кто владеет русским языком	45,0	45,5
Разрешить въезд тем, кто разделяет наши правила и традиции	60,3	32,0
Разрешить въезд всем трудоспособным	31,9	55,7

Вместе с тем, осознавая объективный характер миграционных процессов и невозможность действовать исключительно запретительными средствами, местное население в значительной степени готово переложить все проблемы адаптации и социокультурной интеграции на плечи самих мигрантов, исходя из принципа «в чужой монастырь со своим уставом не ходят» (58,6 % — жители крупного города, 56,6 % — жители среднего города, 56,1 % — жители села). Это, на наш взгляд, свидетельствует о доминировании позиции «не могу понять и не хочу принимать». Лишь около 8 % местных жителей выражают готовность изменять свою позицию, свои представления и поведение в процессе взаимодействия с мигрантами.

Толерантное или интолерантное отношение к «другим», маркируемым по этническим, расовым, религиозным и иным социальным признакам, формируется не только в процессе живого, непосредственного социального контакта. Социальные представления о «других» сегодня активно формируются коммуникациями в Интернете. Именно интернет-коммуникации получили наиболее широкое распространение среди молодежи, и масштабы их роста впечатляют. Так, по результатам опроса ВЦИОМ, около половины молодых людей от 18 до 24 лет в качестве основного источника новостей назвали Интер-

нет, среди молодежи 25–34 лет этот показатель составил 37 %¹. В 2016 году эти цифры уже равнялись 62 и 47 %². При этом степень доверия к интернет-источникам информации выше, чем к традиционным медиа, что обуславливает достаточно низкий порог критичности молодых людей в процессе восприятия этой информации.

Причины подобного отношения к такой информации среди молодежи кроются, прежде всего, в том, что интернет-коммуникации осуществляются только при условии наличия желания участников, самостоятельно определяющих структуру собственных запросов и временные рамки. К интернет-сообщениям можно обращаться повторно в течение длительного времени, делая «закладки», репосты, комментарии. Низкий порог критичности к информации в глобальной сети обусловлен также неоднородностью интернет-контента, образованного большим количеством сервисов для осуществления разнообразных видов деятельности. Значимую роль играет также неограниченная доступность контактов — в зависимости от типа и формы интеракций индивид может вступать одновременно в коммуникацию с большим количеством субъектов, что обеспечивает своеобразное «горизонтальное равенство» участников коммуникативного процесса, в том числе анонимного, создавая дополнительные возможности для самопрезентации. Таким образом, интернет-медиа, используя консультационную и диалоговую модели движения информации, воспринимаются позитивно в сравнении с традиционными медиа, опирающимися на модель вещания с декларативно-директивными коммуникативными механизмами и ограниченными возможностями обратной связи.

Вместе с тем активное применение технологий таргетинга в сочетании с эффектом информационного дефицита обеспечивает возможности для манипуляции, в том числе вторичной, оказывая влияние на процессы личностной и социальной идентификации. Рассмотрим некоторые результаты проведенного нами контент-анализа интернет-мессенджеров YouTube, «Живой Журнал», «Уфимский журнал», Twitter, Facebook. Удельный вес каждого мессенджера в общем количестве публикаций за изучаемый период времени составил: «Живой Журнал» — 66,8 %, YouTube — 11,9 %, Facebook — 9,7 %, «Уфимский журнал» — 7,7 %, Twitter — 3,9 % [13].

Рассмотрим на основе нашего контент-анализа некоторые манипулятивные приемы в интернет-мессенджерах.

«Эмоциональная карусель» (обрушение лавины эмоций, не давая возможности разобраться, что именно испытывает коммуникатор и каким образом на это реагировать) проявляется как демонстрация фактов нетерпимости, иногда с применением ненормативной лексики (Twitter, Facebook), факты оскорбления и угроз, «вбросов» (троллинг) (в 80 % случаев на YouTube). Акцентируется дискурс различия в отношении различных социальных групп и общностей.

Отождествление чувств с фактами (мнение подается как свершившийся факт) проявляется наиболее часто в публикациях в Twitter и Facebook, где значительное число сообщений посвящено описанию случаев бытового национализма, а в комментариях активно используются «сияющие обобщения».

Приемы повторения и дробления информации (дробление информации и ее представление через определенные интервалы) характеризуют «Уфимский журнал», в кото-

¹Онлайн и офлайн: откуда получают информацию россияне [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114345>.

²Медиапотребление сегодня: пять основных фактов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116026>.

ром более половины публикаций (54,2 %) посвящены обсуждению межнациональных отношений в Республике Башкортостан.

Впечатление значимости обсуждаемой проблематики, профессионализма и компетентности участников коммуникативного процесса достигается за счет использования научных и наукообразных терминов и выражений. Показательны в этом отношении практики «Живого Журнала», лидирующего среди интернет-мессенджеров с точки зрения обсуждения проблематики межнациональных отношений. В содержании публикаций наибольшее место занимают анализ истории возникновения и этапов развития таких феноменов социокультурного взаимодействия, как фашизм, геноцид, толерантность, идентичность; характеристика теоретических аспектов национальной и религиозной политики; осмысление роли социальных институтов в регулировании межэтнических коммуникаций, миграция как фактор розни и вражды, а также анализ законопроектов в сфере регулирования межэтнических отношений. При этом и авторами, и комментаторами активно используются научные термины.

Обсуждение

О чем говорят результаты измерения уровней толерантности по экспресс-опроснику, включенному в структуру интервью? Уже было отмечено, индексы толерантности, приближающиеся к верхней границе, могут свидетельствовать о размывании у человека границ толерантности, связанном, к примеру, с психологическим инфантилизмом, тенденциями к попустительству, снисходительности или безразличию. Однако, как показывает рисунок 1, респондентов с предельно высокими показателями толерантности не оказалось. Поэтому мы можем говорить о действительно высоком уровне толерантности части населения.

Другой вопрос — чем объяснить существенное расхождение между данными о низком и высоком уровне толерантности как черты личности и аналогичными данными, диагностирующими этническую и социальную толерантность? Толерантность как черта личности характеризует отношение человека к его непосредственному социальному окружению, его ориентации в мире межличностных отношений. Непосредственный социальный мир является достаточно устойчивым. Этническая и социальная толерантность связана с социальной ситуацией, с масштабными социальными явлениями, как миграция, межконфессиональные и межэтнические отношения, социальная дифференциация общества, маргинализацией и люмпенизацией отдельных социальных групп. Если в процессе восприятия людей в непосредственном и постоянном социальном окружении ключевую роль играют механизмы идентификации, рефлексии и эмпатии, то в восприятии опосредованно взаимодействующих социальных групп более важную роль играет стереотипизация.

Надо отметить, что средние значения индекса толерантности не показывают всю реальную картину (как и «средняя температура по больнице»). К тому же то, что толерантность населения, в том числе молодежи, может быть охарактеризована как «средне-высокая», не значит, что в реальности все обязательно обстоит благополучно. Во-первых, средний уровень толерантности, как отмечалось, в статике представляет собой сочетание толерантных и интолерантных ориентаций и установок человека. Следовательно, необходимо знать и то, в чем проявляется интолерантность как отдельных индивидов, так и общества в целом. Во-вторых, средний уровень толерантности в динамике может быть менее устойчивым, нежели высокий или низкий уровни. В зависимости от конкретных

социальных изменений интолерантные черты могут вытеснять толерантные черты в сознании, чувствах и поведении «среднетолерантного» человека.

Этническая и социальная толерантность более лабильна, подвижна, зависима от социальной ситуации. В стабильной социальной ситуации, в условиях устойчивой ценностно-нормативной системы социальная и этническая толерантность является стабильной. Но в условиях резкой или существенной социальной дестабилизации, роста социальной аномии социальная и этническая толерантность быстро превращается в свою противоположность. Свидетельством тому являются вспышки этнической нетерпимости и насилия в СССР в конце 80-х годов и в постсоветском пространстве в 90-е годы прошлого века.

Поэтому то, что подавляющее большинство населения, в том числе молодое поколение, характеризуются средним уровнем толерантности, не должно рассматриваться как причина для спокойствия. Это касается прежде всего молодежной политики, поскольку именно молодежь более подвержена более резким изменениям своего поведения в условиях социальной нестабильности. Кроме того, культивирование интолерантности в молодежной среде может происходить определенными политическими и общественными силами в периоды политической активности, в частности в период выборов.

Реакцию на различные лозунги, выдвигавшиеся в недалеком прошлом (но вполне возможно, они будут возрождены в периоды политической активизации) некоторыми политиками и организациями, обращенные на усиление этнической и конфессиональной нетерпимости в обществе, мы рассматривали в качестве маркера нетерпимости. Почему именно лозунги могут быть маркером толерантности? Лозунги обращены не столько к разуму, сколько к чувствам людей, поэтому не всегда могут быть критически осмыслены, но могут стать детонатором определенных действий нетерпимости. Они работают на стереотипы, укоренившиеся в сфере бессознательного, и оказываются действенными в массовых взаимодействиях — в толпе, на митинге и т. д. Отношение к лозунгам измерялось по двум параметрам — понимание сути лозунга и поддержка этого лозунга.

Надо заметить, что Республика Башкортостан не испытывает столь интенсивного миграционного притока, как Москва, Санкт-Петербург, отдельные города и поселки страны. Мигранты не представляют собой какую-либо конкуренцию и на рынке труда, поскольку занимают те рабочие места, которые, с точки зрения местного населения, являются непривлекательными. Тем не менее 23 % респондентов полностью согласны, а 44 % респондентов склонны согласиться с мнением о том, что миграция ведет к росту безработицы. Полностью согласны с этим мнением 20 % молодых респондентов в целом, склонны согласиться 38 % в возрасте от 18 до 24 лет и 58 % в возрасте от 25 до 30 лет. Опасения относительно вытеснения мигрантами местных жителей на рынке труда обусловлены не столь объективными обстоятельствами, сколько общими проблемами трудоустройства и занятости, с которыми сталкиваются представители разных поколений, в первую очередь молодые люди и люди предпенсионного возраста. Часть населения хочет изолировать страну от мигрантов по социокультурным основаниям — различиям в образе жизни и стиле поведения.

Выводы

Сегодня одна из самых обсуждаемых тем в научных кругах и практических работников в области психологии, педагогики, социологии, политологии, журналистики — это молодежь в Интернете. Анализ этих обсуждений показывает явное превалирование предположений о том, что молодежь надо изолировать от Интернета и вернуть в реальный

мир. Но мир Интернета — сегодня такая же реальность, что мир и вне Интернета. Виртуальный мир конструировался людьми задолго до появления Интернета, и этот мир является неотъемлемой частью каждого человека и каждой культуры. Сегодня научный дискурс должен измениться — не как противостоять Интернету, а как изменить Интернет и как его использовать в целях формирования здорового молодого поколения. Социальные технологии противодействия деструктивному влиянию интернет-коммуникаций должны сочетаться с социальными технологиями содействия позитивным действиям и взаимодействиям в этих коммуникационных сетях. Социальные технологии в данном контексте призваны быть средством позитивной, творческой адаптации молодежи к непрерывным изменениям информационной среды.

Для большинства молодых людей Интернет представляет собой громадный ресурс развлечений. Каким образом побуждать молодых людей эффективно использовать образовательные, научные, профессиональные ресурсы Интернета — вопрос во многом открытый. Эту проблему сформулируем таким образом: интернет-ресурсы как новые возможности накопления человеческого, социального и культурного капитала молодого поколения.

Если социальные технологии работы с молодежью будут меняться в режиме запаздывающего реагирования на новые реалии, мы всегда будем в проигрыше. Поэтому необходимо определение параметров и направлений адекватного ответа на новые вызовы и по возможности опережающее развитие социальных технологий работы с молодежью, особенно в сфере интернет-коммуникаций.

Особой, представляющей наиболее важной проблемой представляется отсутствие глубоких знаний о том, какова должна быть медийная культура современной молодежи и каковы эффективные механизмы ее формирования. Слабая медийная культура не только обусловлена информационным хаосом, но и продолжает его поддерживать как в головах людей, так и в социальных коммуникациях. Никакие внешние ограничители не помогут от дезинформации, манипуляций, экстремистских атак без способности человека к селективному отбору информации, к определению норм и ценностей поведения в Интернете.

Статья подготовлена при финансовой помощи Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) по проекту № 17-03-00863/18-ОГОН «Социальные технологии работы с молодежью в сфере межэтнических и межконфессиональных интернет-коммуникаций».

Библиографический список

1. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. — 1997. — № 11. — С. 43–54.
2. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. — М.: Институт социологии РАН, 2010. — 593 с.
3. Социология межэтнической толерантности / Л. М. Дробижева [и др.]. — М.: Институт социологии РАН, 2003. — 223 с.
4. A Study of Ethnic, Religious and social-political Relations in provincial Town / N. G. Khairullina [et al.] // European Journal of Science and Theology. — 2016. — Т. 12, № 4. — С. 97–110.
5. Specifics of ethnic Tolerance in small social groups / N. S. Gadzhigasanova [et al.] // Global Media Journal. — 2016. — № S3. — С. 18–28.
6. Хайруллина Н. Г., Носков Н. Н. Социальные предпосылки развития толерантного сознания молодежи // Фундаментальные исследования. — 2015. — № 11–2. — С. 422–425.

7. Малькова В. К., Тишков В. А. Этничность и толерантность в средствах массовой информации. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. – 348 с.
 8. Стернин И. А., Шилихина К. М. Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – 136 с.
 9. Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об интернете / Г. В. Солдатова [и др.]. – М.: Фонд Развития Интернет, 2011. – 176 с.
 10. Практикум по психодиагностике и исследованию толерантности личности / Под ред. Г. У. Солдатовой, Л. А. Шайгеровой и др. – М.: Центр СМИ МГУ им. М. В. Ломоносова, 2003. – 112 с.
 11. Шайхисламов Р. Б., Садретдинова Э. В., Коровкина Н. В. Роль традиционных и нетрадиционных средств массовой коммуникации в регулировании межэтнических и межконфессиональных отношений в молодежной среде // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2017. – № 6 (29).
-

Сведения об авторах

Асадуллина Гузелия Рауфовна,
к. филос. н., доцент кафедры социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет, г. Уфа, e-mail: asadullina-guzeliya@yandex.ru

Коровкина Наталья Владимировна,
старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет, г. Уфа, e-mail: korovkina-natalya@list.ru

Садретдинова Эвеллина Винеровна,
к. социол. н., доцент кафедры социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет, г. Уфа, e-mail: golichev@mail.ru

Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович,
д. социол. н., профессор, заведующий кафедрой социологии и работы с молодежью, Башкирский государственный университет, г. Уфа, e-mail: shairb@rambler.ru

Хайруллина Нурсафа Гафуровна,
д. социол. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, e-mail: nursafa@inbox.ru

Information about the authors

Asadullina G. R., Candidate of Philosophy, Associate Professor at the Department of Theory and History of Sociology, Bashkir State University, Ufa, e-mail: asadullina-guzeliya@yandex.ru

Korovkina N. V., Senior Lecturer at the Department of Theory and History of Sociology, Bashkir State University, Ufa, e-mail: korovkina-natalya@list.ru

Sadretdinova E. V., Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Theory and History of Sociology, Bashkir State University, Ufa, e-mail: golichev@mail.ru

Shaikhislamov R. B., Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Theory and History of Sociology, Bashkir State University, Ufa, e-mail: shairb@rambler.ru

Khairullina N. G., Doctor of Sociology, Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, e-mail: nursafa@inbox.ru

УДК 316

КАЛМЫЦКАЯ И ЗАПАДНО-МОНГОЛЬСКАЯ МОЛОДЕЖЬ: ВЫБОР ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Н. А. Каманджаев¹, Л. В. Намруева²

¹*Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, Россия*

²*Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста, Россия*

Аннотация. Статья посвящена сравнительному сопоставлению этнической идентичности калмыцкой и западно-монгольской молодежи. Выявленные противоречия иллюстрируют то, как в двух относительно гомогенных по этническому происхождению, однако живущих почти четыре столетия вдалеке друг от друга группах произошли необратимые изменения этнической самоидентификации этнофоров.

Ключевые слова: калмыки; западные монголы; ойраты; этнос; этническая идентичность

KALMYK AND WEST MONGOLIAN YOUTH: THE CHOICE OF ETHNIC IDENTITY

N. A. Kamandzhaev¹, L. V. Namrueva²

¹*Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, Russia*

²*Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, Russia*

Abstract. The article is devoted to a comparative comparison of the ethnic identity of Kalmyk and West Mongolian youth. Revealed contradictions illustrate how in two relatively homogeneous ethnic groups, but living almost four centuries apart from each other, there were irreversible changes in the ethnic identity of ethnophors.

Key words: Kalmyks; Western Mongolians; Oirats; ethnos; ethnic identity

Введение

Вплоть до настоящего времени исследователи из монголоязычных регионов не обращались к сравнительному анализу этнической самоидентификации ойратоязычных этнических групп России, Монголии, Китая. При этом имеется весьма объемная и содержательная литература, касающаяся отдельно калмыков [1–5] и отдельно ойратоязычного населения Монголии [6, 7]. Данное исследование следует считать пилотным в рамках сравнительного этносоциологического изучения потомков средневековых ойратов.

Вследствие того, что формулировки «ойратоязычное население Монголии» и «ойратоязычные народности Монголии» являются несколько громоздкими, а также в связи с некоторыми трудностями окончательной классификации современного ойратоязычного населения России, Монголии и Китая наравне с вышеуказанными формулировками будем использовать формулировку «западные монголы», предложенную В. И. Терентьевым в отношении дербетов, захчинов, мингатов, олётов, торгутов, хошутов, хотонов и алтайских урянхайцев, проживающих в Монголии [8].

Представители указанных западных монголов наряду с калмыками являются объектом данного исследования. Предметом же является их этническая самоидентификация.

Характеристика объекта исследования

Предки западных монголов и калмыков некогда составляли так называемый Дурбэн-ойратский союз (союз четырех ойратов), представлявший собой, по мнению В. П. Санчирова, «союз (конфедерацию) западномонгольских кочевых этнополитических объединений...» [9]. Ойратские улусы посредством перманентных кочевых миграций к концу XVIII в. составили четыре большие группы, проживающие сегодня на территории 3 стран: в России (калмыки), Монголии (западные монголы) и Китае (синцзянские ойраты и цинхайские дээд-монголы).

На сегодняшний день общая численность западно-монгольских народностей по результатам переписи населения Монголии 2010 г. равна 236 067 чел. При этом данных по численности их представителей в г. Улан-Баторе не обнаружено.

В таблице 1 представлены данные по численности каждой западно-монгольской народности в отдельности ¹.

Таблица 1

Распределение западно-монгольских народностей по их численности на 2010 год

Народность	Численность (чел.)
Дербеты	72 403
Баиты	56 573
Захчины	32 845
Урянхайцы	26 654
Олёты	15 520
Торгуты	14 176
Хотоны	11 304
Мингаты	6 592
Всего	236 067

Численность калмыков, по данным Всероссийской переписи населения 2010 г., равна 183 372 чел. Из них 162 740 человек на период переписи проживали в Республике Калмыкии ².

Цель исследования

Цель данного исследования заключается в анализе и сравнении факторов и компонентов этнической самоидентификации калмыцкой и западно-монгольской молодежи на материале проведенного исследования. Задачи также направлены на выявление оценки степени владения родным языком и анализ отношения молодых людей к вопросу о существовании «единого ойратского народа».

¹Хүн ам, орон сууцны 2010 оны улсын тооллогын үр дүн (Результаты переписи жилья и населения 2010 года) [Электронный ресурс] / Монгол Улсын Үндэсний Статистикийн Хороо (Национальный статистический комитет Монголии). – Режим доступа: [http://www.tuv.nso.mn/uploads/users/4/files/XАОСТ % 20uls.pdf](http://www.tuv.nso.mn/uploads/users/4/files/XАОСТ%20uls.pdf) (дата обращения: 27.09.2018).

²Владение языками населением наиболее многочисленных национальностей по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-07.pdf (дата обращения: 27.09.2018).

Материалы и методы

Был проведен анкетный опрос с октября 2017 по февраль 2018 гг. Анкетирование преимущественно проходило в студенческих группах. Первоначальный текст анкеты был составлен на русском языке. Для удобства работы с западно-монгольскими респондентами он был переведен на монгольский язык профессором Монгольского государственного университета Н. Нансалмаа.

Всего было опрошено 365 человек. Анкетирование 100 западно-монгольских респондентов (табл. 2) было проведено в Улан-Баторе с октября по декабрь 2017 г., во время языковой стажировки Н. А. Каманджаева в Монгольском государственном университете. Выборочная совокупность представлена студентами таких высших учебных заведений, как Монгольский государственный университет (33 человека), Монгольский государственный университет образования (58), Монгольский государственный университет науки и технологии (6). Два респондента — студенты других университетов Улан-Батора, а один респондент студентом не являлся. Малая величина выборки западно-монгольских респондентов объясняется как пилотным характером исследования, так и сложностями в поиске респондентов в Улан-Баторе, не являющемся основной территорией расселения западных монголов.

Таблица 2

Распределение результатов субэтнической самоидентификации

Народность	Количество человек
Баиты	33
Дербеты	31
Захчины	17
Торгуты	7
Алтайские урянхайцы	6
Олёты	3
Мингаты	2
Хотоны	1
Всего	100

Анкетирование калмыцких студентов было проведено в г. Элисте с декабря 2017 по февраль 2018 гг. на базе Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова. Было опрошено 265 человек.

Средний возраст западно-монгольских респондентов составил 19,6 лет. В свою очередь, этот же показатель у респондентов-калмыков равнялся 19,3 годам.

Гендерная характеристика калмыцкой (56 % девушек и 44 % юношей) и западно-монгольской (66 % девушек и 34 % юношей) выборочной совокупности различается. В обоих случаях в количественном отношении преобладают девушки.

Все монгольские опрошенные указали, что являются представителями ойратоязычных групп Монголии.

В исследуемых группах различается доля лиц — потомков смешанных браков. Так, для западно-монгольских респондентов это явление нехарактерно: четверо имеют смешанное западно-монгольское происхождение, у одного респондента мать — казашка.

В свою очередь, доля потомков смешанных браков среди калмыцких респондентов равна 11,4 %. 30 респондентов указали на то, что один из их родителей имеет некалмыцкие корни. Более половины из них приходится на потомков смешанных русско-калмыцких и казахо-калмыцких браков (12 и 5 человек соответственно).

Актуальность исследования

Актуальность данного исследования заключается в необходимости изучения процессов, протекающих в современном калмыцком социуме, в котором отдельные интеллектуалы начали пропагандировать ойратскую идентичность среди калмыков. На это обращает внимание Э. П. Бакаева в своей статье «Ойраты и калмыки. Ойрат-калмыки? (к вопросу о самоидентификации и самоназвании этноса)». «Ойратская» составляющая сегодня является частью повседневной жизни калмыков в виде различных названий, одним из примеров которых является самый большой спортивный комплекс Калмыкии «Ойрат-арена» [10].

Аналогичные процессы происходят и среди западных монголов. Так, В. И. Терентьев в своей статье «Современные трансформации этнического самосознания западных монголов» подмечает актуализацию ойратской составляющей в этнической самоидентификации элит западных монголов [11]. В связи с этим необходимо проведение сравнительных исследований проблем истории, этнографии и языкознания ойратоязычных этнических групп России, Китая и Монголии. О значимости подобных научных изысканий высказывается монгольский исследователь На. Сухбаатар [12].

Таким образом, весьма интересным представляется, насколько глубоко в широких слоях западных монголов и калмыков смогла укорениться транслируемая определенными кругами ойратская идентичность.

Результаты исследования

В западно-монгольской анкете на закрытый вопрос «Владеете ли Вы языком своей народности (ястан)? Если да, то в какой степени?» было предложено три варианта ответов: 1) да, владею в совершенстве; 2) да, однако владею только на бытовом уровне; 3) нет.

Полученные результаты характеризуют разнообразие языковой компетенции монгольских респондентов. Так, 16 % респондентов владеют языком своей народности в совершенстве; 72 % владеют им на бытовом уровне; 12 % не знают языка своей народности. Как видим, владеющих языком своего субэтноса — подавляющее большинство (88 %).

Обратную картину наблюдаем в среде калмыцкой молодежи. Этот же вопрос позволил определить уровень владения калмыцким языком. Его характеризуют незнание калмыцкого языка более трети опрошенных (38,4 %), бытовой уровень знания калмыцкого языка у большей части опрошенных (59,7 %), 1,9 % опрошенных калмыков владеют в совершенстве языком этнического происхождения. Сравнение полученных результатов позволяет констатировать, что языковая компетенция западно-монгольских респондентов находится на более высоком уровне, нежели у калмыцких респондентов.

Закрытый вопрос «Что для Вас выступает самым главным фактором при соотношении себя с вашей этнической группой?» определял основные этноинтеграторы. Респондентам было предложено семь вариантов ответа: 1) национальность отца или матери; 2) владение языком этнической группы; 3) следование традициям, обычаям этнической группы; 4) общее историческое прошлое; 5) религия; 6) национальное самосознание; 7) внешний облик. При этом респонденты выбирали только один наиважнейший, по их мнению, фактор (табл. 3).

Исходя из полученных данных, следует, что национальность отца или матери является главным фактором этнической самоидентификации как для западных монголов, так и для калмыков. Однако если среди первых этот фактор выбрали большинство респондентов (65 %), то среди вторых он не был удостоен такого высокого внимания (30,3 %).

Вторым по популярности фактором как среди калмыцких, так и среди западно-монгольских респондентов стало следование традициям и обычаям. В данном случае результаты различаются незначительно: 21 % у западных монголов и 26,1 % у калмыков.

Видим, что ответы двух анализируемых групп расходятся (см. табл. 3).

Таблица 3

Распределение основных факторов этнической идентичности, %

Фактор этнической идентичности	Западные монголы	Калмыки
Национальность отца или матери	65	30,3
Владение родным языком	7	3,1
Следование традициям, обычаям	21	26,1
Общее историческое прошлое	2	7,3
Религия	0	9,2
Национальное самосознание	5	18,4
Внешний облик	0	5,6

Наибольшую разницу можно заметить по такому фактору, как «национальное самосознание». В первую очередь это обусловлено тем, что калмыки, изначально представлявшие собой конгломерат разных по численности основных этнических групп Среднеойратского союза (по мнению В. П. Санчирова, прекратил свое существование в 1637 г. [9]), за четырехвековое пребывание в составе России оформились как единый народ с утвердившимся национальным самосознанием [13]. Длительное взаимодействие калмыков с представителями славянских, кавказских, среднеазиатских народов позволило им сохранить свою этническую идентичность благодаря устоявшемуся национальному самосознанию. Следует отметить то, что калмыцкие респонденты в качестве этноинтегратора отмечают религиозный фактор чаще, чем их монгольские ровесники. На наш взгляд, это можно объяснить так. Если монгольские респонденты живут в стране, где преобладает буддизм, то в России буддисты составляют меньшинство. Кроме того, Калмыкия находится на юге европейской части России в окружении представителей православия и ислама, вдали от основных зон расселения буддийских народов. Поэтому буддийская идентичность является отличительным маркером калмыков в этом полиэтничном пространстве.

Подобным образом можно объяснить и полное отсутствие у западно-монгольских респондентов ответов, где в качестве фактора этнической самоидентификации указан внешний облик. Если жители Монголии и сопредельных стран по расовому типу преимущественно монголоиды, то калмыки живут среди народов, отличающихся от них по антропологическим признакам (цвет волос, разрез глаз, строение тела и др.).

В свою очередь, в пропорциональном плане большее количество западно-монгольских респондентов указали в качестве ведущего фактора этнической идентичности владение языком своей народности, что неудивительно ввиду указанного выше сравнения уровней владения родными языками обеих анализируемых групп респондентов.

Разница в отношении к историческому прошлому как к фактору этнической идентичности может быть объяснена тем, что у калмыков в дополнении к национально-территориальной автономии имеется весьма развитая национальная историография.

Таким образом, можно обозначить, что западно-монгольская и калмыцкая выборочные совокупности несколько различаются в оценке роли тех или иных факторов этнической идентичности. Если для западных монголов важность представляют «националь-

ность отца или матери» и «следование традициям и обычаям», то у калмыков к этим двум факторам присоединяется «национальное самосознание». При этом находящийся у западно-монгольских респондентов на третьем месте языковой фактор у респондентов-калмыков замыкает весь список. Все эти различия обусловлены определенными социально-историческими причинами, которые проанализированы выше.

Следующий вопрос анкеты касался компонентов этнической самоидентификации. Формулировка вопроса звучала следующим образом: «Кем Вы больше себя чувствуете? (Расположите по степени значимости для Вас тот или иной вид идентичности — от самого значимого до самого незначимого. Можете выбрать любое количество компонентов)».

Список идентичностей для западно-монгольских респондентов был составлен на основе некоторых положений диссертации В. И. Терентьева «Формирование и развитие этнического самосознания западных монголов в конце XIX – начале XXI века» [6]. Нами были предложены следующие формулировки ответов: 1) монгол; 2) западный монгол; 3) ойрат; 4) житель определенного аймака 5) представитель определенной народности (монг. ястан) (дербет, торгут, захчин, баит, мингат, олёт, хотон); 6) представитель определенного рода; 7) обитатель «родных кочевий» (монг. нутаг).

В свою очередь, калмыцкие респонденты выбирали из следующих вариантов ответов: 1) россиянин; 2) монгол; 3) ойрат; 4) калмык; 5) представитель определенной субэтнической группы калмыцкого народа (торгут, дербет, бузав, хошут, зюнгар); 6) житель Калмыкии; 7) житель определенного района или города; 8) представитель определенного рода; 9) житель определенного села.

Основным видом самоидентификации западно-монгольских респондентов является гражданская (монгольская) идентичность. Более 2/3 из них указали ее в качестве наиважнейшей (табл. 4). Намного отстает западно-монгольская принадлежность, располагающаяся на втором месте в списке главных и на первом среди вторых по значению компонентов. Далее следует компонент, связанный с идентификацией себя с определенной западно-монгольской народностью (монг. ястан). Авторы монографии «Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков» в результате проведенных на территории Увс аймака в 2015 году полевых исследований пришли к выводу, что для их респондентов основным компонентом этнической самоидентификации является этнический компонент, заключающийся в соотношении себя с определенной ойратоязычной народностью. При этом подчеркивается, что «...опрос, проведенный в Улан-Баторе, вероятно, дал бы совершенно иные результаты...» [7].

Таблица 4

Распределение видов идентичностей западно-монгольских респондентов, чел.

Компонент	1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место	6-е место	7-е место	Всего
Монгол	71	2	2	0	0	0	0	75
Западный монгол	11	19	3	4	0	0	0	37
Ойрат	6	5	9	2	2	0	1	25
Житель аймака	1	9	8	3	3	0	1	25
Представитель народности	7	3	8	6	6	1	0	31
Представитель рода	0	0	1	1	1	6	4	13
Обитатель «родных кочевий» (монг. нутаг)	0	0	1	2	1	5	4	13
Всего	96	38	32	18	13	12	10	

Действительно, этнический компонент у западно-монгольских респондентов в целом проявляется слабо. Во многом здесь можно проследить как влияние Улан-Батора, так и влияние рода деятельности анкетировемых — все они студенты самых престижных вузов Монголии. Так как при личном разговоре большинство респондентов утверждали, что местом их рождения является либо Ховд, либо Увс аймаки, судя по всему, их этническая самоидентификация в процессе своего формирования изменилась от исконных позиций их родителей.

Следующим по важности для западно-монгольских респондентов является ойратский компонент. В принципе данный результат коррелируется с мнением В. И. Терентьева, указывавшего на то, что, несмотря на активную работу, проводимую элитами в целях пропаганды ойратской идентичности среди западных монголов Монголии и СУАР КНР, калмыков и алтайцев, она не находит поддержки среди широких масс населения [11].

Аймачный компонент почти не представлен на уровне главного компонента, однако имеет некоторое представительство на более низких уровнях.

Наиболее малозначимыми для западно-монгольских респондентов стали родовой компонент и компонент «родных кочевий» (см. табл. 4). В общей сложности каждый из них выбрали около 1/8 респондентов. При этом ни один из этих компонентов ни разу не был выбран в качестве главного.

Результаты калмыцкой группы свидетельствуют о том, что более половины респондентов-калмыков выбирают калмыцкую идентичность в качестве главного компонента своей этнической самоидентификации. Далее следует российская идентичность, выбранная в качестве главной менее 1/3. Таким образом, доля респондентов, выбравших два вышеназванных компонента в качестве главных, равна 4/5, что указывает на их определяющее значение. При этом калмыцкий компонент занимает первое место среди вторых по значимости компонентов и третье среди третьих. Всего он был выбран 241 респондентом (93 % от общего числа респондентов). Все это делает его основным компонентом этнической самоидентификации калмыцких респондентов (табл. 5).

Российская идентичность также широко представлена на втором и третьем уровнях. Однако в совокупности она уступает региональной идентичности. Из 175 респондентов, отметивших важным для своей самоидентификации то, что они являются жителями Калмыкии, большая часть поставила этот компонент на 2–5-е места. Таким образом, это самый сильный вспомогательный компонент у калмыцких респондентов.

Таблица 5

Распределение видов идентичностей калмыцких респондентов, чел.

Компонент	1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место	6-е место	7-е место	8-е место	9-е место	Всего
Россиянин	75	33	21	13	9	6	3	2	6	168
Монгол	10	2	5	13	6	0	0	6	9	51
Ойрат	14	27	11	10	1	2	6	5	1	77
Калмык	133	74	27	1	4	1	1	0	0	241
Субэтнос	5	37	42	25	6	3	4	0	0	122
Житель Калмыкии	13	50	63	29	16	4	0	0	0	175
Житель района /города	5	5	17	26	18	9	6	2	2	90
Представитель рода	4	6	9	13	7	18	8	4	0	69
Житель села	1	2	7	9	13	5	6	9	4	56
Всего	260	236	202	139	80	48	34	28	22	

Примерно той же логике подчиняется распределение по уровням упоминаний субэтнического компонента. По их общему количеству он располагается сразу после упомянутых выше видов, однако заметно уступает им.

В свою очередь, ему несколько уступает районный/городской компонент, пик упоминаний которого приходится на 3–5-й уровни. Таким образом, активное упоминание районного/городского компонента начинается несколько позже такового в случае республиканского и субэтнического компонентов.

Весьма интересно распределение упоминаний ойратского компонента. В отличие от большинства компонентов, с общим количеством упоминаний менее 100, он имеет несколько большую их долю на первом уровне этнической самоидентификации. Это значит, что чуть более 5 % респондентов считают себя в первую очередь ойратами. Этот результат также коррелируется с упомянутым ранее мнением В. И. Терентьева [11].

Родовой компонент в данном опросе не пользовался особой популярностью. При этом его пиками являются 4 и 6-й уровни. Таким образом, можно утверждать, что родовой компонент в этническом самосознании современной калмыцкой молодежи является незначительным.

Еще более незначительными являются монгольский и сельский компоненты, каждый из которых на всех уровнях выбрали около 1/5 калмыцких респондентов.

Перейдем к межгрупповому сравнению изложенных выше результатов. В первую очередь бросается в глаза меньшая «фракционность» калмыцких респондентов: более 90 % из них выбрали на каком-либо уровне калмыцкий компонент, причем около 80 % из них поставили его на либо на 1-й, либо на 2-й уровни. Далее хочется отметить преобладание у калмыцких респондентов этнического компонента над гражданским, тогда как в случае с западно-монгольскими респондентами ситуация выглядит противоположным образом. У представителей обеих групп совпадают как абсолютные значения, так и распределение ойратского компонента по уровням. В достаточной мере различается отношение двух групп респондентов к региональному компоненту: если для калмыцких респондентов он является важнейшим вспомогательным компонентом, то западно-монгольские респонденты не отводят ему такого внимания.

Для того чтобы выяснить мнение респондентов о проблеме «ойратского народа», был задан заключительный вопрос с тремя вариантами ответов: «По вашему мнению, ойраты (под этим термином подразумеваются потомки средневековых ойратов, проживающие сегодня большей частью в России (Республика Калмыкия), Монголии (Увс и Ховд аймаки), Китае (СУАР, провинция Цинхай)) сегодня это: 1) единый народ; 2) имеющие очень тесное родство, но все же являющиеся отдельными народами; 3) нечто, не поддающееся точной классификации ввиду необычайной сложности вопроса».

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Кто такие ойраты?», %

Ответ	Западные монголы	Калмыки
Единый народ	53	26,3
Отдельные народы	33	60,3
Нечто, не поддающееся классификации	14	13,4
Всего	100	100

Как можно заметить, ответы западно-монгольских и калмыцких респондентов сильно различаются. Незначительное большинство западно-монгольских респондентов (53 %) считают современных потомков средневековых ойратов единым народом, этого мнения придерживается четверть калмыцких респондентов (26 %). Треть первой группы (33 %) и более половины калмыцкого массива (60 %) считают потомков ойратов отдельными народами. Примерно равна доля тех, кто считает, что сегодня их нельзя точно классифицировать.

Весьма интересен тот факт, что, если ответы на этот вопрос, данные калмыцкими респондентами, в целом коррелируются с их ответами на вопрос об их этнической самоидентификации, то подобная корреляция в ответах западно-монгольских респондентов нами не обнаружена. Большинство из них, не считая себя ойратами, полагают, что ойратоязычное население Монголии, Китая и России является единым народом. Этот «парадокс» требует дальнейших этносоциологических изысканий.

Выводы

Таким образом, подводя окончательные итоги, можно отметить наличие достаточно большого различия в характере ответов двух групп респондентов. И если уровень владения родным языком и отношение к факторам этнической самоидентификации двух исследуемых групп имеют определенные сходства, то состояние компонентов этнической самоидентификации и отношение к проблеме единства «ойратского народа» весьма различны.

По сути, в рамках настоящего сравнительного исследования было выявлено, как в двух относительно гомогенных по этническому происхождению, однако живущих почти четыре столетия вдалеке друг от друга группах произошли необратимые изменения этнической самоидентификации их этнофоров. При этом следует отметить незначительную роль ойратской составляющей в этнической самоидентификации обеих групп респондентов.

Библиографический список

1. Кальдинова Г. П., Нуксунова А. М. Этнокультурная идентичность студенческой молодежи Калмыкии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2012. – № 6. – С. 23–27.
2. Намруева Л. В. К вопросу о когнитивном компоненте этнической идентичности (по результатам анкетного опроса) // Вестник института. Сборник научных трудов. – Элиста: АПП «Джангар», 2003. – С. 273–279.
3. Намруева Л. В. Молодежь Калмыкии: выбор идентичности (по итогам опросов) // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие. Материалы IV Всеросс. социологического конгресса. – М.: ИС РАН, РОС, 2012. – С. 2498–2502.
4. Нуксунова А. М. Этнокультурная и гражданская составляющие социокультурной идентичности современной калмыцкой молодежи (к постановке вопроса) // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 8. – С. 54–56.
5. Мунянова Б. М. Национальное самосознание и этническая идентификация студенческой молодежи Калмыкии // Социологические исследования. – 2009. – № 9. – С. 58–68.
6. Терентьев В. И. Формирование и развитие этнического самосознания западных монголов в конце XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. – Горно-Алтайск, 2016. – 239 с.
7. Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков / Э. П. Бакаева [и др.]. – Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. – 456 с.

8. Терентьев В. И. Категории этнологического изучения западных монголов: исторические варианты и современные возможности // Этнографическое обозрение. – 2018. – № 1. – С. 121–133.
9. Санчиров В. П. К вопросу о Дурбэн-ойратском союзе // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 2. – С. 7–12.
10. Бакаева Э. П. Ойраты и калмыки. Ойрат-калмыки? (к вопросу о самоидентификации и самоназвании этноса) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. – 2010. – № 2. – С. 93–110.
11. Терентьев В. И. Современные трансформации этнического самосознания западных монголов // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 3. – С. 146–161.
12. Сухбаатар На. Ойраты Монголии и проблемы изучения их истории // Ойраты в истории России, Монголии и Китая. Материалы междунар. науч. конф. Ч. 1. – Элиста: КИГИ РАН, 2008. – С. 16–19.
13. Bakaeva E. P. Kalmyks, Oirat Descendants in Russia: a Historical and Ethnographic Sketch // Oirat People: Cultural Uniformity and Diversification. – Osaka: National Museum of Ethnology, 2014. – P. 31–54.
14. Гаджигасанова Н. С., Хайруллина Н. Г. Значимость идентификаций в представлениях населения в контексте особенностей этноконтактной среды (на примере исследования в российских регионах) // Знание. Понимание. Умение. – 2015. – № 4. – С. 78–93.

Сведения об авторах

Каманджаев Нарма Арслангович, студент, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова, г. Элиста, e-mail: narmakam@gmail.com

Намруева Людмила Васильевна, к. социол. н., заведующий отделом комплексного мониторинга и информационных технологий, Калмыцкий научный центр РАН, г. Элиста, e-mail: lnamrueva@yandex.ru

Information about the authors

Kamandzhaev N. A., Student, Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov, Elista, e-mail: narmakam@gmail.com

Namrueva L. V., Candidate of Sociology, Head of the Department of Integrated Monitoring and Information Technologies, Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Elista, e-mail: lnamrueva@yandex.ru

УДК 316.023.6

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА ПОСТТРУДОВОЙ АДАПТАЦИИ РОССИЙСКИХ ПЕНСИОНЕРОВ

С. Ю. Тумакова

Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа, Россия

Аннотация. В работе определены основные социальные проблемы, с которыми сталкиваются вышедшие на пенсию граждане. Выделены основные направления политики государства, помогающие снизить адаптационную нагрузку на вышедших на пенсию людей. Предлагается ввести во все уровни российской системы образования новые компетенции по позитивному и продуктивному взаимодействию с пожилыми гражданами.

Ключевые слова: выход на пенсию; пожилые люди; социальные проблемы; социальная политика государства

STATE AND PUBLIC SUPPORT FOR POST-LABOR ADAPTATION OF RUSSIAN PENSIONERS

S. Yu. Tumakova

Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Russia

Abstract. The article is devoted to the main social problems of retired people. The author separates basic directions of state policy, which assist to reduce of adaptational loading on pensioners. It is proposed to introduce new competencies for positive and productive interaction with senior citizens.

Key words: retirement; elderly; social problems; state social policy

Численность граждан старшего поколения в нашей стране, достигающих пенсионного возраста и вынужденных приспосабливаться к изменениям почти во всех сферах жизни, все растет, актуализируя исследование мер политики государства, направленных на разрешение социальных проблем пенсионеров. Общая численность пенсионеров по старости на 1 января 2016 года составила 35 555 тыс. чел., на 1 января 2017 года — 36 004 тыс. чел. [1].

Прежде всего определим, с какими трудностями сталкиваются вышедшие на пенсию люди. Важнейшая из них — резкое сокращение доходов, поскольку средний размер трудовых пенсий по старости в современной России составляет лишь около одной трети средней зарплаты. Среднемесячная номинальная начисленная зарплата работников в 2016 году составила 36 709 руб., средний размер начисленных пенсий — 12 391,1 руб. [1].

Другая трудность адаптации посттрудового периода жизни — увеличение объема свободного времени. Вышедший на пенсию индивид обладает объемом свободного времени, большим примерно на 2 часа 20 мин., чем работающий человек ^{1,2}. Данную проблему также

¹Распределение суточного фонда времени мужчин в возрасте 15 лет и более по занятости [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/uov/sut_fond/survey0/data/Reports/Files/Tabl % 201.8_m.pdf](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/uov/sut_fond/survey0/data/Reports/Files/Tabl%201.8_m.pdf) (дата обращения: 23.03.2018).

можно обозначить как социальную, поскольку именно общество определяет, как должен проводить свое свободное время человек определенного возраста. В то же время общество может предложить пенсионеру новый вид досуга в соответствии с его физическими, интеллектуальными, материальными и иными возможностями, способностями и интересами.

Еще одно негативное следствие выхода на пенсию — резкое сужение круга общения (выпадают коллеги, партнеры, клиенты). Должны усиливаться более тесные связи (с детьми, друзьями, родственниками, соседями), однако не всегда они складываются положительно.

Очередное затруднение представляет низкий социальный статус представителей старших возрастных групп в современном российском обществе. Для современного постиндустриального общества ценны молодость, красота, здоровье; быть больным или старым расценивается как «преступление» по отношению к обществу, поэтому старость, болезнь или смерть скрываются, насколько это возможно [2]. Некоторые исследователи даже отмечают существование в современном социуме культа молодости [2–7]. Возможно, отчасти культ молодости продиктован различными организациями, входящими в индустрию моды, которые стремятся как можно дольше продлить период молодости у своих потребителей с использованием различных косметических средств, пластических операций и тому подобных хитростей. В стародавние времена пожилые люди ценились за их знания и опыт, позволившие им дожить до глубокой старости, поэтому молодежь прислушивалась к советам аксакалов (что до сих пор можно наблюдать в традиционных обществах Кавказа). В современном капиталистическом мире «установка на эксплуатацию и стремление к накопительству» являются «причиной человеческих страданий и неуважения к достоинству человека» [8]. В таких условиях человек теряет свою привлекательность для общества, если не может принести в него пользы, поэтому после выхода на пенсию, в особенности связанного с полной/частичной потерей трудоспособности, социальный статус представителей поздней зрелости резко снижается. Это проявляется в низком размере пенсий и иных подобных проявлениях возрастной дискриминации. К примеру, в прожиточный минимум для пенсионеров (который является самым низким по сравнению с прожиточным минимумом для детей и работающих граждан) не включены расходы на обязательные платежи. Еще одним проявлением низкого социального статуса пожилых граждан является демонстрация негативного образа представителей старшего поколения на теле- и киноэкранах, что особенно касается женщин старшей возрастной группы. Зачастую их показывают в непривлекательном, болезненном образе (душевная болезнь), либо пожилые женщины демонстрируют неблагоприятное поведение (капризны, ворчливы, подслушивают, подглядывают, стараются устроить жизнь детей и внуков по своему усмотрению). Создание такого образа в общественном сознании не может положительно влиять на желание человека прекратить работу и стать пенсионером. Люди предпочитают трудиться так долго, насколько это будет возможно, а если и приходится оставить профессиональную деятельность, испытывают невероятные трудности с адаптацией к посттрудовому периоду жизни.

Невысокое социальное положение граждан пенсионного возраста обуславливает и отношение к ним, складывающееся со стороны ближнего и дальнего окружения. П. В. Пучков обозначил такие отношения, проявляющиеся в насилии, нападении, избе-

²Распределение суточного фонда времени женщин в возрасте 15 лет и более по занятости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond/survey0/data/Reports/Files/Tabl % 201.8_w.pdf](http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/sut_fond/survey0/data/Reports/Files/Tabl%201.8_w.pdf) (дата обращения: 23.03.2018).

нии, оскорблении, пренебрежении своими обязанностями по отношению к лицам старшей возрастной группы, негативном отношении, как «эбьюзинг», подразделив его на внутрисемейный и институциональный [9]. На микроуровне эбьюзинг проявляется в тех случаях, когда взрослые дети и внуки принимают заботу о себе со стороны пожилых людей, но вменяют им в обязанность вести домашнее хозяйство, даже не предполагая наличия у вышедших на пенсию людей собственных интересов. В более тяжелых случаях взрослые дети и внуки отбирают у пожилых (пра)родителей пенсию, вынуждая их просить милостыню. С институционализированным эбьюзингом пожилые, как правило, сталкиваются в медицинских учреждениях (поликлиниках, больницах), а также учреждениях социальной защиты (домах престарелых). На макроуровне эбьюзинг проявляется во внутренней и внешней государственной политике, представляя собой «структурное насилие, связанное с созданием определенных условий (структуры), ущемляющих потребности и интересы пожилых людей» [9]. Сюда можно отнести отмечаемые нами выше низкий размер пенсионных выплат, недостаточно справедливый по отношению к выработанному трудовому стажу, деформированную структуру прожиточного минимума для пенсионеров и т. п. Отчасти проявления институционализированного эбьюзинга можно обнаружить даже в продолжительности горения зеленого сигнала светофора для пешеходов, который значительно короче, чем разрешающий сигнал для транспортных средств, что не позволяет успеть перейти дорогу даже молодому человеку с ограниченными физическими возможностями или в период временной нетрудоспособности, не говоря уже о представителях старшего поколения.

Итак, основные социальные проблемы вышедших на пенсию людей: низкий социальный статус и престижность положения в социуме; невысокий размер пенсий (составляющий в среднем лишь около 40 % предыдущего заработка); резкое сужение привычного круга социальных контактов; изменение отношения со стороны ближнего и дальнего окружения; увеличивающийся объем свободного времени (характеризующийся противоречием между интересами и потребностями, желаниями пожилого человека и его объективными материально-экономическими, физическими, территориальными ограничениями и возможностями, социальными стереотипами). Рассмотрим основные направления политики государства, позволяющие в какой-то мере смягчить перечисленные трудности.

Во-первых, из госбюджета производятся ежегодные индексации пенсионных выплат в целях сохранения достаточного уровня жизни граждан пенсионного возраста ³. Индексация проводится для всех пенсионеров, но повышенные пенсии выплачиваются лишь неработающим пенсионерам, а работающие пенсионеры получают повышенные пенсионные выплаты сразу после прекращения трудовой деятельности. Повышение пенсий позволит сократить разницу между уровнем зарплаты и размером пенсии, что снизит адаптационную нагрузку на пенсионеров и облегчит протекание у них процесса посттрудоустройственной адаптации.

Во-вторых, разрабатываются федеральные и региональные программы, направленные на продление периода активного долголетия. К примеру, в 2010 году рабочей группой при содействии НО Фонд поддержки здравоохранения «Здоровье» была разработана

³Федеральный закон «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» от 15.12. 2001. № 166-ФЗ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34419/.

госпрограмма «Активное долголетие с высоким качеством жизни населения России» на 2011–2015 гг.⁴, определяющая вопросы медицинского обеспечения долголетия, роль негосударственного сектора в решении проблем пожилого возраста, образовательные и информационные проблемы пенсионеров, основные направления научных исследований по проблемам долгожительства. В начале февраля 2016 года утверждена «Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» (ранее проект этого документа носил название «Стратегия действий в интересах граждан пожилого возраста»)⁵, определяющая цели, задачи, принципы и приоритеты государственной социальной политики нашей страны в отношении пожилых людей для улучшения качества их жизни. Законодательная функция исполняется на верхних «этажах» власти, реальная же, конкретная социальная политика осуществляется на местном уровне, в муниципальных учреждениях соцзащиты населения.

Для пожилых людей проводятся ярмарки вакансий, за первое полугодие 2018 года в Башкирии проведено 17 специализированных ярмарок, в которых приняли участие более 1 300 пожилых людей [10]. Предлагаются низкоквалифицированные и малооплачиваемые вакансии (дворник, уборщица, консьерж, горничная, кухонный работник, расклейщик объявлений, слесарь, подсобный рабочий и т. п.), которые, однако, позволяют пожилым подработать к пенсии, избавиться от чувства ненужности, расширить круг общения.

Государство старается поддерживать досуговые и образовательные мероприятия и программы для пожилых людей. Во многих регионах существуют «Народные университеты третьего/серебряного возраста», помогающие вышедшим на пенсию гражданам получать необходимую информацию из различных сфер жизни (рукоделие, компьютерная грамотность, иностранные языки, право, семейные взаимоотношения, кулинария, основы физической культуры и гигиены, народная медицина и пр.). Участие в данных проектах, как правило, бесплатное или предполагает небольшую оплату (50–100 руб./час). В некоторых случаях преподавателями выступают сами пожилые граждане. Иногда пенсионеры имеют возможность получить новую профессию (парикмахера, швеи), обучаясь в «Народном университете», чтобы в дальнейшем зарабатывать.

Общество, соответствующее потребностям человека, является «здоровым», согласно определению Э. Фромма [8], поэтому некоторые функции поддержки пенсионеров берет на себя гражданское общество. В свою очередь, государство предоставляет денежные гранты некоммерческим организациям, ориентированным на оказание каких-либо услуг пожилым.

Итак, основные направления современной политики государства в сфере посттрудовой адаптации пенсионеров следующие: индексация пенсий как снижение адаптационной нагрузки в сфере материального благосостояния; выделение грантов некоммерческим организациям, оказывающим различные услуги пожилым; стимулирование различных форм досуговой активности пенсионеров, что помогает справиться с увеличившимся объемом свободного времени. Общественно-гражданская поддержка пенсионеров преимущественно состоит в организации их образовательной и досуговой активности, мате-

⁴Государственная программа «Активное долголетие с высоким качеством жизни населения России» на 2011–2015 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pandia.ru/text/78/153/4165.php> (дата обращения: 6.11.2018).

⁵Распоряжение Правительства Р Ф «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» от 5.02.2016 № 164-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rosmintrud.ru/docs/government/173> (дата обращения: 8.05.2017).

риальная помощь оказывается очень редко. Некоторые общественные организации проводят с гражданами предпенсионного возраста консультации по подготовке к выходу на пенсию («Школа молодого пенсионера»), способствуя их преадаптации (подготовке). Нужны особые меры со стороны общества и государства, направленные на преодоление дезадаптированности и снижение адаптационной нагрузки на пенсионеров: повышение размера пенсий; обеспечение льгот (по оплате услуг ЖКХ, пользования садовым участком, проезда в общественном транспорте); оказание психологической и информационно-правовой поддержки; улучшение образа старости в общественном пространстве; обеспечение доступа к интересному и разнообразному досугу.

Повышение качества жизни пенсионеров будет способствовать борьбе с геронтофобией (боязнью старости), что поможет выходящим на пенсию гражданам легче адаптироваться к новому периоду жизни. Кроме того, необходимо ввести во все уровни российской системы образования новые компетенции по позитивному и продуктивному взаимодействию с пожилыми гражданами (направленные на достижение уважения на основе увеличения знаний о позднем периоде жизни не как о «закате», а как о периоде продолжающегося развития, самореализации и использования духовного, социального, творческого потенциала пожилых людей на благо всего общества).

Библиографический список

1. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2017: Стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 332 с.
2. Бергер П. Л., Бергер Б. Социология: Биографический подход // Личностно-ориентированная социология / Пер. с англ. В. Ф. Анурина. – М.: АкадемПроект, 2004. – С. 23–39.
3. Социальное положение людей старшего возраста в Ивановской области: Отчет о первом этапе комплексного социологического исследования [Электронный ресурс] / Р. Е. Бумагин [и др.]; под рук. Д. М. Рогозина. – Режим доступа: http://timchenkofoundation.org/upload/ResearchIvanovo_1-2.pdf (дата обращения: 9.06.2018).
4. Буряковская В. А. Культ молодости в массовой культуре // Вопросы психологии. – 2015. – № 3. – С. 66–72.
5. Вараксина Н. В. Социальная адаптация людей пожилого возраста в стареющем обществе // Социология в современном мире: наука, образование, творчество. – 2014. – № 6. – С. 212–219.
6. Гидденс Э. Социология. – Екатеринбург: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
7. Юревич А. В. Психологические аспекты старения // Вопросы психологии. – 2018. – № 1. – С. 39–48.
8. Фромм Э. Здоровое общество / Пер. с англ. Т. Банкетовой. – М., 2006. – 539 с.
9. Пучков П. В. Концептуальные основания превенции геронтологического насилия в современном российском обществе: Автореф. дис. ... д-ра социол. наук. – Саратов, 2009. – 32 с.
10. Учиться никогда не поздно! // Ветеран Башкортостана. – 2018. – № 10 (122). – С. 9.

Сведения об авторе

Тумакова Симона Юрьевна, аспирант кафедры политологии, социологии и связей с общественностью, Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа, e-mail: tumakova.simona@gmail.com

Information about the author

Tumakova S. Yu., Postgraduate at the Department of Politology, Sociology and Public relations, Ufa State Petroleum Technological University, e-mail: tumakova.simona@gmail.com

УДК 342.5

К НОВОЙ СОЦИАЛЬНОСТИ: «РАВЕНСТВО РАЗЛИЧИЙ» В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ В ОСВОЕНИИ АРКТИКИ

И. Ю. Фомичев¹, В. А. Кибенко^{2,3}

¹Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия

²ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, Россия

³Западно-Сибирский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Тюмень

Аннотация. Анализируются проблемы, связанные с этносоциальными процессами, развивающимися в ходе неоиндустриального освоения арктических и субарктических территорий севера Тюменской области. Показано, что эти процессы носят противоречивый характер. С одной стороны, фиксируются тенденции роста социально-бытовых потребностей аборигенного населения в результате модернизации (в той или иной степени) повседневной жизни. С другой стороны, отмечается неизбежное в данных обстоятельствах разрушение традиционных стандартов воспроизводства жизни коренных малочисленных народов Севера, связанные с этим изменения в быту и менталитете аборигенных народов. В социально-философской интерпретации эти процессы рассматриваются как неорганичное взаимодействие противоречивых культурных парадигм, в результате которого происходит неизбежная трансформация одной этнокультурной идентичности под приоритеты другой, более мощной и агрессивной.

Ключевые слова: неоиндустриальное освоение Арктики и Субарктики; коренные малочисленные народы Севера; пришлое население; культурная парадигма

NEW SOCIALITY: «EQUALITY OF DIFFERENCES» IN INTERCULTURAL DIALOGUE IN THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC

I. Yu. Fomichev¹, V. A. Kibenko^{2,3}

¹Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

²Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District, Salekhard, Russia

³West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Russia

Abstract. The article analyzes the problems associated with ethnosocial processes developing in the course of neo-industrial development of the Arctic and subarctic territories of the north of the Tyumen region. It is shown that these processes are contradictory. On the one hand, there are trends in the growth of social and household needs of the aboriginal population as a result of modernization (to some extent) of everyday life. On the other hand, there is an inevitable destruction of the traditional standards of reproduction of indigenous peoples of the North in these circumstances, and related changes in the way of life and mentality of indigenous peoples. In the socio-philosophical interpretation, these processes are considered as an inorganic interaction of contradictory cultural paradigms, as a result of which there is an inevitable transformation of one ethnocultural identity under the priorities of another, more powerful and aggressive.

Key words: neo-industrial development of the Arctic and subarctic region; indigenous peoples of the North; alien population; cultural paradigm

Социологические исследования неоиндустриального освоения арктических территорий Тюменского региона развиваются в рамках системного подхода к изучению социальных аспектов этого многофакторного процесса. Основное внимание исследователей обращено на социальный потенциал арктического освоения [1, 2], человеческий фактор в освоении ресурсов Арктики и Субарктики в его разнообразных проявлениях [3, 4]. Исследуются этносоциологические проблемы, образовательные проекты, нравственные и другие аспекты жизни людей в Арктике [5–7], поступательно развивается и оттачивается теоретико-методологический базис, проводятся конкретно-социологические исследования. Можно утверждать, что в настоящее время уверенно складывается своеобразная региональная социологическая школа, призванная сформировать теоретико-методологическую базу научного обеспечения управления социальными процессами нового арктического освоения.

Одним из важных элементов в системных исследованиях неоиндустриального освоения Арктики является этнокультурная ситуация жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера, социальные условия производства и воспроизводства жизни аборигенного населения в современных изменившихся обстоятельствах нового освоения. В истории человечества известны примеры освоения территорий других народов, когда в результате таких процессов коренное население осваиваемых земель частично или полностью истреблялось. Так происходило в Африке, Северной, Центральной и Южной Америке. В Российской империи одобрялись и практиковались совсем другие принципы освоения новых земель, где коренное население не уничтожалось более развитыми в промышленном и военном отношении первопроходцами, а приобщалось к инновационной культуре. Заметим в связи с этим, что популярный ныне термин «инновация» был заимствован из антропологии, где первоначально означал «вторжение в другую культуру» и поэтому вполне корректно может употребляться в этнокультурном контексте.

Как фиксируют социологи, в процессе своей преобразовательной деятельности в арктических регионах Тюменской области государственные и корпоративные производственные организации в целом соблюдают принятые в нашей стране законы по ведению хозяйства в Арктических и Субарктических регионах. В результате наблюдается определенное повышение общего жизненного уровня коренных жителей этих территорий, растут социально-бытовые потребности аборигенного населения, которые уже не могут быть удовлетворены традиционными для коренных жителей способами производства и воспроизводства жизни — оленеводством, охотой и рыболовством и др. Поэтому осваивающие регион промышленные организации налаживают снабжение коренных малочисленных народов Севера различными потребительскими товарами, специальной техникой и горючим для охоты и рыболовства, в определенной степени улучшают жилищные и бытовые условия, выплачивают в соответствии с законом компенсации, а государство предоставляет льготы и дотации для традиционных северных промыслов, выплачиваются социальные пособия.

В то же время необходимо отметить противоречивый характер современного взаимодействия автохтонов и пришлого населения, когда неоиндустриальное освоение Арктики и Субарктики приносит в жизнь аборигенов негативные факторы, превращается в неоиндустриальную интервенцию и актуализирует проблему естественных прав коренных малочисленных народов Севера (в первую очередь — прав на землю и традиционное бытие) как нечто насущное, но пока что неопредмеченное и экзистенциальное. Традиционное ведение национального хозяйства малых народов по своей сути не индустриальное и малоэффективно в конкурентной экономике. Более того, различные производственные

практики на исконных территориях коренных северных народов разрушающе воздействуют на личную окружающую среду, меняют привычные экологические стандарты рыболовецких территорий и нерестилищ (как пример, углубление дна для крупнотоннажного судоходства в Обской губе в местах нереста сибирского осетра), нарушают веками настроенную жизнь разнообразных охотничьих угодий, накладываются на приспособленные и соответственно «оборудованные» оленеводческие пастбища и «нахоженные» маршруты кочевания коренных жителей, затрудняя воспроизводство традиционного образа жизни местного населения. Космический универсум, в который самотрансцендируется абориген, воспроизводится для него через растворяющиеся в северном пространстве образы «неба», «тундры», «тайги», «реки», ценности патриархальной космологической морали. Онтология новопереселенческого этноса так или иначе репрезентируется как «недра» и «ресурсы».

Следовательно, в дискурсе коренных жителей вполне закономерно и естественно формируется и укрепляется дихотомическое разделение «своих», ведущих традиционный полупатриархальный образ жизни, воспроизводящих «культуру предков» и национальные обычаи, и «чужих», апологетов неоиндустриального освоения, ведущих модернистский образ жизни и определяющих ценностями своего бытия границы антропологического существования коренного северного жителя, за которыми он социально трансформируется в маргинального представителя социума, ориентированного не на символы языческой веры и космологического культа, а на привнесенные ценности оккупирующей цивилизации. Определенное этнографическое содержание патриархальной жизни, исконные источники национального коллективного бессознательного — предметы быта и соответствующие артефакты, традиционная рыболовная и охотничья техника, орудия труда, традиции и обычаи, фольклор и т. п. — сохраняются в немногочисленных этнографических заповедниках и музеях.

Можно констатировать, что, к сожалению, такова привычная, повторяющаяся практика освоения новых территорий, в которой, как правило, можно выделить, во-первых, постепенное и очевидное отдаление большинства местного населения от веками присущей ему традиционной культуры, затруднения в передаче культурных ценностей новому поколению. Например, согласно социологическим исследованиям, молодое поколение малых народов Тюменского Севера в меньшей степени приобщено к ценностям национальной культуры, чем их родители [2]. Во-вторых, местное население испытывает значительные трудности в адаптации к вновь возникшей в регионе ситуации в силу ряда объективных причин, среди которых можно назвать недостаточный, как правило, образовательный уровень, отсутствие актуальной профессиональной квалификации и даже особенности национального менталитета. То есть представители коренного населения в большинстве своем оказываются не востребованы в качестве полноценных субъектов наступающей промышленной цивилизации. В социально-философской интерпретации неоиндустриальное освоение Арктики являет собой неорганичное взаимодействие противоречивых культурных парадигм, в результате которого происходит неизбежная трансформация одной этнокультурной идентичности под приоритеты другой, более мощной и агрессивной.

Социология в своем развитом состоянии не ограничивается эмпирической фиксацией фактов и их теоретической интерпретацией, обретая свое прикладное значение в социальных проектах, например в сфере управления социальными процессами в том или ином регионе. В настоящее время это особенно актуально для межкультурных взаимодействий, что показывает соответствующая социальная практика, например, в Европе и

Северной и Южной Америке. Так, в Колумбии претворяется так называемая программа «шаманских школ и этнообразования», направленная на сохранение национальной культуры местных индейцев [8]. На фоне кризиса политики мультикультурализма в Совете Европы выработан специальный межправительственный документ под названием «Стратегия социальной сплоченности», где последняя понимается как способность общества обеспечить благополучие своих членов, в частности, за счет минимизации диспропорций между ними. Даже если принять во внимание неизбежную сюрреалистичность практических программ и декларативность подобных документов, необходимо видеть в этом признание проблемы, где абориген предстает духовной субстанцией с уникальной идентичностью, имеющей право на равное существование с другими идентичностями и попытку решения этой проблемы.

В связи с этим можно уверенно утверждать необходимость разработки соответствующего проекта этносоциологического мониторинга неоиндустриального освоения Арктики, целью которого должно быть сохранение «равенства различий» субъектов технократической экспансии и коренных малочисленных народов Севера. То, что происходит в настоящее время в рамках межкультурного диалога этих субъектов нуждается в некой трансцендентной инстанции, легитимирующей этносоциальный консенсус, обеспечивающей должную степень гармонии и согласия многообразных национальных культур. Это обуславливает теоретическую и практическую значимость дальнейших социологических исследований в области гармонизации этносоциальных практик в освоении территорий Арктики и Субарктики.

Библиографический список

1. Социальные проблемы в самооценках населения арктической зоны России / М. Л. Белоножко [и др.] // Социологические исследования. – № 4 – 2018. – С. 112–117.
2. Гюрджинян А. С., Барбаков О. М., Белоножко М. Л. Защита коренных малочисленных народов Севера // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – № 2 – 2018. – С. 7–14.
3. Человек в Арктике: инновационные технологии решения социальных проблем / Отв. ред. А. Н. Силин. – Тюмень: ТИУ, 2017. – 157 с.
4. Человеческий потенциал освоения нефтегазовых ресурсов Арктики и Субарктики / Отв. ред. А. Н. Силин. – Тюмень: ТИУ, 2016. – 149 с.
5. Вануйто Г. И. Кочевая школа: инновационные проекты. – Салехард: ГАОУ ДПО ЯНАО «Риро», 2015. – 83 с.
6. Этносоциологический мониторинг неоиндустриального освоения Арктики / Отв. ред. А. Н. Силин. – Тюмень, ТИУ, 2018 – 148 с.
7. Фомичев И. Ю. Этика Севера в парадигме социальной ответственности // Человеческий потенциал освоения нефтегазовых ресурсов Арктики и Субарктики. – Тюмень: ТИУ, 2016. – С. 132–137.
8. Jackson J. Preserving Indian culture: Shaman schools and ethno-education in the Vaupes, Colombia // Cultural anthropology. – 1995. – Vol. 10, Issue 3. – P. 302–321.

Сведения об авторах

Фомичев Игорь Юрьевич, д. социол. н.,
профессор кафедры маркетинга и муниципаль-

Information about the authors

Fomichev I. Yu., Doctor of Sociology,
Professor at the Department of Marketing and Mu-

ного управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, e-mail: ifomic@mail.ru

Кибенко Валерий Александрович, научный сотрудник ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики», г. Салехард, младший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, г. Тюмень, руководитель Ямальской социологической лаборатории, e-mail: v.a.kibenko@yandex.ru

nicipal Management, Industrial University of Tyumen, e-mail: ifomic@mail.ru

Kibenko V. A., Researcher, Arctic Research Center of the Yamal-Nenets Autonomous District, Salekhard, Junior Researcher, West-Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Tyumen, Head of the Yamal Sociological Laboratory, e-mail: v.a.kibenko@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

PROBLEMS AND PROSPECTS OF SCIENCE AND EDUCATION DEVELOPMENT

УДК 316.7

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА УНИВЕРСИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОЙ ОЦЕНКИ ЕЕ ЭЛЕМЕНТОВ И НАПРАВЛЕНИЙ РАЗВИТИЯ

И. В. Легостаева

Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, Россия

Аннотация. Проанализированы основные аспекты корпоративной культуры университета, раскрыто содержание понятия «корпоративная культура преподавателя». С целью выявления мнения профессорско-преподавательского состава Тюменского индустриального университета об основных элементах корпоративной культуры и социального климата в коллективе университета, а также о степени удовлетворенности преподавателей университета основными направлениями жизнедеятельности вуза было проведено социологическое исследование методом анкетного опроса. Результаты данного исследования могут быть использованы для нейтрализации слабых сторон и направлений деятельности университета в области корпоративной культуры, корректировки и совершенствования механизмов реализации отдельных элементов корпоративной культуры и повышения уровня удовлетворенности преподавателей компонентами жизнедеятельности университета.

Ключевые слова: корпоративная культура; корпоративные ценности; профессиональная культура преподавателя

CORPORATE CULTURE OF THE UNIVERSITY IN THE CONTEXT OF THE EVALUATION OF ITS ELEMENTS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT BY THE TEACHING STAFF

I. V. Legostaeva

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

Abstract. The article analyzes the main aspects of the corporate culture of the university, reveals the content of the concept of «corporate culture of a lecturer». The author has conduct a study by the method of a questionnaire survey to identify the views of the teaching staff of Industrial University of Tyumen (University) about the basic elements of corporate culture and social climate of the University and about the degree of satisfaction of University lecturers with the basic directions of activity of the University. The results of this study can be used to neutralize weaknesses of the activities of the University in the field of corporate culture, to improve mechanisms for the implementation of certain elements of corporate culture, to increase the level of satisfaction of the lecturers with the components of University life.

Key words: corporate culture; corporate values; professional culture of the lecturer

Современная реальность с перманентно меняющимися социокультурными, политико-социальными, технико-информационными условиями предлагает новый взгляд на образование как на двигатель всех процессов, протекающих в обществе. Университет, как один из главных социальных институтов, призван реализовать следующие аксиологические задачи: обеспечение преемственности культурных традиций, ценностная ориентация учащихся, введение индивида в мир культуры, формирование общественной и духовной жизни личности посредством такого социокультурного феномена как корпоративная культура [1, 2].

Корпоративная культура университета может быть рассмотрена в целом на уровне корпорации (университета), на уровне педагогического сообщества как транслятора и носителя ценностей, норм, образцов профессионального поведения, обуславливающих особенности состояния культуры университета, и на уровне студенческого сообщества как реципиента культурных основ. Автор акцентирует внимание на изучении корпоративной культуры на уровне педагогического сообщества.

Понятие «корпоративная культура преподавателя» тесно связано с такими понятиями, как «профессиональная культура» и «педагогическая культура». Профессиональная культура — это «определенная степень овладения членами профессиональной группы приемами и способами решения специальных профессиональных задач» [3].

Преподаватель как личность характеризуется совокупностью профессиональных качеств: знание предмета, методика преподавания, владение педагогическими средствами, психологическая готовность к коммуникационным процессам. Педагогическая культура рассматривается как важная часть общей культуры, проявляющейся в системе профессиональных качеств и специфике педагогической деятельности.

Корпоративная культура является важной частью профессиональной культуры преподавателя и выполняет следующие функции: вытесняет нежелательные культуры, дестабилизирующие развитие основной; интегрирует различные группы профессорско-преподавательского состава; регулирует поведенческие аспекты; способствует быстрому получению и обмену достоверной информацией; расширяет адаптационные границы преподавательского состава к меняющимся условиям внешней среды [4].

В корпоративной культуре преподавателя взаимообусловлено существуют когнитивный компонент, отражающий знание основных нормативных документов об университете, понимание миссии, стратегических целей, истории, традиции, норм и правил поведения; аксиологический компонент, реализующийся посредством чувства лояльности и гордости за университет, идентификация себя с ним, уважение к коллегам; деятельностный компонент, заключающийся в добросовестном выполнении профессиональных обязанностей, перманентном самосовершенствовании, саморазвитии, в уважении к историческому и культурному наследию университета [5].

Корпоративная культура университета предполагает изучение таких аспектов, как факторы, влияющие на выбор преподавателями университета в качестве места реализации своих профессиональных навыков и компетенций, оценку удовлетворенности трудом, оценку психологического климата в коллективе, отношение работников к стилю руководства, стратегическим целям университета и политике их реализации, к декларируемым ценностям, миссии и корпоративной этике, нормам поведения и уровню профессиональной и социальной защищенности [6].

С целью выявления мнения профессорско-преподавательского состава Тюменского индустриального университета об основных элементах корпоративной культуры и социального климата в коллективе университета, а также о степени удовлетворенности

преподавателей университета основными элементами жизнедеятельности вуза было проведено социологическое исследование. Исследование осуществлялось методом анкетирования, что позволило изучить те стороны проблемы, которые не отражаются в документальных источниках и не всегда доступны прямому наблюдению.

В исследовании приняли участие 193 человека в возрасте от 25–60 лет: в том числе 71 % женщин и 29 % мужчин. Наиболее представительные по возрастному признаку две группы респондентов: в возрасте от 26 до 39 лет — 38,9 % и в возрасте свыше 51 года — 30,2 %.

В результате проведенного исследования удалось выявить факторы, оказавшие влияние на выбор респондентами Тюменского индустриального университета в качестве места работы (табл. 1). Свое предпочтение ТИУ отдали респонденты, для которых в первую очередь имеет значение отсутствие задержек с выплатой заработной платы, что вполне объяснимо в связи с непростой социально-экономической ситуацией в стране. Второй по значимости фактор — возможность заниматься интересной и творческой работой (35,8 %) в университете, характеризующемся высоким престижем (24,5 %). Целесообразно отметить, что профессорско-преподавательский состав отмечает тенденцию к снижению престижности профессии преподавателя, что в свою очередь детерминировано активизацией реформ, проводимых в системе образования.

Таблица 1

***Факторы, оказывающие влияние на выбор работы
в Тюменском индустриальном университете***

Повлияли в значительной степени	Влияли, но не стали определяющими	Не повлияли
Регулярность получения зарплатной платы (1-е место)*	Хорошая морально- психологическая атмосфера (5-е)	Возможность самореализации (10-е)
Возможность иметь творческую работу (2-е)	Возможность профессионального роста (6-е)	Возможность внедрения своих разработок (11-е)
Хорошие условия труда (3-е)	Возможность заниматься научной деятельностью (7-е)	Высокооплачиваемая работа (12-е)
Высокий престиж университета (4-е)	Близость от места жительства (8-е)	Возможность делать быструю карьеру (13-е)**
	Престижность профессии преподавателя (9-е)	

Примечание. * 1-е место — фактор, имеющий наиболее выраженное влияние; **13-е место — фактор, почти не оказывающий влияния.

Необходимо подчеркнуть лояльность респондентов университету: комфортные условия труда, которые вуз предоставляет для работы, как фактор выбора данного университета в качестве профессиональной деятельности профессорско-преподавательский состав поставил на третье место.

Почти все респонденты, принявшие участие в опросе, осознанно подошли к выбору ТИУ в качестве профессиональной сферы деятельности, так как понимают, что работа в университете не гарантирует высокий уровень оплаты труда, возможность быстрого карьерного роста и возможность внедрения своих научных разработок, что немаловажно для работников сферы образования и науки.

Очевидным становится противоречие между желанием профессорско-преподавательского состава иметь творческую работу и невозможностью ее реализации, объективно обоснованной постоянным увеличением нагрузки преподавателей, ростом объемов бумажной работы, что, несомненно, сокращает время на занятие научно-практической деятельностью и самореализацию. Таким образом, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что большая часть преподавателей ТИУ видит свою работу в качестве призвания и дела всей жизни.

Оценивая общий уровень удовлетворенности выбранной профессиональной сферы деятельности, 15,3 % респондентов отметили высокую степень удовлетворенности, одновременно 14,7 % декларировали, что скорее недовольны сделанным выбором (рисунок).

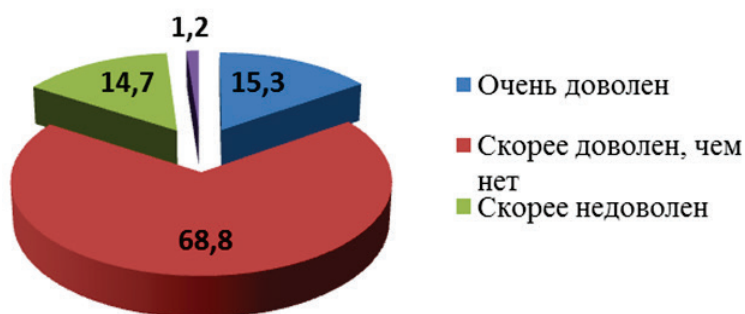

Рисунок. *Уровень удовлетворенности выбранной профессиональной сферой деятельности, %*

Как отмечалось выше, перегруженность документооборотом, различными потрясениями, связанными с трансформацией высшего образования и самого университета, не позволяют преподавателям полностью раскрыть свой творческий и научный потенциал, что объективно снижает уровень удовлетворенности профессиональной деятельностью.

В большинстве профессорско-преподавательский состав (68,8 %) считает свой выбор работы в ТИУ верным, так как ожидания, связанные с профессиональной деятельностью, были оправданы в той или иной степени.

Оценивая социальный климат в коллективе в качестве одного из проявлений выбранной и реализуемой в рамках университета корпоративной культуры большинство респондентов единодушно во мнении — атмосфера довольно доброжелательная. 39 % опрошенных отметили наличие конфликтных проявлений, что объясняется различной степенью аккомодации и ассимиляции сотрудниками корпоративных ценностей и ориентиров поведения в университете.

Профессорско-преподавательским составом была дана оценка направлениям деятельности и условиям труда в университете (табл. 2). Такие элементы жизнедеятельности вуза, как доступность информации о деятельности университета, охрана труда и его безопасность, организация социального страхования работников, отношение со стороны руководства и рекламно-информационная деятельность университета, получили высокую оценку со стороны респондентов. Удовлетворены респонденты и такими элементами корпоративной культуры, как ценности, миссия, видение, корпоративная политика и стратегия вуза. Фирменный стиль университета, отражающий внутренний и внешний имидж, также довольно высоко оценивается профессорско-преподавательским составом.

Таблица 2

***Направления деятельности университета
с высокой оценкой удовлетворенности со стороны профессорско-преподавательского состава***

Направление деятельности университета	Оценка (% респондентов)	
	5*	4**
Доступность информации о деятельности университета	33,2	40,5
Отношение со стороны руководства	24,5	34,2
Охрана труда и его безопасность	24,3	40,9
Социальный пакет (организация досуга, спортивных секций и т. д.)	21,1	39,3
Имидж университета	20,7	42,3
Ценности, миссия, видение, политика и стратегия, принципы, цели и задачи университета	20,3	38,3
Фирменный стиль университета	19,7	42,8
Возможность повышения квалификации	18,6	40,2
Деятельность и стиль руководства	17,4	35,4
Рекламно-информационная деятельность университета	15,5	50,0

Примечание. 5 — очень высокая; 4** — высокая.*

Наименее удовлетворены респонденты возможностью участвовать в принятии управленческих решений, распределением полномочий в системе управления университетом, условиями организации труда и оснащением рабочих мест. Недостаточно качественно построена система управления изменениями, не удовлетворены сотрудники и условиями оплаты труда (табл. 3).

Таблица 3

***Направления деятельности университета
с низкой оценкой удовлетворенности со стороны профессорско-преподавательского состава***

Направление деятельности университета	Оценка (% респондентов)	
	2*	1**
Возможность участия преподавателей в принятии управленческих решений	20,8	16,1
Нематериальная система стимулирования труда (корпоративные мероприятия)	17,5	7,2
Управление изменениями в деятельности университета	17,3	7,4
условия оплаты труда	16,6	7,8
Признание заслуг, успехов и достижений	16,2	8,4
Система компьютерного обслуживания	14,8	6,0
Мероприятия по увеличению доли молодых сотрудников	14,4	4,7
Условия организации труда и оснащения рабочих мест	13,3	6,2
Организация системы питания	12,3	6,9

Примечание. 2 — низкая; 1** — очень низкая.*

Отдельно следует акцентировать внимание на низкой степени удовлетворенности профессорско-преподавательского состава нематериальной системой стимулирования труда, к которой можно отнести корпоративные мероприятия, церемонии и ритуалы, направленные на укрепление корпоративной идентичности и корпоративного духа; низкой оценки удостоилось признание заслуг, успехов и достижений, а ведь именно это способствует созданию той социокультурной корпоративной среды, в которой реализация выбранного направления развития корпоративной культуры университета наиболее благоприятна.

Среди основных проблем, имеющих место в университете, респонденты прежде всего отметили высокую степень бюрократизации, невовлеченность коллектива в процесс принятия и обсуждения управленческих решений, постоянный рост административно-управленческого аппарата и низкий уровень информированности сотрудников (табл. 4).

Таблица 4

Рейтинг проблем в деятельности университета

Вариант ответов	Место
Некомпетентность руководства	7
Отсутствие у подчиненных самостоятельности в принятии решений	6
Невовлеченность коллектива в процесс обсуждения и принятия управленческих решений	2
Низкий профессиональный уровень сотрудников	10
Формальное отношение к функциональным обязанностям сотрудников	5
Высокая степень бюрократизма	1*
Постоянный рост аппарата управления	3
Инертность сотрудников университета	8
Соппротивление коллектива университета нововведениям	9
Низкая информированность сотрудников	4

Примечание. 1 — наиболее важная проблема.*

В ходе проведения анкетирования профессорско-преподавательским составом было отмечено, что коллектив не выражает недовольства по поводу вводимых нововведений, не проявляет инертности в работе и доказывает свой высокий профессиональный уровень в своей ежедневной трудовой деятельности.

Оценивая основные способы решения проблем в деятельности университета, преподаватели считают необходимым пересмотреть оплату труда, предусмотреть мероприятия по повышению заинтересованности всего коллектива в результатах труда, а также изменить отношение руководства к подчиненным на предмет их внимания к нуждам и потребностям сотрудников (табл. 5).

Несомненно, решение проблем в области трансляции отдельных элементов корпоративной культуры и актуализация ее отдельных направлений, по мнению респондентов, должны базироваться на создании и реализации программ по корпоративному обучению, а также на организации мероприятий по укреплению корпоративного духа и корпоративной идентичности сотрудников.

Таблица 5

Рейтинг решений для решения существующих в университете проблем

Предлагаемое к реализации решение	Рейтинг
Кадровые перестановки	6
Аттестация руководства по вопросам менеджмента	7
Соответствующая затраченным трудовым усилиям заработная плата	1*
Внимание к нуждам подчиненных	3
Повышение взаимной заинтересованности сотрудников отделов в результатах выполняемой работы	2
Выработка стратегии и тактики для оптимального развития университета	4
Создание корпоративного обучения	5
Организация мероприятий по укреплению корпоративного духа и корпоративной идентичности	8

Примечание. 1* — наиболее значимое решение.

Как отметили респонденты, часть проблем, касающихся вопросов корпоративной культуры университета, тесно связана с реализуемым на данном этапе стилем управления, поэтому в ходе исследования были выявлены те элементы жизнедеятельности университета, на которые направлен существующий стиль управления. Респондентам были заданы вопросы о реализуемом стиле управления и о том, каким он должен быть, по их мнению, какие приоритетные задачи должна реализовывать управленческая команда.

Таблица 6

Стиль руководства в университете

Стиль руководства в университете	Реализуемые	Необходимые
Стимулирует повышение квалификации сотрудников и преподавателей, их карьерный рост	4	6
Стимулирует предпринимательство, новаторство, внедрение инноваций	5	9
Создает атмосферу деловитости, настойчивости в реализации поставленных задач, ориентации на получение результатов	3	11
Способствует координации, четкой организации	8	5
Создает атмосферу жесткой подчиненности, централизации	1*	13
Предопределяет самостоятельность подразделений университета	9	4
Повышает степень участия в принятии решений широких слоев сотрудников и преподавателей университета	13	1*
Поощряет коллективные формы работы	7	7
Поощряет стремление отдельных подразделений к повышению их конкурентоспособности	6	10
Формирует единое видение и усиливает стремление работать в единой команде	11	3
Поощряет индивидуальный риск, свободу и самобытность сотрудников и преподавателей университета.	12	8
Поощряет процессы реформирования в университете	2	12
Поощряет увлеченность сотрудников университета делом и заботой о людях	10	2

Примечание. 1* (1-е место) — наиболее важные аспекты.

По преобладающему мнению респондентов, на текущий момент стиль управления характеризуется созданием атмосферы жесткой подчиненности и централизации, доминированием процессов реформирования, следует подчеркнуть, что реализуемый стиль управления формирует атмосферу настойчивости в реализации нововведений, ориентируя весь коллектив на получение необходимых результатов (табл. 6).

В то же время, как отметили респонденты, реализуемый в ТИУ стиль управления аннигилирует вовлечение коллектива в принятие управленческих решений, полностью игнорирует индивидуальную инициативу и самостоятельность профессорско-преподавательского состава, отрицает необходимость работы в единой команде.

Говоря о том, на что должен быть направлен стиль управления в университете, респонденты подчеркивают необходимость поощрять участие работников вуза в принятии управленческих решений, способствовать росту лояльности преподавателей и сотрудников университета, а также формировать стимулирующие факторы для создания единой команды.

Респонденты единодушны во мнении, что следует избегать такого стиля управления, который направлен на присутствие жесткой подчиненности вышестоящему руководству, отмечена нецелесообразность поощрения только процессов реформирования в силу отсутствия самостоятельности подразделений университета.

Все вышесказанное предопределило и оценку респондентов относительно неиспользуемых резервов в системе управления. Так, по мнению 34,6 % опрошенных, необходимо улучшить управление учебным процессом, еще 34,0 % отметили необходимость изменения стиля и методов управления. Уровень инициативы сотрудников и их творческий потенциал нуждаются в корректировке, по мнению 20,3 %, еще 19,1 % считают, что есть резервы в управлении научной деятельностью.

Более подробного изучения, по мнению автора исследования, требовал вопрос, касающийся корпоративных ценностей университета и стратегических целей его развития, так как современные университеты — корпорации, реализующие интересы личности и общества, стремящиеся к воспроизводству корпоративного духа и культуры своих предшественников, являющиеся аксиологической платформой, фундаментом которой выступает сильная корпоративная культура, обеспечивающая эффективную реализацию воспитательной функции, в рамках которой процесс социокультурного становления личности студента становится успешным [7].

Прежде всего, респонденты вкладывают в понятие «корпоративные ценности» такие элементы, как честность и добросовестность, уважение к коллегам, профессионализм и постоянное самосовершенствование, а также личную ответственность за свою работу. Наименее приоритетными корпоративными ценностями, по мнению сотрудников, являются личные привилегии, самокритичность, стремление к новому, инициативность и гордость за свой университет. Очевидно, в связи с вышесказанным, только 19,0 % респондентов считают, что можно назвать коллектив университета объединенным корпоративным духом, общими целями, нормами поведения и общими ценностями.

Профессорско-преподавательский состав университета можно рассматривать в качестве основополагающего источника трансляции социокультурных ценностей, следовательно, от степени соответствия ценностей и элементов корпоративной культуры университета личным ценностным ориентациям преподавателей будет зависеть то, какую ценностную составляющую в качестве будущей ценностно-ориентированной модели поведения получают реципиенты — студенческое сообщество.

По результатам исследования можно констатировать, что большая часть респондентов считает ценности и элементы корпоративной культуры университета частично

соответствующими личностным, почти 30 % опрошенных выявили несоответствие личных ценностных установок с корпоративными.

Рассматривая реализуемые в настоящее время стратегические цели и те, которые, по мнению профессорско-преподавательского состава, необходимы для успешного развития университета, можно отметить полное их несовпадение (табл. 7).

Так, основной стратегической целью на сегодняшний день являются реформирование университета, а также приоритетность практико-модульного обучения и конкретных запросов работодателей. Однако для успешного развития университета, по мнению респондентов, необходимо в качестве стратегических целей определять сохранение и развитие человеческих ресурсов и направлять все свои ресурсы на создание уникальной научной продукции, формирование высокого качества академической подготовки. Также немаловажное значение респонденты уделяют необходимости сохранения многолетних университетских традиций и, таким образом, сохранению уникальной корпоративной культуры.

Таблица 7

Стратегические цели университета

Стратегические цели университета	Реализуемые	Необходимые
Атмосфера неизменности и стабильности; в действиях членов коллектива важнее всего сохранение многолетних университетских традиций	4	3
Реформирование, обретение новых ресурсов и решение новых проблем	1*	6
Конкурентные действия и достижения; в действиях сотрудников преобладают целевое напряжение сил и стремление к победе университета среди конкурентов	3	4
Реализация запросов работодателей в образовательной и научно-исследовательской деятельности	2	5
Сохранение и развитие человеческих ресурсов	6	1*
Обладание уникальной или новейшей научной продукцией и высокое качество академической подготовки	5	2

Примечание. 1 (1-е место) — наиболее важные аспекты.*

Подводя итоги социологического исследования, посвященного оценке профессорско-преподавательским составом элементов и направлений деятельности университета в области корпоративной культуры, можно отметить, что на сегодняшний день корпоративная культура университета остается тем социокультурным инструментом, позволяющим вузу успешно реализовывать свои функции, а профессорско-преподавательскому составу осуществлять деятельность в области трансляции ценностей, норм и культурных императивов. Однако результаты исследования указывают и на слабые стороны и направления деятельности университета в области корпоративной культуры, которые подлежат дальнейшей корректировке и совершенствованию.

Библиографический список

1. Изменение корпоративной культуры в организациях / Д. Денисон [и др.]. – СПб.: Питер, 2013. – 192 с.
2. Иваницева Т. А. Организационная культура — социальный ресурс развития организации в современных социокультурных условиях: моногр. – Тюмень: Тюменская государственная академия мировой экономики, управления и права (ТГАМЭУП), 2010. – 228 с.

3. Кушнер Ю. З. Методология и методы педагогического исследования: учеб.-метод. пособие. – Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2001. – 66 с.
4. Kluckhohn C. Value and value-orientation in the theory of action // *Toward a general theory of action*. – New York: Harper, 1962. – P. 388–433.
5. Легостаева И. В. Ценностно-ориентированная модель корпоративной культуры преподавателя вуза // *Современные наукоемкие технологии*. – 2016. – № 2–3. – С. 509–512.
6. Pettigrew A. M. On Studying Organizational Cultures // *Administrative Science Quarterly*. – 1979. – № 24. – P. 570–581.
7. Legostaeva I. V. University as Axiological Platform of Educational Space: Retrospective Analysis // *RPTSS 2017 — International Conference on Research Paradigms Transformation in Social Sciences (18–21 May 2017, Tomsk). Polytechnic University. The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EpSBS*. — Volume XXXV. — P. 728–735.

Сведения об авторе

Легостаева Ирина Владимировна, ассистент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, e-mail: legostaevaiv@tyuiu.ru

Information about the author

Legostaeva I. V., Assistant at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, e-mail: legostaevaiv@tyuiu.ru

УДК 378.147.22

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МЕДИАСРЕДЫ
СОВРЕМЕННОГО ВУЗА**

М. Н. Филатова, В. В. Майер

Российский государственный университет нефти и газа (национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина, г. Москва, Россия

Аннотация. Формирование и трансмиссия ценностей современного информационного общества зависит от состояния социокультурной среды образовательного учреждения. Современная социокультурная среда характеризуется высокой степенью динамичности, что связано как с внешними вызовами, так и с внутренними процессами, происходящими в самой среде. Развитие информационного общества сопровождается формированием медиасреды. В исследованиях последних лет подчеркивается социокультурный характер медиасреды. В условиях информационного общества медиасреда инкорпорируется в социокультурную среду вуза. По отношению к социокультурной среде медиасреда вуза обладает некой автономией. При отсутствии адекватного управления медиасреда вуза может вносить деструктивные элементы в его социокультурную среду.

Ключевые слова: информационное общество; социокультурная среда вуза; медиасреда; трансформация социокультурной среды

**SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF THE MEDIA
ENVIRONMENT OF MODERN UNIVERSITY**

M. N. Filatova, V. V. Mayer

Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University), Moscow, Russia

Abstract. The formation and transmission of the values of the modern information society depend on the state of the socio-cultural environment of the educational institution. The modern socio-cultural environment is characterized by a high degree of dynamism, which is associated with both external chal-

lenges and internal processes taking place in the environment itself. The development of the information society is accompanied by the formation of the media environment. Recent studies have emphasized the socio-cultural nature of the media environment. In the information society media environment is incorporated into the socio-cultural environment of the university. In relation to the socio-cultural environment, the media environment of the university has certain autonomy. In the absence of adequate management the media environment of the university can make destructive elements in its socio-cultural environment.

Key words: information society; socio-cultural environment of the university; media environment; transformation of socio-cultural environment

Становление и развитие информационного общества сопровождается трансформацией социокультурной среды, что обусловлено быстрым развитием и внедрением информационно-коммуникационных технологий.

В современном мире обеспечение национальных интересов невозможно без формирования национальной цифровой экономики. Цели, задачи и меры по реализации внутренней и внешней политики Российской Федерации, направленные на развитие информационного общества и формирование национальной цифровой экономики, обозначены в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы.

Информационное общество — одно из основных понятий Стратегии, определяется как «общество, в котором информация и уровень ее применения и доступности кардинальным образом влияют на экономические и социокультурные условия жизни граждан»¹.

В целях реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. была утверждена Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в которой одним из ключевых институтов, в рамках которых создаются условия для развития цифровой экономики, названо образование².

Формирование и трансмиссия ценностей информационного общества в большой степени зависят от состояния социокультурной среды образовательного учреждения. Сущность социокультурных процессов состоит во вхождении личности в социокультурное пространство, более того, социокультурное развитие личности осуществляется на основе расширения социокультурного пространства.

Современная социокультурная среда характеризуется высокой степенью динамичности, что связано как с внешними вызовами, так и с внутренними процессами, происходящими в самой среде. Поэтому результат социокультурного проектирования не предполагает безусловной определенности в достижении целей. При прогнозировании результатов необходимо учитывать возможные изменения факторов среды, как явных, так и скрытых.

¹Указ Президента РФ от 9.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/#ixzz5XY8onFKo> (дата обращения: 22.11.2018).

²Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.07.2017 № 1632-р «Об утверждении программы Цифровая экономика Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (дата обращения: 22.11.2018).

Результативность работы по управлению социокультурной средой вуза (ее проектирование и конструирование) зависит от правильного выбора методологических подходов и принципов организации совместных действий субъектов и объектов образовательного процесса. Можно согласиться с Я. Ю. Щербиной, что «методологическая рефлексия в сфере нетрадиционного социального проектирования направлена, с одной стороны, на разработку принципов и методов проектирования в условиях отсутствия прототипов; с другой стороны, на удержание и реализацию исходных социальных требований и ценностей. По сути, продукты этой рефлексии являются прототипами проектирования новых прототипов» [1]. В этом смысле каждый конкретный вуз является экспериментальной площадкой.

Развитие информационного общества сопровождается формированием новой среды обитания, опосредованной информационно-коммуникативными процессами. Это нашло отражение в возникновении и распространении таких понятий, как «информационное пространство», «информационно-коммуникативное пространство», «медиапространство», «информационная среда», «медиасреда», «медиасфера» и т. д. Подобный терминологический плюрализм говорит об отсутствии сложившегося категориального аппарата применительно к данному феномену.

Достаточно полную дефиницию медиасреды дал А. М. Кузьмин: «это то, что нас окружает повседневно. Это совокупность условий, в контексте которых функционирует медиакultura, то есть сфера, которая через посредничество массовых коммуникаций... связывает человека с окружающим миром» [2].

В социологических, культурологических, психологических, педагогических исследованиях последних лет также обращает на себя внимание тот факт, что медиапространство, медиасреда определяются как социокультурные факторы. Так, Т. И. Ефанова отмечает высокий потенциал информационно-образовательной среды в формировании качеств личности и профессиональных компетенций [3].

По мнению Т. С. Жилинской, сформированная медиасреда вуза позволит решить следующие дидактические задачи: «возможность формирования умений и навыков организации и осуществления социальной коммуникации в электронной медиасреде; информационного моделирования, структурирования информации, выявления сущностных объектов и их атрибутов, отбора значимой информации исторического источника (источников), анализа информации, выполнения запросов к базе данных и информационной системе и др., овладения приемами и методами научного подхода к решению задач в области гуманитарного знания; индивидуализация обучения; увеличение доли контролируемой самостоятельной работы за счет расширения технической и ресурсной базы изучения дисциплин специальности и осуществления проектной деятельности; использование элементов дистанционного обучения» [4].

И. Г. Захарова определяет информационно-образовательную среду вуза как систему интеллектуальных, культурных, программно-методических, организационных и технических ресурсов, характеризующихся открытостью, масштабируемостью, диалогичностью, интегративностью, адаптируемостью, избыточностью, многоаспектностью знаниевого и деятельностного компонентов [5]. По мнению Л. А. Ивановой, «медиаобразовательное пространство может и должно стать «дорожной картой» для реализации новых идей» [6]. В. П. Коломиец рассматривает медиасреду как «фактор общественных преобразований, так как меняет образ жизни людей, социальные практики и, как следствие, индивидуальные способы мышления и постижения мира» [7].

Специалисты в области изучения массмедиа Н. Коулдри и А. Маккарти констатируют, что медиа формируют новую реальность, которая, являясь социальной конструкцией, противоречива по своей сути. Изучение феномена медиапространства предполагает выявление в нем взаимосвязи макросоциального и микросоциального, глобального и локального, внешнего мира и мира человеческих переживаний, пространства потребления и пространства производства [8]. Можно сделать вывод о том, что медиапространство дихотомично: с одной стороны, оно характеризуется возрастающим воздействием на общество средств медиакommunikаций, делающих информацию более доступной, с другой стороны, возрастает медиаактивность индивида. Человек не только потребляет информацию, он производит, воспроизводит ее, обменивается ею, выступая как субъект (создатель и обладатель информации) и как объект (потребитель информации).

Е. Г. Ним выделяет три измерения медиапространства: медиированное пространство — пространство, репрезентированное посредством медиа; медиатизированное пространство — как среда распространения медийных технологий; пространство медиа — сами медиа и система их взаимосвязей. При этом автор характеризует пространство медиа как социокультурное пространство [9].

Процесс информатизации расширяет границы социокультурной среды вуза, модернизируя ее содержание, формы и методы образовательного и воспитательного процессов. Являясь социальным институтом, вуз не может быть вне социальных и культурных сред, в противном случае будет невыполнима его главнейшая функция — трансляция социального опыта и знаний новым поколениям. Социокультурная среда вуза взаимодействует с другими средами — социальными, культурными, социокультурными, некоторые из которых при определенных условиях могут трансформироваться в собственные среды образовательного пространства вуза. В условиях информационного общества медиасреда инкорпорируется в социокультурную среду вуза. Нельзя не согласиться с О. В. Шлыковой, которая отмечает, что мультимедийные технологии отличает способность как производить потребляемый мультимедийный продукт, так и оказывать опосредованное влияние на потребляющего этот продукт человека, «меняя его представления о самом себе» [10].

Тем не менее необходимо отметить, что медиасреда вуза обладает некой автономией по отношению к социокультурной среде, так как при отсутствии адекватного управления медиасреда вуза может вносить деструктивные элементы в его социокультурную среду. Это может происходить в тех случаях, когда медиасреда вуза слабо развита. Например, отсутствие должного информационного обеспечения образовательного процесса, отсутствие аутентичных медиатехнологий, слабо развитые медиакомпетенции обучающихся и др. Можно согласиться с Т. Н. Носковой и О. В. Яковлевой, полагающих, что «...В современной социальной ситуации становится особенно важным целенаправленно извлекать новые знания, образовательные стратегии, социальные действия из окружающего информационного пространства. Необходимо расширять связи медиасреды с широкой социальной средой не только для извлечения новых знаний, но и для оказания культурных влияний на студентов» [11].

Определенные взаимосвязи и информационный обмен между социокультурной средой вуза и окружающей средой определяют открытость вузовской социокультурной среды. Процесс управления моделирует и непосредственно влияет на возникающие взаимодействия. Использование всех возможностей окружающей среды, наиболее значимых внешних условий и факторов может сделать взаимодействия системными, упорядоченными. Напротив, игнорирование факторов возможностей окружающей среды приводит к стихийным, бессистемным взаимодействиям.

Библиографический список

1. Щербина Я. Ю. Проектное сознание в социальном проектировании сегодня // Вестник науки и образования. – 2016. – № 1. – С. 42–43.
2. Кузьмин А. М. Категория «медиасреда» и ее содержание на современном этапе развития общества [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2011. – № 1. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/765> (дата обращения: 23.11.2018)
3. Информационно-образовательная среда вуза / Т. И. Ефанова [и др.] // Новое слово в науке: перспективы развития: материалы VII междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 15 января 2016 г.). В 2 т. Т. 1. – 2016. – № 1 (7). – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс». – С. 195–199.
4. Жилинская Т. С. Электронная медиасреда обучения как часть информационно-образовательной среды вуза // Междунар. конгресс по информатике: информационные системы и технологии: материалы междунар. науч. конгресса (31 октября – 3 ноября 2011 г.): в 2 ч. Ч. 1. – Минск: БГУ, 2011. – С. 361–366.
5. Захарова И. Г. Информационные технологии в образовании: учеб. для студ. учреждений высш. проф. образования. – М.: Академия, 2013. – 208 с.
6. Иванова Л. А. Современное высшее профессиональное образование в рамках реализации стратегической модели «Российское образование 2020»: к проектированию медиаобразовательного пространства // Проблемы высшего образования: материалы междунар. науч.-метод. конф. (Хабаровск, 17–19 марта 2010 г.). – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2010. – С. 67–70.
7. Коломиец В. П. Медиасреда и медиапотребление в современном российском обществе // Социологические исследования. – 2010. – № 1. – С. 58–66.
8. Mediaspace: Place, Scale and Culture in a Media Age / Eds N. Couldry, A. McCarthy. – New York: Routledge, 2004. – P. 1–15.
9. Ним Е. Г. Медиапространство: основные направления исследований [Электронный ресурс] // Бизнес. Общество. Власть. – 2013. – № 14. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/mag/27364712/2013--14/83292427.html/> (дата обращения: 22.11.2018).
10. Шлыкова О. В. Культура мультимедиа. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2004. – 415 с.
11. Носкова Т. Н., Яковлева О. В. Современный студент в медиасреде: вопросы профессионального развития // Педагогическое образование в России. – 2013. – № 2. – С. 134–138.

Сведения об авторах

Филатова Марина Николаевна,
д. социол. н., доцент, заведующий кафедрой
философии и социально-политических техноло-
гий, Российский государственный университет
нефти и газа (национальный исследовательский
университет) им. И. М. Губкина, г. Москва

Майер Владимир Викторович,
д. социол. н., доцент, профессор кафедры фи-
лософии и социально-политических технологий,
Российский государственный университет
нефти и газа (национальный исследовательский
университет) им. И. М. Губкина, г. Москва,
e-mail: mayer-v-v@yandex.ru

Information about the authors

Filatova M. N., Doctor of Sociology, Asso-
ciate Professor, Head of the Department of Philos-
ophy and Social and Political Technologies, Gub-
kin Russian State University of Oil and Gas (Na-
tional Research University), Moscow

Mayer V. V., Doctor of Sociology, Asso-
ciate Professor, Professor at the Department of
Philosophy and Social and Political Technologies,
Gubkin Russian State University of Oil and Gas
(National Research University), Moscow, e-mail:
mayer-v-v@yandex.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножко Марина Львовна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета
Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна, д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета
Алексеев Александр Николаевич, д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)
Барбаков Олег Михайлович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета
Гаврилюк Вера Владимировна, д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета
Генин Влад, PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)
Голенкова Зинаида Тихоновна, д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН
Данилов Александр Николаевич, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)
Докторов Борис Зусланович, д. ф. н., профессор, действительный член Российской академии социальных наук, независимый исследователь и лектор (США)
Егоршин Александр Петрович, д. э. н., профессор, ректор Нижегородского института менеджмента и бизнеса

Енгоян Ашот Пайлакович, д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)
Зборовский Гарольд Ефимович, д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
Звонников Виктор Иванович, д. пед. н., профессор, генеральный директор Ассоциации организаций развития управленческого образования, член Комитета по развитию профессионального и бизнес-образования Торгово-промышленной палаты РФ
Ильинных Светлана Анатольевна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления
Левашов Виктор Константинович, д. с. н., профессор, руководитель Аналитического центра стратегических социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН
Максимова Светлана Геннадьевна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета
Мартынов Михаил Юрьевич, д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета
Нарбут Николай Петрович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов
Пленкина Вера Владимировна, д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета
Рой Олег Михайлович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского
Силин Анатолий Николаевич, д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета
Тараданов Александр Ардалионович, д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета
Янчаркова Юлие, PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Belonozhko Marina Lvovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen
Deputy Editor-in-Chief Khairullina Nursafa Gafurovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen
Alekseyenko Aleksander Nikolayevich, Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) «Altaytanu», East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov
Barbakov Oleg Mikhaylovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen
Gavriluk Vera Vladimirovna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen
Genin Vlad, PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco - Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)
Golenkova Zinayida Tikhonovna, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Danilov Alexander Nikolayevich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)
Doctorov Boris Zusmanovich, PhD (in Philosophy), Professor, Full Member of the Russian Academy of Social Sciences, Independent Analyst and Consultant, Lecturer (USA)
Egorshin Alexander Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Rector of Nizhny Novgorod Institute of Management and Business
Engoyan Ashot Paylakovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of theory and history of political science, Yerevan State University
Zborovsky Garold Efimovich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
Zvonnikov Victor Ivanovich, Doctor of Pedagogy, Professor, Director General of Association of Development of Management Education, Member of Committee on Development of Professional and Business Education of the Chamber of Commerce of the Russian Federation
Ilijnyh Svetlana Anatolyevna, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management
Levashov Viktor Konstantinovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, Institute of Social and Political Researches of the Russian Academy of Sciences
Maximova Svetlana Gennadjevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University
Martynov Michail Urievich, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University
Narbut Nikolai Petrovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia
Plenkina Vera Vladimirovna, Doctor Of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen
Roy Oleg Mikhailovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky
Silin Anatoliy Nikolaevich, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen
Taradanov Aleksandr Ardalionovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University
Jančárková Julie, PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (The Czech Republic)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» — это академический журнал, акцентирующий внимание на теории и методологии исследований социальных, социально-экономических, социально-политических и социокультурных процессов. В нем освещаются новейшие исследования, концепции и теории, свежие практические идеи и инициативы, результаты.

Редакция журнала принимает статьи от российских и зарубежных авторов по следующей тематике:

- Теория и методология исследования социальных процессов
- Управленческие процессы
- Экономические и демографические процессы
- Политические и правовые процессы
- Культурные традиции и новации
- Проблемы и перспективы развития науки и образования
- Информационные технологии и виртуальное пространство

Эмпирические исследования, концепции, мета-анализ, рецензии на книги, количественные и качественные исследования, социальные инновации, обзоры литературы, ретроспективы, взгляды практиков — все это может быть объектом исследований.

Журнал выходит ежеквартально в марте, июне, сентябре и декабре.

Каждая статья рецензируется. После того как рецензент признает ее пригодной для публикации, редакционная коллегия решает, возможна ли публикация статьи, нужно ли ее доработать или отказать в публикации.

Присланная статья (материалы) не должна быть ранее нигде опубликованной, не может быть послана для публикации в другие издания. Если статья будет принята в журнале, она не должна публиковаться в той же форме на английском или каких-либо других языках без письменного согласия редакционной коллегии. Автор статьи несет ответственность за подбор и объективность приведенных фактов, данных и прочих сведений, а также за отсутствие в присланных материалах плагиата и неправомерного заимствования. Редакция журнала не несет ответственность за достоверность и объективность материалов, предоставляемых авторами.

Редакция оставляет за собой право на сокращение и редактирование статей.

Направление материалов в редакцию для публикации означает согласие автора с приведенными выше требованиями.

Пожалуйста, посылайте Ваши статьи: профессор Белоножко Марина Львовна — главный редактор, e-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru; профессор Нурсафа Хайруллина — зам. главного редактора, e-mail: nursafa@inbox.ru; hajrullinang@tyuiu.ru. Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76.

Индекс Роспечати **19420**. Для жителей Тюмени организована подписка на журнал в редакции.

ПРАВИЛА ПОДГОТОВКИ РУКОПИСИ

Рукопись, предоставляемая в редакцию, должна иметь название статьи, ФИО авторов, их должностную и контактную информацию (телефон, e-mail), название учреждения, где выполнена работа, аннотацию (резюме), ключевые слова — все вышеперечисленное на русском и английском языках, введение (краткое), цель исследования, материал и методы исследования, результаты исследования и их обсуждение, выводы или заключение, библиографический список, включающий не менее 10 наименований.

При написании и оформлении статей для печати редакция журнала просит придерживаться следующих правил.

1. Заглавие статьи должно соответствовать следующим требованиям:

- быть информативным;
- включать только общепринятые сокращения;
- не должно содержать больше 8, 9 слов.

2. Библиографический список дается авторами в конце статьи в порядке последовательности ссылок в тексте. Ссылки на литературу и источники даются в квадратных скобках в тексте (например, [12, 67]). В библиографическом списке указываются: а) для журналов и сборников —

фамилии и инициалы авторов, название статьи, название журнала (сборника), номер или том, место и год издания, стр.; б) для книг — фамилии и инициалы авторов, название книги, место издания, название издательства, год издания, стр. В список вносят только те работы, которые опубликованы в печати. Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 2008.

3. Статья должна иметь индекс УДК по таблицам Универсальной десятичной классификации, имеющимся в библиотеках.

4. Объем аннотации должен включать минимум 250 слов (по ГОСТ 7.9–95 — 850 знаков, не менее 10 строк). Аннотация объемом не менее 10 строк должна кратко излагать предмет статьи и основные содержащиеся в ней результаты.

Рукопись предоставляется в редакцию в виде файла, набранного с использованием Microsoft Word, размер шрифта — 11 (Times New Roman), межстрочный интервал — одинарный, абзац 1 см, страницы не нумеруются. Ввод формул производится в редакторе формул Microsoft Equation 2.0. Иллюстрации выполняются на компьютере и вставляются в файл статьи. В таблицах все наименования проставляются полностью, без сокращения слов. Объем статьи — до 4 страниц. Параметры страницы: верхнее поле — 2,5 см, нижнее поле — 2 см, левое поле — 2,5 см, правое поле — 2,5 см.

Если статья была или будет направлена в другое издание или же была ранее опубликована, необходимо сообщить об этом в редакцию.

Рукописи, не принятые к опубликованию, авторам не высылаются.

Редакция имеет право производить сокращения и редакционные изменения текста рукописей. Корректур статей авторам не предоставляется.

Электронный вариант статьи высылается по адресу e-mail.

Заголовок рукописи должен быть набран заглавными буквами, жирным шрифтом и по центру в верхней части первой страницы. Автор(ы) и представляемые ими организация(и) должны находиться по центру, жирным шрифтом, через один интервал на третьей строке под заголовком. Не используйте звания, такие как д-р или профессор и т. д.

**Джон Смит, Тюменский индустриальный университет
Мэри Джонс, Университет Калифорнии, Беркли
John Smith, Industrial University of Tyumen
Mary Jones, University of California, Berkeley**

Если у вас более одного автора и все они представляют одну организацию.

**Джон Смит
Кэти Мэттьюз
Тюменский индустриальный университет
John Smith
Kathy Matthews
Industrial University of Tyumen**

CALL FOR PAPERS

«News From Higher Educational Institutions. Sociology, Economics, Politics» is an academic Journal focusing on the theory and methodology of research of socio-economic, socio-political and socio-cultural processes. It highlights cutting edge research, new concepts and theories, and fresh practical ideas and initiatives. The editors of the Journal welcome contributions from throughout the world in the following research areas:

- Theory and methodology of social processes
- Management processes
- Political and legal processes
- Economic and demographic processes
- Cultural traditions and innovations
- Problems and prospects of science and education development
- Information technologies and virtual space

Empirical studies, conceptual papers, meta-analyses, literature reviews, case studies, quantitative and qualitative studies, pedagogical innovations, practitioner perspectives, and book reviews are all welcome. Papers can adopt a historical perspective, a current perspective or a future perspective. Contributions from practitioners along with academics in the field, reporting on the latest strategies, new thinking and initiatives being applied are published as well.

The Journal is published quarterly in March, June, September and December. Each paper is reviewed by the Editors, and, if judged suitable for this publication, is then sent to our referees for double blind peer review. The Editors then decide whether the paper should be accepted as it is, revised or rejected.

Submission of a paper implies that it has not been published previously, that it is not under consideration for publication elsewhere, and that if accepted it will not be published elsewhere in the same form, in English or in any other language, without the written consent of the publisher.

The author is responsible for the selection and objectivity of the facts, data and other information, as well as the absence in the materials submitted plagiarism and unauthorized borrowing. The Editors are not responsible for the accuracy and objectivity of the materials submitted by the authors.

The editors reserve the right to cut and edit articles.

Contributing to the editor for publication constitutes acceptance by the author the above requirements.

MANUSCRIPT SUBMISSION GUIDELINES

A manuscript submitted for publication should have the article title, authors, their officials and contact information (phone, e-mail) name of the institution where the work was performed, the abstract, keywords — all of the above both in English and in Russian, the introduction (short), the purpose of the study, material and methods, results and discussion, conclusions, or conclusion, references, consisting of not less than 10 names. When writing and drafting articles for the publication the Editorial Board asks to follow these editorial guidelines.

1. The title of the article should meet the following requirements:

- Titles of scientific articles should be informative;
- You can use only standard abbreviations in the title.
- Title of the article should not contain more than 8–9 words.

2. References should be in alphabetical order - first domestic and then foreign authors and executed in accordance with GOST 2008 7.0.5. References should be listed and numbered at the end of the paper. References cited in the text should appear as the corresponding numbers in square bracket with or without the author's names in front. (for example, [12, 67]). References should be given in the following form: a) for Journal Articles — Author(s) last name, followed by first and middle initials; Article Title; Journal Title; Volume Number; Location; Year of Publication; Pages; b) for Books — Author(s) last name, followed by first and middle initials; Book Title; Publisher Location; Name of Publisher; Year of Publishing; Pages (GOST 7.1 –84). References should list only those works which are already published.

3. The article should have an index on UDC (Universal Decimal Classification) tables, available in libraries.

4. The volume of abstracts must include a minimum of 250 words (According to GOST 7.9–95: 850 characters, not less than 10 lines). Abstract of not less than 10 lines should summarize the main subject of the article and contain the results of the research.

Papers submitted for publication must meet three criteria: One, the manuscript must contribute to knowledge, theory, and practice; Two, the manuscript content must be accurate and scholarly; and Three, the manuscript must conform to the editorial guidelines of the Journal presented below:

The paper should be submitted as a file and via email. The paper should be in APA style and typewritten in Microsoft Word with font size 11 (Times New Roman). Do not insert page numbers.

Footnotes are not allowed. All formulas and/or equations (if any) should be done by using Microsoft Equation 2.0. and be placed on separate lines and numbered consecutively, with the equation/formula numbers placed in parentheses and aligned against the left margin.

Tables, figures, and graphs should be typed as close as possible to the location where they are cited. No abbreviations (all words appearing in tables should be fully spelled out). Headings should be centered, bold-faced, and in all capital letters above the table or figure. All tables must be in boxes.

The body of the manuscript should be single space. Double space before and after first-level and second-level headings. Triple space between the title and before and after the author's name.

All paragraphs should be indented with a tab of five (5) spaces, paragraph 1. You must leave a space after each paragraph. The margins should be as follows: Left Margin: 2,5 cm Right Margin: 2,5 cm Top Margin: 2,5 cm Bottom Margin: 2 cm

All spelling, grammar, and punctuation are the responsibility of the author(s). No corrections will be made by the Journal Editors. Therefore, all articles must be edited prior to submission.

Note: Rejected manuscripts will not be returned to the author(s).

Manuscripts which fail to meet the specifications will be returned to the author and risk not being published or at the very least, delaying the publication schedule.

A manuscript submitted for publication in the Journal should not have appeared or be under consideration for publication in other journals. Citation of the original work must be included.

After acceptance by the Journal, a paper or any portion of a paper may not be published elsewhere without prior written approval from the Editors. A manuscript published in the Journal becomes the property of the Journal, with the Journal possessing exclusive right to publication. All copyrights will belong to the Journal.

The Journal reserves the right to edit manuscripts for brevity, clarity, and consideration of style.

The electronic version of it should be sent to: professor Belonozhko M. L. — Editor-in-Chief, e-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru; professor Khairullina N. G. — Deputy Editor-in-Chief, e-mail: nursafa@inbox.ru; hajrullinang@tyuiu.ru. Phone/Fax: 8 (3452) 28–30–76.

The title of the manuscript should be in all capital letters, bold-faced, and centered at the top of the first page. The author(s) and affiliation(s) should be centered, bold-faced, and single-spaced beginning on the third line below the title. Do not use titles such as Dr. or Professor, etc.

John Smith, Industrial University of Tyumen
Mary Jones, University of California, Berkeley

If you have more than one author and all authors have the same affiliation, use the following format:

John Smith
Kathy Matthews
Industrial University of Tyumen

Подписано в печать 28.12.2018. Формат 60х90 1/8.
Уч.-изд. л. 8,32. Усл. печ. л. 15,0. Тираж 500. Заказ № 1474
Центр развития публикационной активности
федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский индустриальный университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.
Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.